

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

DOI: 10.26794/2226-7867

Издание перерегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-67071
от 15 сентября 2016 г.

The edition is reregistered
in the Federal Service for Supervision
of Communications,
Informational Technologies and Media Control:
PI No. ФС77-67071
of 15, September, 2016

Периодичность издания – 6 номеров в год

Publication frequency – 6 issues per year

Учредитель: «Финансовый университет»

Founder: “Financial University”

Журнал входит в перечень периодических
научных изданий, рекомендуемых ВАК
для публикации основных результатов
диссертаций на соискание ученых степеней
кандидата и доктора наук, включен в ядро
Российского индекса научного цитирования
(РИНЦ)

The Journal is included in the list
of academic periodicals recommended
by the Higher Attestation Commission for
publishing the main findings of PhD and
ScD dissertations, included in the core of the
Russian Science
Citation Index (RSCI)

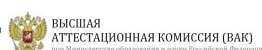
Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс 44090 в объединенном
каталоге «Пресса России»

The Journal is distributed by subscription.
Subscription index: 44090 in the consolidated
catalogue “The Press of Russia”

Vol. 10, No. 4, 2020

GUMANITARNYE NAUKI. VESTNIK FINANSOVOGO UNIVERSITETA (HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES. BULLETIN OF THE FINANCIAL UNIVERSITY)

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редсовета – М.А. Эскиндаров, доктор экономических наук, профессор, ректор Финансового университета, академик Российской академии образования;

С.В. Алексеев, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры, председатель Историко-просветительского общества «Радетель»;

А.Н. Аринин, доктор политических наук, директор Института федерализма и гражданского общества, депутат Государственной Думы Федерального собрания РФ первого (1993–1995) и второго (1995–1999) созывов;

А.И. Ильинский, доктор технических наук, профессор, научный руководитель факультета международных экономических отношений Финансового университета;

Ф.А. Лукьянов, председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»;

И.Ю. Новицкий, депутат Московской городской Думы (1993–2014), заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Международного университета в Москве;

Р.М. Нуреев, д-р экономических наук, профессор, научный руководитель Департамента экономической теории Финансового университета;

А.В. Островский, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Дальнего Востока Российской академии наук (РАН);

В.В. Фёдоров, кандидат политических наук, генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), научный руководитель факультета социологии и политологии Финансового университета;

В.Г. Федотова, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН;

В.Ф. Шрейдер, доктор политических наук, депутат Государственной Думы VI созыва от «Единой России», член комитета ГД по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления, член-корреспондент Международной академии общественных наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – А.Б. Шатилов, кандидат политических наук, профессор, декан факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета;

Заместитель главного редактора – А.Г. Тюриков, доктор социологических наук, профессор, руководитель Департамента социологии Финансового университета;

Заместитель главного редактора – Я.А. Пляйс, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор-исследователь Департамента политологии Финансового университета;

С.Ю. Белоконов, кандидат политических наук, доцент, научный руководитель факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета;

А.Н. Зубец, доктор экономических наук, директор Института социально-экономических исследований Финансового университета;

В.В. Кафтан, доктор философских наук, профессор Департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса Финансового университета;

В.А. Лапшов, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Московского государственного лингвистического университета;

Д.З. Музашвили, кандидат философских наук, заместитель декана факультета социальных наук и массовых коммуникаций по научной работе Финансового университета;

А.В. Пачкалов, кандидат исторических наук, доцент Департамента гуманитарных наук Финансового университета;

Д.В. Петросянец, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра макроэкономических исследований Финансового университета;

М.В. Полевая, руководитель Департамента психологии и развития человеческого капитала; главный научный сотрудник Центра исследований экономического поведения личности Финансового университета;

С.В. Расторгуев, доктор политических наук, профессор Департамента политологии Финансового университета;

Г.Г. Силласте, доктор философских наук, научный руководитель Департамента социологии Финансового университета;

К.В. Симонов, кандидат политических наук, профессор, руководитель Департамента политологии Финансового университета;

А.А. Трошин, кандидат философских наук, заместитель декана по магистратуре и профориентационной деятельности Факультета социологии и политологии Финансового университета

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Е.В. Астахова, доктор исторических наук, профессор, ректор Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия» (Украина);

Д. Байчунь, доктор наук, профессор Пекинского педагогического университета, директор Культурного центра китайско-российских отношений (Китай);

Н.М. Долгополов, заместитель главного редактора «Российской газеты», член Союза журналистов РФ, член Союза писателей Москвы и Межрегионального союза писательских организаций (Россия);

Т.М. Кальво Мартинес, доктор наук, профессор, директор Парижского международного института философии (Испания);

Р. Крумм, руководитель московского филиала Фонда имени Фридриха Эберта (Россия);

В. Макбрайд, доктор наук, профессор, президент Международной федерации философских обществ (США);

И. Мамед-заде, доктор философских наук, профессор, директор Института философии, социологии и права НАН Азербайджана (Азербайджан);

К. Мацузато, доктор права, профессор, Токийский университет (Япония);

А.Н. Нысанбаев, доктор философских наук, профессор, академик Академии наук Казахстана, научный руководитель Института философии Академии наук Казахстана (Казахстан);

Ж.-Л. Трюэль, доктор экономических наук, консультант по развитию международных отношений в РФ и странах СНГ, вице-президент Ассоциации экономистов Le Cercle Kondratieff («Кружок Кондратьева»), профессор Университета Париж-12 (Франция);

К. Уилкоккс, доктор политических наук, заслуженный профессор кафедры управления Университета Джорджтаун (США);

Цуй Чжэн, кандидат политических наук, доцент, заместитель директора Центра исследований экономики и политики стран с переходной экономикой Ляонинского университета (КНР)

EDITORIAL BOARD

Chairman of the Editorial Council – **M.A. Eskindarov**, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Financial University, Academician of the Russian Academy of Education;

S.V. Alekseev, Doctor of History, Professor, Department of History and Historical Archive Science of Moscow State Institute of Culture; Chairman of Historical and Educational Society “The Guardian”;

A.N. Arinin, Doctor of Political Sciences, Director of the Institute of Federalism and Civil Society, Deputy of the State Duma of the First (1993–1995) and Second (1995–1999) Convocations;

A.I. Ilinskij, Doctor of Engineering, Professor, Scientific Chairman of the Faculty of International Economic Relations, Financial University;

F.A. Lukyanov, Chairman of the Presidium of the Foreign and Defense Policy Council (SWAP), Editor-in-chief of the journal “Russia in Global Affairs”;

I.Y. Novitsky, Deputy of the Moscow City Duma (1993–2014), Head of the Department of State and Municipal Administration of the International University in Moscow;

R.M. Nureyev, Doctor of Economics, Professor, Scientific Chairman of the Economic Theory Department, Financial University;

A.V. Ostrovsky, Doctor of Economics, Professor, Deputy Director of the Institute of the Far East, Russian Academy of Science;

V.V. Fedorov, Cand. Sci. of Political Science, Director General of the All-Russian Public Opinion Research Center (VTSIOM), Scientific Chairman of the Faculty “Sociology and Political Sciences”, Financial University;

V.G. Fedotova, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Science;

V.F. Schreider, Doctor of Political Sciences, Deputy of the State Duma of the VI Convocation from the “United Russia”, member of the State Duma Committee on the Federal Structure and Local Government, Corresponding-member of the International Academy of Social Science

EDITORIAL COUNCIL

Editor-in-Chief – **A.B. Shatilov**, Cand. Sci. of Political Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University;

Deputy Editor – **A.G. Tjurikov**, Doctor of Sociology, Head of Department of Sociology, Financial University;

Deputy Editor – **Y.A. Pleis**, Doctor of History, Doctor of Political Sciences, Research Professor at the Department of Political Sciences, Financial University;

S. Yu. Belokonev, Cand. Sci. of Political Sciences, Associate Professor, Scientific Chairman of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University;

A.N. Zubets, Doctor of Economics, Director of the Institute of Socio-economic Research, Financial University;

V.V. Kaftan, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Mass Communications and Media Business, Financial University;

V.A. Lapshov, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of Department of Sociology at Moscow State Linguistic University;

D.Z. Muzashvili, Cand. Sci. of Philosophy, Deputy Dean of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications for research work, Financial University;

A.V. Pachkalov, Cand. Sci. of History, Associate Professor, Department of Humanitarian Sciences, Financial University;

D.V. Petrosyants, Cand. Sci. of Economics, Senior Researcher of the Center for Macroeconomic Research, Financial University, Moscow, Russia;

M.V. Polevaya, Head of the Department of Psychology and Human Capital Development; Chief Researcher at the Center for Research on the Economic Behavior of the Personality of the Financial University;

S.V. Rastorguev, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Political Sciences, Financial University;

G.G. Sillaste, Doctor of Philosophy, Scientific Chairwoman of Department of Sociology, Financial University;

K.V. Simonov, Cand. Sci. of Political Sciences, Professor, Head of Department of Political Science, Financial University;

A.A. Troshin, Cand. Sci. of Philosophy, Deputy Dean for master’s degree and career guidance of the “Sociology and Political Sciences” Faculty, Financial University

EDITORIAL COUNCIL

E.V. Astakhova, Doctor of History, Professor, Rector of Kharkov University for Humanities, “People’s Ukrainian Academy” (Ukraine);

D. Baychun, Doctor, Professor, Beijing Pedagogical University, Director of the Cultural Center of the Sino-Russian Relations (China);

N.M. Dolgoplov, Deputy Editor of the “Russian Newspaper”, a member of the Union of Journalists of Russia, a member of the Union of Writers of Moscow and of the Interregional Union of Writers’ Organizations (Russia);

T.M. Calvo Martinez, Doctor of Philosophy, Professor of Greek Philosophy at the Universidad Complutense (Madrid, Spain); Director of the International Institute of Philosophy in Paris (Spain);

R. Krumm, Director of the Moscow branch of the Friedrich Ebert Foundation (Russia);

W. McBride, Doctor of Philosophy, Professor of Department of Philosophy at Purdue University, Honorary President of the International Federation of Philosophical Societies (USA);

I. Mamed-Zadeh, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law, National Academy of Sciences of Azerbaijan (Azerbaijan);

K. Matsuzato, Doctor of Law, Department of Law and Politics, University of Tokyo (Japan);

A.N. Nysanbaev, Doctor, Professor, Full member of the Academy of Sciences of Kazakhstan, Scientific Director of Institute of Philosophy, Academy of Sciences of Kazakhstan (Kazakhstan);

J.-L. Truel, Doctor of Economics, Associate Professor at Université Paris-Est Créteil, Managing director of International Business Development, Vice-President of the Association of Economists “Le Cercle Kondratieff”;

C. Wilcox, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Government, Georgetown University, Washington, D.C. U.S.;

Cui Zheng, Cand. Sci. of Political Sciences, Associate Professor, Deputy Director of Research Centre for the Economics and Politics of Transitional Countries, Liaoning University (China)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА: ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:

ТРЕНДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

<i>Расторгуев С.В., Волхонская З.И.</i> Методология исследования общественно-политических установок иностранных студентов	6
<i>Салин П.Б.</i> Ключевые проблемы политической социализации обучающихся в РФ иностранных студентов	14
<i>Мальсагова К.Б., Мержоева З.М.</i> Измерение уровня доступности образовательных услуг для людей с ограниченными возможностями здоровья в рамках экспертизы качества условий осуществления образовательной деятельности в Республике Ингушетия	19
<i>Кондрахина Н.Г., Петрова О.Н.</i> ЕМІ и другие профессиональные риски преподавателя английского языка	24
<i>Зубов В.В.</i> Рабочие факультеты: просвещение народных масс и/или идеологизированная химера.	32

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ: РОССИЙСКИЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

<i>Тен Ю.П., Приходько Л.В.</i> Формирование многоуровневой модели мировой культуры как ответ на вызовы глобализации	38
<i>Силласте Г.Г., Санакина Е.А.</i> Стажерство как фактор развития социального потенциала компании.	46
<i>Трошин А.А.</i> Наследие советского урбанизма как фактор, определяющий современную цифровизацию городской среды	53
<i>Мухаметов Д.Р.</i> Политические риски и барьеры цифровизации.	58
<i>Пырма Р.В.</i> Структура сетевых сообществ социальных медиа в информационном потоке внешнего давления на Крым.	65
<i>Бойко С.И.</i> Проект солидарного общества для Союзного государства Беларуси и России	73
<i>Бестаева Е.В.</i> Социолингвистический аспект развития современных цифровых технологий. Преимущества и риски	80

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

<i>Галас М.Л.</i> Страновые политико-правовые основы регулирования миграционных процессов в условиях кризисного развития мирового сообщества	85
<i>Сургуладзе В.Ш.</i> Политическая психология фашизма: опыт критического анализа концепции Вильгельма Райха	92
<i>Махаматов Т.М.</i> Философия человека в поэзии Сеида Имадеддина Насими	99
<i>Знаменский Д.Ю., Гусаров А.С.</i> Анализ практик оценки эффективности государственных гражданских служащих в Российской Федерации	104

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Цуй Чжэн, Ван Яцзе.</i> Анализ политического поведения России после отмены договора о РСМД.	109
<i>Дронова С.Ю.</i> Баскский язык в испанском газетном дискурсе как инструмент поддержания политической идентичности	118
<i>Леденева В.Ю.</i> Трансформация миграционных процессов в субъектах Уральского федерального округа и их влияние на демографическую и этнокультурную безопасность региона	125
<i>Алексеева К.М.</i> Исследование специфики профессиональной деятельности в сфере B2B-коммуникаций.	131
<i>Реброва В.В.</i> Развитие финансового механизма оказания государственных услуг.	137

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

<i>Лаптева Е.В.</i> Эволюция московской банковской системы на рубеже XIX – начала XX века.	140
--	-----

CONTENTS

COVER STORY: EDUCATIONAL POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION:
TRENDS AND PROSPECTS

<i>Rastorguev S.V., Volkhonskaya Z.I.</i> Methodology for the Study of Socio-Political Attitudes of International Students.	6
<i>Salin P.B.</i> Key Problems of Political Socialization of International Students Studying in the Russian Federation.	14
<i>Malsagova K.B., Merzhoeva Z.M.</i> Measuring the Level of Accessibility of Educational Services for Disabled People as Part of the Examination of the Quality of the Conditions for Educational Activities in the Republic of Ingushetia.	19
<i>Kondrakhina N.G., Petrova O.N.</i> EMI and Other Professional Risks of ESP Teacher.	24
<i>Zubov V.V.</i> Workers' Faculties: The Education of People's Masses and/or Ideological Chimaera.	32

SOCIAL AND POLITICAL INNOVATION:
RUSSIAN AND INTERNATIONAL EXPERIENCE

<i>Ten Yu.P., Prikhodko L.V.</i> Formation of a Multi-Level Model of World Culture as a Response to the Challenges of Globalization.	38
<i>Sillaste G.G., Sanakina E.A.</i> Internships as a Factor in Developing the Company's Social Potential.	46
<i>Troshin A.A.</i> The Legacy of Soviet Urbanism as a Factor Determining the Modern Digitalisation of the Urban Environment.	53
<i>Mukhametov D.R.</i> Political Risks and Barriers of Digitalisation.	58
<i>Pyrma R.V.</i> Structure of Network Communities of Social Media in the Information Flow of External Pressure in Crimea.	65
<i>Boyko S.I.</i> The Project of Solidary Society for the Union State of Belarus and Russia.	73
<i>Bestaeva E.V.</i> Sociolinguistic Aspect of the Advancements in Modern Digital Technologies. Benefits and Risks.	80

FUNDAMENTAL SCIENTIFIC KNOWLEDGE

<i>Galas M.L.</i> Country's Political and Legal Framework for Regulating Migration Processes in the Context of the Crisis Development of the World Community.	85
<i>Surguladze V.S.</i> Political Psychology of Fascism: Attempt of Critical Analysis of Wilhelm Reich's Concept.	92
<i>Makhamatov T.M.</i> The Philosophy of Man in the Poetry of Seid Nasimi Imadeddin.	99
<i>Znamenskiy D. Yu., Gusarov A.S.</i> Analysis of Practices for Assessing the Effectiveness of Civil Servants in the Russian Federation.	104

CURRENT SOCIO-POLITICAL RESEARCH

<i>Cui Zheng, Wang Yajie.</i> Analysis of Russia's Policy Behaviour After the Abolition of the INF Treaty.	109
<i>Dronova S. Yu.</i> Basque in the Spanish Newspaper Discourse as an Instrument for Maintaining Political Identity.	118
<i>Ledeneva V. Yu.</i> The Transformation of Migration Processes in the Regions of the Ural Federal District and Their Influence on Demographic and Ethnocultural Security of the Region.	125
<i>Alekseeva K.M.</i> The Research of Professional Activity Specificity in B2B-Communication.	131
<i>Rebrova V.V.</i> Development of the Financial Mechanism for the Provision of Public Services.	137

HISTORICAL EXCURSUS

<i>Lapteva E.V.</i> Evolution of the Moscow Banking System at the Turn of the XIX–Early XX Centuries.	140
--	-----

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ.
ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Международный
научно-практический журнал
Том 10, № 4 (46), 2020

Главный редактор –
А.Б. Шатилов
Заведующий редакцией
научных журналов –
В.А. Шадрин
Выпускающий редактор –
Ю.М. Анютина
Корректоры – **С.Ф. Михайлова,**
Е.В. Маурина
Верстка – **С.М. Ветров**
Переводчик – **З. Межва**

Адрес редакции:
125993, Москва, ГСП-3,
Ленинградский пр-т, 53, к. 5.6
Тел.: **8 (499) 943-98-02**
E-mail: julia.an@mail.ru
[http://www.fa.ru/dep/jgn/
about/Pages/default.aspx](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

Оформление подписки
в редакции
по тел.: **8 (499) 943-94-31,**
e-mail: MMKorigova@fa.ru;
Коригова М.М.

Подписано в печать 06.08.2020
Формат 60 x 84 1/8.
Объем 17,52 усл.п. л.
Заказ № 388
Отпечатано в Отделе
полиграфии
Финансового университета
(Ленинградский пр-т, д. 51)
© Финансовый университет

Editor-in-Chief – **A.B. Shatilov**
Head of Scientific Journals
Editorial Department –
V.A. Shadrin
Managing editor –
Yu.M. Anyutina
Proofreaders – **S.F. Mihaylova,**
E.V. Maurina
Design, make up – **S.M. Vetrov**
Translator – **Z. Mierzva**

Editorial address:
53, Leningradsky prospekt, office 5.6
Moscow, 125993
tel.: **+7 (499) 943-98-02**
E-mail: julia.an@mail.ru
[http://www.fa.ru/dep/jgn/
about/Pages/default.aspx](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

Subscription in editorial office
tel.: **+7 (499) 943-94-31**
e-mail: MMKorigova@fa.ru

Signed for press on 06.08.2020
Format 60 x 84 1/8.
Size 17,52 printer sheets.
Order № 388
Printed by Publishing House
of the Financial University
(51, Leningradsky prospekt)
© Financial University

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-6-13
УДК 32(045)

Методология исследования общественно-политических установок иностранных студентов*

С.В. Расторгуев^а, З.И. Волхонская^б

^{а,б} Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0003-1185-9374>; ^б <https://orcid.org/0000-0001-5203-389X>

АННОТАЦИЯ

В статье представлено обоснование классификации иностранных студентов на основе цивилизационных критериев. Выделены и охарактеризованы восемь культурных профилей: два постсоветских, европейский, латиноамериканский, африканский, арабский, китайский, южный. Для выявления и измерения общественно-политических установок иностранных студентов предложено использовать социологические шкалы. Авторы предложили собственные варианты следующих шкал: социальной дистанции Э. Богардуса, равных интервалов Л. Терстоуна, суммарных оценок Р. Лайкерта, шкалограммы Л. Гуттмана. Также предложена авторская интерпретация методики семантического дифференциала Ч. Осгуда. Каждая шкала позволяет выявить и измерить установки студентов из разных культурных профилей в отношении России. Предложен интегральный индекс общественно-политических установок, который состоит из средней величины от пяти вышеуказанных индексов. Интегральный индекс позволяет минимизировать ошибки исследования и сравнить установки студентов из разных культурных профилей.

Ключевые слова: общественно-политическая установка; культурный профиль; шкала Э. Богардуса; шкала Л. Терстоуна; шкала Р. Лайкерта; шкалограмма Л. Гуттмана; методика семантического дифференциала Ч. Осгуда

Для цитирования: Расторгуев С.В., Волхонская З.И. Методология исследования общественно-политических установок иностранных студентов. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(4):6-13. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-6-13

ORIGINAL PAPER

Methodology for the Study of Socio-Political Attitudes of International Students**

S.V. Rastorguev^а, Z.I. Volkhonskaya^б

^{а,б} Financial University, Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0003-1185-9374>; ^б <https://orcid.org/0000-0001-5203-389X>

ABSTRACT

The article presents the rationale for the classification of international students based on civilizational criteria. The authors identified and characterized eight cultural profiles: two post-Soviet profiles, European, Latin American, African, Arabic, Chinese, and southern. The authors propose to use sociological scales to identify and measure the socio-political attitudes of international students. The authors proposed their options for the following scales: the social distance of E. Bogardus, equal intervals of L. Thurstone, total ratings of R. Likert, the scale of L. Guttman. We also proposed the author's interpretation of the method of semantic differential of C. Osgood. Each scale allows you to identify and measure attitudes towards Russia. Finally, the authors proposed an integral index of socio-political attitudes. The integral index consists of an average of five of the above indices. The integrated index allows you to minimize research errors and compare the attitudes of students from different cultural profiles.

Keywords: socio-political attitude; cultural profile; E. Bogardus scale; L. Thurstone scale; R. Likert scale; L. Guttman scale chart; C. Osgood's semantic differential technique

For citation: Rastorguev S.V., Volkhonskaya Z.I. Methodology for the study of socio-political attitudes of international students. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(4):6-13. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-6-13

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

** The article is based on the results of research carried out at the expense of budget funds on the state task of the financial University.

В целях данного исследования установочное отношение к России можно определить как психологическую predisposition индивида к реализации определенной модели поведения на основе прошлого опыта. Установочное отношение является результатом восприятия, оценки, осознания информации, подготавливающее и обуславливающее модель поведения. Сформированное установочное отношение позволяет субъекту адаптироваться к воздействию чужой культуры, смягчить его шоки, с разной степенью успешности осуществлять «каузальную атрибуцию» и оценивать действия в контексте ситуаций, проявлять свои личностные черты. Установочное отношение к России формируется у будущих студентов в школьные годы под влиянием первичных (семья, родственники, друзья) и вторичных (школа, СМИ, религия) институтов социализации, которые предоставляют фактическую и оценочную информацию об истории, культуре, политике, экономике, условиях жизни в России (СССР). Как правило, установки в отношении конкретной страны существуют не изолированно, а в кластере с установками к группам стран, которые располагаются на виртуальной шкале с полярными значениями «свой-чужой»/«друг-враг».

Установочное отношение к России может быть изменено самим индивидом под влиянием непосредственного опыта проживания и обучения в стране, как правило, на это изменение целенаправленно или стихийно влияют внешние акторы. Задача вуза заключается в том, чтобы целенаправленно подкрепить или изменить установки иностранных студентов в отношении России, трансформировать модель поведения индивида. В частности, для этого можно использовать прием создания когнитивного диссонанса, когда негативные представления о России вступают в противоречие с фактами действительности. В этой ситуации внешние акторы должны способствовать пересмотру негативных представлений, которые как раз и опираются на усвоенные установки [1].

Практическую ценность представляет классификация иностранных студентов по типу культурного профиля, который определяет их установочное отношение к России. Чем обусловлен выбор «культурного профиля» в ка-

честве критерия классификации? Иностранцы приезжают в Россию из стран с разными системами образования (постсоветская, китайская, англо-саксонская, французская, арабская), которые отличаются от российской системы образования объемом и спецификой изучаемых предметов, методикой преподавания [2]. Иностранные студенты представляют собой продукты разных цивилизаций, разделяют разные культурные ценности, их процесс политической социализации проходил в различных политических режимах. Каждый студент является носителем социотипического поведения, запрограммированного определенной культурой, регулирующего поведение индивида в стандартных ситуациях. Также культура формирует стереотипные схемы «каузальной атрибуции», устанавливающей причинно-следственные связи и придающей смысл происходящим событиям. Феномен каузальной атрибуции носит не индивидуальный, а групповой характер, поскольку отражает не индивидуальность, а личностную картину мира, сформированную в рамках определенной группы [3].

Культурные профили классифицируют иностранных студентов по следующим характеристикам: ориентация на индивидуальные цели/ориентация на коллективные цели; уровень терпимости к девиациям (высокая/средняя/низкая терпимость); отношение к неопределенности (принятие/избегание), запрос на формализацию правил коммуникации; мужественность/женственность культурных образцов, распределение гендерных ролей, жесткость/мягкость этого распределения; оценка человеческой природы позитивная/нейтральная/негативная (идеал, самосовершенствование, «греховность»); степень сложности культуры (высокая сложность/низкая сложность); иерархичность вертикальных социальных связей, границы социально приемлемого конформизма в вертикальных и горизонтальных социальных взаимодействиях (конформизм/нонконформизм); вариативность поведения (высокая/низкая) при столкновении с обыденной/чрезвычайной ситуацией; допустимый диапазон эмоциональной экспрессивности, границы социально приемлемых проявлений эмоций (большой диапазон/маленький диапазон); физическая дистанция при коммуникации, границы социально приемлемых прикосновений (большая дистанция / маленькая дистанция) [4].

При классификации иностранных абитуриентов по культурным профилям в целом можно использовать информацию о цивилизации и временном периоде, в рамках которой осуществлялась предыдущая социализация индивида. Также необходимо учитывать характер национальных систем образования, социальное происхождение абитуриентов, определенную унификацию городского уклада жизни городов мира в эпоху глобализации, индивидуальные особенности личности и другие факторы. Но для основной массы студентов, представляющих генеральную совокупность, будет справедлив тезис о тождестве культурного профиля цивилизационной парадигме [5]. Конечно, каждая страна обладает своими уникальными характеристиками, а среди представителей одной цивилизации могут оказаться весьма разные личности. Однако в целях практической работы с иностранными студентами целесообразно объединять в отдельные культурные профили студентов из нескольких стран, относящихся к одной цивилизации. Как и в любой классификации, будут обнаруживаться промежуточные (смешанные) группы, которые авторы привязывают к доминирующей цивилизации. В приведенной классификации указывается усредненная установка по отношению к России, которая может сформировать имидж страны в сознании будущих студентов.

В соответствии с этим можно предложить следующую классификацию иностранных студентов по культурным профилям:

«Западный профиль» включает студентов из стран Западной и Центральной Европы, США, Канады, Австралии, а в качестве промежуточной группы — абитуриентов из республик Прибалтики. Для них в целом характерны: ориентация на индивидуальные цели; высокий уровень терпимости к девиациям; принятие неопределенности; мягкость дифференциации мужского и женского; позитивная оценка человеческой природы; высокая степень сложности культуры; неконформизм и неиерархичность социальных связей; высокая степень вариативности поведения; диапазон эмоциональной экспрессивности варьируется от большого (у представителей Средиземноморья) до маленького (у этнических групп северной Европы). Установочное отношение к России: нейтральное, как к уникальной цивилизации, которая догоняет Запад.

«Латиноамериканский профиль» наиболее близок к «западному», он включает студентов из стран Южной и Центральной Америки. Характеристики профиля: ориентация на индивидуальные цели; высокий уровень терпимости к девиациям; принятие неопределенности; мягкость дифференциации мужского и женского; позитивная оценка человеческой природы; низкая степень сложности культуры; неконформизм и неиерархичность социальных связей; средняя степень вариативности поведения; большой диапазон эмоциональной экспрессивности. Установочное отношение к России: умеренно-благожелательное, как к уникальной цивилизации, которая ищет свой путь наподобие стран Латинской Америки.

«Постсоветский профиль 1» включает студентов из Украины, Беларуси, Молдовы (а также Приднестровья, ДНР, ЛНР). Характеристики профиля: ориентация на индивидуальные цели; средний уровень терпимости к девиациям; принятие неопределенности; средняя дифференциация мужского и женского; нейтральная оценка человеческой природы; низкая степень сложности культуры; уровень конформизма и иерархичности социальных связей выше в Беларуси, ниже на Украине, в Молдове; высокая степень вариативности поведения; средний диапазон эмоциональной экспрессивности. Установочное отношение к России: нейтрально-благожелательное (непризнанные государства), нейтральное как к стране, где можно попытаться сделать карьеру в силу территориальной и культурной близости и больших экономических возможностей.

«Постсоветский профиль 2» составляют студенты из стран Закавказья (Грузия, Армения, Азербайджан), Средней Азии (Туркменистан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан), Казахстана. Характеристики профиля: ориентация на индивидуальные цели с присутствием элементов ориентации на коллективные цели; уровень терпимости к девиациям варьируется от ниже среднего до низкого; принятие неопределенности с элементами избегания неопределенности; жесткая дифференциация мужского и женского; нейтральная оценка человеческой природы; низкая степень сложности культуры; уровень конформизма и иерархичности социальных связей выше в Азербайджане, странах Средней Азии, Казахстане, ниже в Грузии, Армении;

средняя степень вариативности поведения; большой диапазон эмоциональной экспрессивности у студентов Закавказья, средненизкий у студентов из стран Средней Азии, Казахстана. Установочное отношение к России: благожелательное или нейтрально-благожелательное, как к стране — ядру бывшего СССР, где можно сделать карьеру или получить более хорошее образование, чем на родине, для работы в своей стране.

«Китайский профиль» включает самую многочисленную студенческую группу из КНР, а в качестве промежуточной группы — студентов из Вьетнама. Характеристики профиля: синтез индивидуальных и коллективных целей; низкий уровень терпимости к девиациям; избегание неопределенности, формализация общения; средняя степень жесткости дифференциации мужского и женского; нейтральная оценка человеческой природы; высокая степень сложности культуры; высокий уровень конформизма и иерархичности социальных связей; низкая степень вариативности поведения; маленький диапазон эмоциональной экспрессивности. Установочное отношение к России: нейтральное как к стране, где можно получить знания по доступной цене (или бесплатно — для вьетнамцев), встроиться в земляческие сети, заработать в них деньги.

«Южный профиль» включает студентов из Индии, Шри-Ланки, Малайзии. Характеристики профиля: синтез индивидуальных и коллективных целей; низкий уровень терпимости к девиациям; избегание неопределенности, формализация общения; жесткая дифференциация мужского и женского; нейтральная оценка человеческой природы; высокая степень сложности культуры; высокий уровень конформизма и иерархичности социальных связей; низкая степень вариативности поведения; маленький диапазон эмоциональной экспрессивности. Установочное отношение к России: благожелательное, как к стране, где можно получить хорошие знания по доступной цене и вернуться на родину профессионалами.

«Арабский профиль» включает студентов из стран Ближнего Востока, Ирана, Турции, Северной Африки. Характеристики профиля: синтез индивидуальных и коллективных целей; низкий уровень терпимости к девиациям; высокий уровень избегания неопределенности и формализации общения; жесткая диффе-

ренциация мужского и женского; позитивная оценка человеческой природы; средняя степень сложности культуры; высокий уровень конформизма и иерархичности социальных связей; средняя степень вариативности поведения; большой диапазон эмоциональной экспрессивности. Установочное отношение к России: нейтрально-благожелательное, как к неисламской стране, где можно получить хорошие знания по доступной цене и вернуться на родину профессионалами.

«Африканский профиль» включает студентов из стран Африки южнее Сахары. Характеристики профиля: индивидуальные цели; средний уровень терпимости к девиациям; низкий уровень избегания неопределенности и формализации общения; средняя степень дифференциации мужского и женского; позитивная оценка человеческой природы; низкая степень сложности культуры; средний уровень конформизма и иерархичности социальных связей; средняя степень вариативности поведения; большой диапазон эмоциональной экспрессивности. Установочное отношение к России: благожелательное как к стране, где можно получить хорошие знания по доступной цене и вернуться на родину профессионалами.

Для исследования общественно-политических установок иностранных студентов, обучающихся в российских вузах, можно использовать модифицированные социологические и психологические методики, применяемые при изучении установок в межэтнических отношениях. Для измерения социальной дистанции применяется шкала Э. Богардуса, в классическом виде состоящая из семи иерархически расположенных утверждений, оценивающих континуум принятия-непринятия другого этноса. С целью изучения общественно-политических установок иностранных студентов целесообразно, сохранив семичастную структуру утверждений, переформулировать сами утверждения. Утверждения нацелены на выявление установок посредством ответов на вопросы о будущих планах после окончания вуза. Ответы на вопросы предполагают выявление когнитивного, аффективного и потенциально деятельностного компонента установок по отношению к социальным, политическим, экономическим, культурным аспектам российского общества (семья, друзья, работа, язык).

Авторы предлагают следующий вариант утверждений.

В каком качестве вы готовы принять Россию (россиян, гражданство РФ, место жительства и работы, русский язык):

1. Готов вступить в брак с гражданином (гражданкой) России, принять гражданство РФ, постоянно работать в РФ, выучить русский язык на уровне С2 (продвинутый уровень).

2. Готов дружить с россиянами, возможно, принять гражданство РФ, долгий период работать в РФ, выучить русский язык на уровне С1-С2 (продвинутый уровень).

3. Готов работать в РФ в среднесрочном периоде, поддерживать приятельские и официальные отношения с россиянами, выучить русский язык на уровне В2 (средний уровень) — С1 (продвинутый уровень).

4. Готов, в зависимости от ситуации, некоторое время работать в РФ, поддерживать приятельские и официальные отношения с россиянами, выучить русский язык на уровне В2 (средний уровень) или сразу после обучения вернуться домой в родную культуру, поддерживать приятельские и официальные отношения с россиянами, выучить русский язык на уровне В2 (средний уровень).

5. Готов сразу после обучения вернуться домой, в родную культуру, иногда поддерживая дружеские и официальные отношения с россиянами, выучить русский язык на уровне А2 (элементарный уровень) — В1 (средний уровень).

6. Готов сразу после обучения вернуться домой, в родную культуру, иногда поддерживая официальные отношения с россиянами, выучить русский язык на уровне А1-А2 (элементарный уровень).

7. Готов сразу после обучения вернуться домой, в родную культуру, выучить русский язык на уровне А1-А2 (элементарные уровни) или не учить вовсе.

Исходя из долгосрочной стратегии студента в отношении сроков проживания и работы в России после окончания вуза, принадлежности к определенному культурному профилю, можно априори предположить, что первые три утверждения будут предпочитаться в большей степени студентами двух постсоветских профилей, а три последних будут чаще обнаруживаться у абитуриентов остальных профилей, ориен-

тированных на получение профессиональных компетенций с минимальной аккультурацией в российскую культуру. С одной стороны, предложенные утверждения выявляют готовность к разноуровневой интеграции в российское общество, с другой стороны, несут информацию о степени комплементарности иностранного студента к российскому государству, обществу, культуре в целом.

Методика семантического дифференциала Ч. Осгуда предназначена для выявления установок в отношении определенного объекта, она позволяет оценить реакцию актора на объект посредством выбора из двух прилагательных-антонимов, а также интенсивность реакции посредством выбора числового значения. Биполярная шкала Ч. Осгуда и ее модификации содержат от 5 до 7 баллов, где наименьшее значение характеризует негативную оценку объекта, а наивысшее — позитивную оценку объекта. В случае, если прилагательные-антонимы не несут в себе явного оценочного значения, возможно использование семибалльной шкалы типа 3-2-1-0-1-2-3 [6]. Для целей исследования общественно-политических установок иностранных студентов заслуживает внимания модификация методики семантического дифференциала З. В. Сикевич, которая для исследования восприятия иной этнической группы по семибалльной шкале вначале предлагала оценить свою группу. Данная модификация позволяет одновременно оценить установки, связанные с этническими стереотипами по отношению к собственной этнической группе, а также сместить фокус с абсолютного шкалирования на относительное (сравнительное) [7].

Семибалльная шкала ранжирует предпочтения от менее привлекательных — к более привлекательным от 1 до 7. Объект шкалирования — родина студента и Россия. Опрос проводится в первый год обучения студента (измеряются установки, сформированные на родине), в последний год обучения (измеряется степень изменений установок под влиянием целенаправленной и стихийной политической социализации).

В качестве прилагательных антонимов, характеризующих страны, могут быть использованы следующие 15 пар: хорошая-плохая; добрая-злая; дружественная-враждебная; счастливая-несчастливая; честная-лживая;

сильная-слабая; развитая-отсталая; свободная-несвободная; богатая-бедная; нравственная-безнравственная; приятная-неприятная; трудолюбивая-ленивая; справедливая-несправедливая; умная-глупая; красивая-некрасивая.

Рассчитывается средний балл по всем шкалам для студентов-иностранцев каждого культурного профиля с целью сравнения установок разных профилей, а также — диапазон различий между суммой оценок страны культурного профиля и России. Если разница оказывается положительной, то установки о России являются более негативными, а если отрицательной, то установки о России являются более позитивными. Сравнение разниц средних баллов страны культурного профиля и России между разными культурными профилями позволяет ранжировать студентов-иностранцев по комплементарности к России.

Для измерения общественно-политических установок может использоваться шкала равных интервалов Л. Терстоуна, которая на основе «взвешенных» полярных оценочных суждений позволяет составить индекс респондента. Эксперты, набранные из респондентов, формируют список оценочных суждений о настоящей ситуации в континууме «положительные-нейтральные-отрицательные», распределяют их на 11 групп (6-я группа — нейтральная, разделяющая позитивные и негативные суждения). На основе ранжирования каждого суждения экспертами между 11 группами определяется медиана, которая считается ценой суждения. Диапазон экспертных суждений оценивается посредством определения квартильного размаха: чем он меньше, тем больше вероятность попадания суждения в исходную шкалу, состоящую как минимум из 11 пунктов. Респондентам предлагается согласиться или не согласиться с суждениями, расположенными рандомно. Исследователь составляет ряд из медиан (цен) суждений, выбранных респондентом, и определяет медиану из ряда медиан (цен), что и выражает шкальную оценку индивида. Чтобы определить отличие индекса какой-либо группы от индекса другой группы (в нашем случае — разницу установок представителей разных культурных профилей), необходимо высчитать среднее значение шкальных оценок индивидов каждой группы.

Для целей исследования экспертам можно предложить следующий примерный ряд из

11 утверждений, направленных на выявление установок иностранных студентов в отношении различных сфер жизни российского общества.

1. Россия в настоящее время является одной из ведущих стран мира с сильной экономикой, стабильной политической и социальной системой, высокоразвитыми наукой, образованием, искусством.

2. Россия в настоящее время является одной из ведущих стран мира со стабильной политической и социальной системой, высокоразвитыми наукой, образованием, искусством.

3. Россия в настоящее время является одной из ведущих стран мира с сильной экономикой, стабильной политической и социальной системой.

4. Россия в настоящее время является одной из ведущих стран мира с сильной экономикой, высокоразвитыми наукой, образованием, искусством.

5. Россия в настоящее время является одной из ведущих стран мира со стабильной политической и социальной системой, высокоразвитым образованием, искусством.

6. Россия в настоящее время является одной из развивающихся стран мира со средними экономическими показателями, среднеустойчивой политической и социальной системой, среднеразвитыми наукой, образованием, искусством.

7. Россия в настоящее время является одной из развивающихся стран мира с низкими экономическими показателями, среднеустойчивой политической и социальной системой, среднеразвитыми наукой, образованием, искусством.

8. Россия в настоящее время является одной из развивающихся стран мира с низкими экономическими показателями, неустойчивой политической и социальной системой, среднеразвитыми наукой, образованием, искусством.

9. Россия в настоящее время является одной из развивающихся стран мира с низкими экономическими показателями, неустойчивой политической и социальной системой.

10. Россия в настоящее время является одной из развивающихся стран мира с неустойчивой политической и социальной системой, кризисной наукой, образованием, искусством.

11. Россия в настоящее время является одной из развивающихся стран мира с низкими экономическими показателями, неустойчивой политической и социальной системой, кризисной наукой, образованием, искусством.

Для изучения установок можно использовать шкалирование по Л. Гуттману посредством предложения респондентам оценить 10 высказываний о России по шкале «согласен» — «не согласен». В таком случае сумма баллов будет варьироваться от 0 до 10. На основе процедур сортировки суждений и упорядочивания респондентов по количеству баллов строится шкалограмма, наглядно показывающая аномальные случаи ответов. Проверка процента аномальности осуществляется через расчет коэффициента репродуктивности по формуле $R = 1 - n/xy$, где n — число аномальных ответов; x — число суждений; y — число респондентов. При превышении 10% порога аномалий необходимо убрать из ответов суждения с максимальным количеством ошибок. Суждения в опросе располагаются рандомно, полученный средний балл студентов определенного культурного профиля сравнивается со средним баллом студентов других культурных профилей.

Для шкалирования степени согласия или несогласия респондентов можно предложить следующие суждения. Современная Россия характеризуется развитой экономикой; современная Россия характеризуется устойчивой политической системой; современная Россия характеризуется развитой армией; современная Россия характеризуется реализацией принципа социальной справедливости; современная Россия характеризуется реализацией прав и свобод граждан; современная Россия характеризуется развитой наукой; современная Россия характеризуется развитым образованием; современная Россия характеризуется развитым искусством; современная Россия характеризуется гармонией в этнических и конфессиональных отношениях; современная Россия характеризуется как благоприятная страна для жизни и работы.

Метод суммарных оценок Р. Лайкерта также позволяет оценить общественно-политические установки иностранных студентов в отношении России. Респондентам предлагается оценить равное количество позитивных и негативных суждений в отношении России по шкале «полностью согласен» — «отчасти согласен» — «за-

труднюсь ответить» — «скорее не согласен» — «совершенно не согласен» (предварительно суждения проверяются группой экспертов с помощью метода корреляции). Степень согласия с позитивными суждениями и несогласия с негативными суждениями о России измеряется от 5 до 1 балла, а несогласия с позитивными суждениями и согласия с негативными суждениями — от 1 до 5. Суммарная оценка в виде нормированного индекса (частное от деления разницы баллов респондента и количества суждений на разницу максимальной суммы баллов и количества суждений) показывает установку респондента, средняя групповая оценка характеризует установку культурного профиля.

Поскольку методика Р. Лайкерта допускает использование значительного количества суждений, можно предложить респондентам по 6 пар позитивных и негативных суждений о России по 5 блокам: экономика, политическое устройство, российское общество, наука и образование, искусство. Таким образом, 60 суждений охватят все сферы общества.

Чтобы получить более точные результаты и минимизировать ошибки выявления и измерения общественно-политических установок иностранных студентов разных культурных профилей, целесообразно использовать интегральный индекс, который состоит из средних величин от пяти вышеуказанных индексов. Интегральный индекс установок культурного профиля рассчитывается от индексов, полученных по методикам Э. Богардуса, Ч. Осгуда, Л. Терстоуна, Л. Гуттмана, Р. Лайкерта, выраженных в %.

$$I_i = \frac{I_b + I_o + I_t + I_g + I_{lk}}{5},$$

где I_i — интегральный индекс; I_b — индекс Э. Богардуса; I_o — индекс Ч. Осгуда; I_t — индекс Л. Терстоуна; I_g — индекс Л. Гуттмана; I_{lk} — индекс Р. Лайкерта.

Опросы необходимо проводить по квотной выборке (культурный профиль, направление подготовки, город дислокации вуза, год обучения) с периодичностью 1 раз в полгода. В результате построения интегрального индекса общественно-политических установок студентов разных культурных профилей будет получена информация о содержании, силе, динамике установок, возможных путях их изменения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. Пер. с англ. М.: Э; 2018.
2. Расторгуев С.В. Обучение иностранных студентов в России: политические, экономические, социальные факторы. *Власть*. 2019;(4):32–39.
3. Kelley H.H. The processes of causal attribution. *American Psychologist*. 1973;(28):107–128.
4. Stephan W.G., Stephan C.W. Intergroup Relations. Taylor & Francis Limited; 2019. 235 p.
5. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. Пер. с англ. М.: АСТ; 2017.
6. Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Методы этнической и кросс-культурной психологии. Учебно-методическое пособие. М.: ИД ВШЭ; 2011.
7. Сикевич З.В. Метод семантического дифференциала в социологическом исследовании (опыт применения). *Вестник Санкт-Петербургского университета*. 2016;12(3):118–128.

REFERENCES

1. Festinger L. Theory of cognitive dissonance. Moscow: e; 2018. (In Russ.).
2. Rastorguev S.V. Teaching international students in Russia: political, economic, social factors. *Vlast*. 2019;(4):32–39.
3. Kelley H.H. The processes of causal attribution. *American Psychologist*. 1973;(28):107–128.
4. Stephan W.G., Stephan C.W. Intergroup Relations. Taylor & Francis Limited; 2019.
5. Huntington Samuel P. Clash of civilizations. Moscow: AST; 2017. (In Russ.).
6. Tatarko A.N., Lebedeva N.M. Methods of ethnic and cross-cultural psychology. Educational and methodological guide. Moscow: HSE; 2011. (In Russ.).
7. Sikevich Z.V. Method of a semantic differential in sociological research (experience of application). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 2016;12(3):118–128. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сергей Викторович Расторгуев — доктор политических наук, профессор Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
SRastorguev@fa.ru

Зинаида Ивановна Волхонская — студентка 2-го курса факультета социологии и политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
zi.volkhonskaya@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Sergey V. Rastorguev — D. Sc. (Political Sciences), Associate Professor, Department of Political Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
SRastorguev@fa.ru

Zinaida I. Volkhonskaya — Student of Faculty of Sociology and Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia
zi.volkhonskaya@mail.ru

Статья поступила 15.05.2020; принята к публикации 15.06.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 15.05.2020; accepted for publication on 15.06.2020.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-14-18
УДК 32(045)

Ключевые проблемы политической социализации обучающихся в РФ иностранных студентов*

П.Б. Салин

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0003-4039-2443>

АННОТАЦИЯ

Актуальность данной темы обусловлена необходимостью реализации максимального потенциала российского высшего образования как инструмента «мягкой силы». Цель данной статьи – проанализировать проблемы, сопутствующие решению основной задачи – политической социализации иностранных студентов, обучающихся в РФ. В статье рассмотрены три основных аспекта. Первый – отсутствие минимально приемлемого для качественной политической социализации иностранных студентов уровня владения языком принимающей стороны, второй – отсутствие у них полноценной мотивации для реальной, а не формальной социализации, третий – отсутствие такой же мотивации для эффективной и содержательной реализации комплекса профильных мер у сотрудников принимающей стороны. Нерешенность трех вышеуказанных проблем делает невозможной и бессмысленной работу по достижению основной цели – политической социализации иностранных студентов, обучающихся в РФ. Основной причиной актуальности первой проблемы служит ориентирование высшего образования иностранных студентов в РФ на максимизацию прибыли в ущерб другим его целям, второй – культурный код большинства иностранных студентов, третьей – системные управленческие «сбои» в самой России. При этом нерешенность этих задач существенно затрудняет работу с одной из наиболее перспективных категорий иностранных студентов – выходцев из стран Большого Ближнего Востока, Африки, Южной Азии и АТР.

Ключевые слова: студенческая молодежь; иностранные обучающиеся; политическая социализация; культурно-мировоззренческая работа; «мягкая сила»

Для цитирования: Салин П.Б. Ключевые проблемы политической социализации обучающихся в РФ иностранных студентов. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(4):14-18. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-14-18

ORIGINAL PAPER

Key Problems of Political Socialization of International Students Studying in the Russian Federation**

P.B. Salin

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-4039-2443>

ABSTRACT

The relevance of this topic is due to the need to realize the maximum potential of Russian higher education as an instrument of “soft power”. The purpose of this article is to analyze the problems that accompany the solution of the main task – the political socialization of international students studying in the Russian Federation. The

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

** The article is based on the results of research carried out at the expense of budget funds on the state task of the financial University.

article covers three main aspects. The first is the absence of a minimum level of knowledge of the host country for high-quality political socialization of international students; the second is the lack of full-fledged motivation for real, not formal socialization, the third is the lack of the same motivation for the effective and meaningful implementation of a set of profile measures among the employees of the receiving side. The lack of resolution of the above three problems makes it impossible and meaningless to work to achieve the main goal – the political socialization of international students studying in the Russian Federation. The main reason for the urgency of the first problem is the orientation of higher education of foreign students in the Russian Federation to maximize profits to the detriment of its other goals, the second is the cultural code of the majority of international students, and the third is systemic management 'failures' in Russia itself. At the same time, the unresolvedness of these problems significantly complicates the work with one of the most promising categories of international students – immigrants from the countries of the Greater Middle East, Africa, South Asia and the Asia-Pacific region.

Keywords: student youth; foreign students; political socialization; cultural and ideological work; "Soft power"

For citation: Salin P.B. Key problems of political socialization of international students studying in the Russian Federation. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(4):14-18. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-14-18

Социализация молодежи вообще и политическая социализация в частности представляет собой одну из фундаментальных проблем, стоящих перед образовательной системой любой страны. Она находится на стыке обучающей и воспитывающей функций образования. Вопросам политической социализации посвящено значительное количество работ отечественных авторов. Например, теоретическим вопросам существенное внимание уделяет Н. А. Головин [1]. С более прикладной точки зрения данные вопросы рассматривают И. В. Конода [2] и Е. Б. Шестопап [3].

Большинство исследований, посвященных данной теме, носит преимущественно фундаментальный, а следовательно, теоретический характер. Кроме того, объектом исследования в них выступает общество в целом, реже – какие-либо его отдельные, но достаточно многочисленные группы. Что же касается исследований молодежи вообще и обучающейся молодежи в частности, то в данном сегменте количество работ заметно сокращается, хотя они и представлены в научно-исследовательской литературе [4, 5].

Однако и данные исследования отличаются достаточно специфически сфокусированным объектом и предметом исследования. Как правило, они посвящены обучающимся школьного возраста, так как студенческая аудитория менее интересна профильным исследователям. Возможно, это является следствием распроданной точки зрения, согласно которой воспитательная составляющая образования должна внести свою лепту в формирование

гражданской и политической идентичности преимущественно в школьные годы, в то время как в вузе студент должен больше сконцентрироваться на получении конкретных навыков и умений. Такая точка зрения представляется достаточно односторонней и узкой по ряду причин. В качестве одной из них можно назвать хотя бы такое все более заметное явление среди всей современной молодежи (не только российской), как запаздывающая социализация, когда не только как профессионал, но и как личность индивид формируется не к 18 (максимум – 20 годам, как в XX в.), а к 25 годам или даже позже. Поэтому «мировоззренческая» составляющая его взросления хронологически вполне приходится и на студенческие годы.

Кроме того, вниманием российских исследователей обойдена такая специфическая тема, как социализация вообще и особенно политическая социализация обучающихся в России иностранных студентов. Между тем задача российского высшего образования в отношении таких студентов – не только и не столько продажа им образовательных услуг, но и формирование позитивного отношения к принимающей стране. Это не только существенно облегчает и оптимизирует процесс обучения, но и позволяет включить прошедших успешную политическую социализацию иностранных студентов в российскую «культурно-мировоззренческую» орбиту и удерживать их там после окончания обучения и возвращения на родину. Следует отметить, что большинство из обучающихся в России иностранных студентов – «действующие» или

потенциальные члены различных групп элиты у себя на родине.

Коллектив авторов Финансового университета при Правительстве РФ в течение 2018–2020 гг. проводит серию исследований, посвященных проблемам оптимизации работы со студентами-иностранцами в российских вузах с упором на реализацию геополитических интересов России за рубежом. В 2020 г. в фокусе внимания оказались проблемы политической социализации обучающихся в российских вузах иностранных студентов.

В рамках исследования 2020 г. выполняются следующие работы:

1. Формирование рекомендаций по стратификации иностранных обучающихся в зависимости от их групповой, страновой и иной идентичности.

2. Разработка методов мониторинга общественно-политических установок иностранных обучающихся в зависимости от их культурного профиля.

3. Разработка способов вовлечения иностранных обучающихся в позитивный для России дискурс (поиск исторических и культурных точек пересечения, механизмы формирования лояльности к источникам информации, «подводка» под лидеров общественного мнения).

4. Разработка способов мониторинга эффективности вовлечения иностранных обучающихся в позитивный для России дискурс.

5. Разработка способов поддержания коммуникации иностранных обучающихся после окончания обучения и их выезда из РФ со сложившимся в годы обучения в России кругом общения.

6. Разработка рекомендаций по политической социализации иностранных студентов, обучающихся в российских вузах.

В данной статье особый упор будет сделан на анализ отдельных аспектов работы с иностранными студентами, — это обязательное условие для достижения основной цели проводимого вышеуказанным коллективом авторов в 2020 г. исследования — политической социализации иностранных студентов, обучающихся в российских вузах. Значительная часть эмпирической базы, на основе которой в статье делаются выводы и даются рекомендации, получена в рамках проведения занятий с профильной целевой аудиторией.

На первый взгляд может показаться странным, однако первоочередная проблема политической социализации иностранных студентов, обучающихся в российских вузах, лежит далеко за пределами политических (политологических) и социально-психологических вопросов. Создается ощущение, что основным препятствием для интеграции значительной части студентов из дальнего зарубежья является языковой барьер. Речь в данном случае не идет о студентах из стран СНГ (которые в целом находятся в языковом дискурсе принимающей страны, несмотря на свой возраст) и, как ни странно, — немногочисленных студентах из дальнего зарубежья, представляющих западные страны.

У последних прослеживается достаточно четкая мотивация обучения в России, поэтому они либо уже приезжают, владея русским языком в нужной мере, либо овладевают им в короткое время после приезда. Однако решение этой прикладной задачи не влечет за собой главного — политической социализации иностранных студентов. Создается впечатление, что их главной задачей является сбор информации о стране пребывания и/или максимально быстрый и эффективный набор практического опыта по «культурной мимикрии» (именно мимикрии, а не ассимиляции) к специфике страны пребывания. Причем заказчиком всего этого процесса выступают государственные или аффилированные с ними структуры страны, отправившей студента на обучение.

Что же касается студентов из стран третьего мира (страны Большого Ближнего Востока, Африки, в меньшей степени — Южной Азии и АТР), то уровень их овладения русским языком оставляет желать лучшего. Более того, если не в подавляющем большинстве, то в определяющем числе случаев этот уровень остается низким и в течение всего периода обучения. Это естественным образом не то чтобы затрудняет, а делает в принципе невыполнимой задачу их политической социализации (даже первого ее этапа — культурной социализации). Во многом так происходит благодаря тому, что администрация учебных заведений, ориентируясь на приходящие со стороны профильных государственных структур установки, воспринимает иностранного студента прежде всего как источник генерации прибыли. Причем такой подход действует даже в отношении студентов,

обучение которых не финансирует отправляющая их страна (оплата идет из российского бюджета). На таких иностранных обучающихся распространяется известная максима бизнес-ориентированного подхода «клиент всегда прав при всех его недостатках». В данном случае под недостатками понимается незнание русского языка на необходимом уровне и нежелание им овладеть.

Второе серьезное препятствие для эффективной политической социализации обучающихся в России иностранных студентов заключается в особенностях психотипа большинства из них. В частности, обучающиеся из стран Большого Ближнего Востока, Африки, Южной Азии и АТР, как правило, представляют страны с патерналистско-лоялистским культурным кодом. С точки зрения социализации (в том числе и политической), это находит свое выражение в следующем. Как показала вышеуказанная серия исследований, проводимая коллективом авторов Финансового университета, для наиболее эффективной интеграции иностранных обучающихся (политическая социализация является одним из элементов и этапов такой интеграции) необходима периодическая сверка целевых показателей, проводимая с помощью разнообразных видов тестирования. Эффективность такой методики прямо увязана с открытостью поведения, которое демонстрирует тестируемый во время опроса. Однако студенты из стран с патерналистско-лоялистской культурой гораздо в большей степени склонны давать так называемые социально одобряемые ответы, поскольку они воспринимают тестирующих как представителей администрации принимающей страны в широком смысле этого слова.

В итоге точность тестирования оставляет желать лучшего, а студенты, по формальным критериям продемонстрировавшие приемлемый для принимающей стороны уровень интеграции, в реальности далеки от него. В лучшем случае такие студенты более-менее находятся в политико-культурном поле (соответствуют кодам) принимающей стороны во время обучения, но покидают его практически одновременно с отъездом. Такой результат также нельзя считать приемлемым с точки зрения реальных долгосрочных задач политической социализации иностранных студентов, обучающихся в РФ.

Наконец, третья серьезная проблема, выходящая за рамки чисто прикладных, заключается в особенностях политико-административной культуры самой принимающей стороны — России. В работе государственных учреждений вообще и образовательных в частности все больше заметны элементы формализма и работы «для галочки». Это касается всех параметров, кроме тех, к которым привязан размер материального вознаграждения сотрудников, да и то далеко не всегда. В итоге даже в случае преодоления первых двух серьезных сопутствующих проблем иностранными студентами (языкового барьера и отсутствия желания реально проходить политическую социализацию, а не имитировать ее), реализация задачи по эффективной политической социализации иностранных обучающихся сталкивается с формальным подходом со стороны администраторов процесса, что уже на старте обнуляет все даже самые эффективные методики и разработки.

Представляется, что только преодоление трех вышеуказанных предварительных барьеров позволит эффективно решить задачу политической социализации иностранных студентов.

Подводя итоги, необходимо отметить следующее:

1. Для успешной реализации основной задачи, которой посвящена данная публикация, необходимо предварительно решить несколько предшествующих и сопутствующих. Речь идет об уровне овладения иностранным студентом русским языком, его мотивации к реальной, а не формальной политической социализации и такой же мотивации в отношении объекта у сотрудников принимающей стороны.

2. Первоочередной проблемой, препятствующей успешной реализации основной задачи, является не только и не столько отсутствие профильных методик, сколько незнание иностранными студентами русского языка и отсутствие реальной мотивации качественно повышать этот уровень в период нахождения в РФ.

3. Решение трех вышеуказанных проблем существенно облегчит достижение поставленной цели в отношении наиболее перспективной группы иностранных студентов, обучающихся в РФ, — выходцев из стран Большого Ближнего Востока, Африки, Южной Азии и АТР.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Головин Н.А. Теоретико-методологические основы исследования политической социализации. СПб.: Изд-во СПбГУ; 2004.
2. Конода И.В. Политическая социализация в современном российском обществе. *Власть*. 2007;(4):32–34.
3. Шестопал Е.Б. Политическая социализация российских граждан в период трансформации. Е.Б. Шестопал, ред. М.: Новый хронограф; 2008.
4. Махинин А.Н. В поисках педагогических условий формирования российской гражданской идентичности старшеклассников. *Известия Воронежского государственного педагогического университета*. 2013:(1):111–115.
5. Махинин А.Н. Формирование российской гражданской идентичности старшеклассников во внеучебной деятельности образовательной организации. Дис. ... канд. пед. наук. Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет; 2014.

REFERENCES

1. Golovin N. A. Theoretical and methodological foundations of the study of political socialization. St. Petersburg: Publishing House of SPbSU; 2004. (In Russ.).
2. Konoda I. V. Political socialization in modern Russian society. *Vlast*. 2007;(4):32–34. (In Russ.).
3. Shestopal Ye. B. Political socialization of Russian citizens in the period of transformation. Moscow: New Chronograph; 2008. (In Russ.).
4. Makhinin A. N. In search of pedagogical conditions for the formation of the Russian civil identity of senior pupils. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2013:(1):111–115. (In Russ.).
5. Makhinin A. N. Formation of the Russian civil identity of high school students in the extracurricular activities of an educational organization: Dis. ... Cand. ped. sciences. Belgorod: Belgorod State National Research University; 2014. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Павел Борисович Салин — кандидат юридических наук, директор Центра политологических исследований, старший преподаватель Департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
salpavbor@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Pavel B. Salin — Cand. Sci. (Law), Director of the Center for Political Sciences Research, Senior Lecturer at the Department of Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia
salpavbor@mail.ru

Статья поступила 17.05.2019; принята к публикации 15.06.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 17.05.2019; accepted for publication on 15.06.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-19-23
УДК 316.344.6(045)

Измерение уровня доступности образовательных услуг для людей с ограниченными возможностями здоровья в рамках экспертизы качества условий осуществления образовательной деятельности в Республике Ингушетия

К.Б. Мальсагова^а, З.М. Мерзоева^б

^{а,б} Министерство образования и науки Республики Ингушетия, Назрань, Россия
^а <https://orcid.org/0000-0001-8365-2036>; ^б <https://orcid.org/0000-0001-9461-8423>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются социальные предпосылки преодоления барьеров социальной интеграции людей с ограниченными возможностями здоровья. Успешное включение данной категории людей в общественные процессы связано со сферой образования. Согласно действующему российскому законодательству, образовательные организации (общеобразовательные, дошкольные и дополнительные) проходят обязательную процедуру независимой оценки качества оказываемых услуг. В процедуру измерения включены показатели, которые отражают уровень доступности услуг для инвалидов. Исследование уровня доступности образовательных услуг для людей с ограниченными возможностями здоровья в Республике Ингушетия проводилось на основе открытых данных портала для размещения информации о государственных (муниципальных) учреждениях за 2019 г. (bus.gov.ru). В работе рассмотрены ключевые результаты государственных программ Республики Ингушетия по повышению уровня доступности образовательных услуг для людей с ограниченными возможностями здоровья, деятельность Республиканского центра дистанционного образования. **Ключевые слова:** люди с ограниченными возможностями здоровья; инвалиды; образование; образовательные организации; безбарьерная среда; социальная интеграция; дистанционное образование; независимая оценка качества услуг; доступность услуг

Для цитирования: Мальсагова К.Б., Мерзоева З.М. Измерение уровня доступности образовательных услуг для людей с ограниченными возможностями здоровья в рамках экспертизы качества условий осуществления образовательной деятельности в Республике Ингушетия. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(4):19-23. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-19-23

ORIGINAL PAPER

Measuring the Level of Accessibility of Educational Services for Disabled People as Part of the Examination of the Quality of the Conditions for Educational Activities in the Republic of Ingushetia

K. B. Malsagova^а, Z. M. Merzhoeva^б

^{а,б} Ministry of Education and Science of the Republic of Ingushetia, Nazran, Russia
^а <https://orcid.org/0000-0001-8365-2036>; ^б <https://orcid.org/0000-0001-9461-8423>

ABSTRACT

The article considers the social prerequisites for overcoming barriers to the social integration of disabled people. The successful inclusion of this category of people in social processes is related to the field of education. According to the current Russian legislation, educational organizations undergo a delicate procedure of independent assessment of the quality of services provided. The measurement procedure includes indicators that reflect the level of accessibility of services for disabled people. The research of level of availability of educational services for disabled people in the Republic of Ingushetia was based on open data for 2019 at the portal for placement of information on the state (municipal) institutions

bus.gov.ru. Key results of the state programs of the Republic of Ingushetia to increase the level of access to educational services for people with disabilities, the activities of the Republican Center for Distance Education are considered.

Keywords: disabled people; education; education organizations; barrier-free environment; social integration; distance education; independent assessment of the quality of services; accessibility of services

For citation: Malsagova K.B., Merzhoeva Z.M. Measuring the level of accessibility of educational services for disabled people as part of the examination of the quality of the conditions for educational activities in the Republic of Ingushetia. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University.* 2020;10(4):19-23. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-19-23

Социальные изменения современного мира выдвинули на передний план один из ключевых вопросов общественности — процесс интеграции и инклюзии людей с ограниченными возможностями здоровья (далее — люди с ОВЗ). Развитие общества и его институтов оценивается с учетом уровня доступности социальной среды для людей с ОВЗ. О соблюдении законодательно закрепленных прав человека также можно судить по учету потребностей участия в общественных процессах этой категории населения.

Вопрос понимания инвалидности как социального феномена привлек внимание общественности в 80-х гг. XX в. ООН в процессе определения понятия нетрудоспособности впервые затронула взаимосвязь инвалидности, отношений человека и окружающей среды [1]. Такие отношения проявились, когда люди с ОВЗ столкнулись с социальными, культурными и физическими барьерами, которые препятствуют им в доступе к различным сферам жизнедеятельности общества.

Преодоление барьеров социальной интеграции людей с ОВЗ не должно происходить поэтапно. Речь идет о единовременном процессе разрушения барьеров физических, культурных и социальных. Последние два вида барьеров обостряются под воздействием неблагоприятной социально-психологической среды, проявляющейся в дискриминации и стигматизации [2]. И если устранение физических барьеров напрямую зависит от деятельности государственной власти, то культурные и социальные требуют не просто участия социума, но и его трансформации.

Сфера образования является ключевой площадкой для интеграции людей в ОВЗ в общество. Федеральный закон от 29.12.2012 № 237-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» регулирует государственную политику в данной сфере, направленную на повышение доступности образовательных учреждений для детей с инвалидностью и создание для них безбарьерной среды.

Согласно статье 95 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» должна

проводиться независимая оценка качества образования, направленная на получение сведений об образовательной деятельности, о качестве подготовки обучающихся и реализации образовательных программ. В регионах создается специальный общественный совет по проведению независимой оценки качества условий оказания услуг организациями в сфере образования. Непосредственным заказчиком независимого исследования выступает орган исполнительной власти субъекта в сфере образования.

Оценка качества образования проводится по пяти критериям¹:

1. Открытость и доступность информации об организации.
2. Комфортность предоставления услуг.
3. Доступность услуг для инвалидов.
4. Доброжелательность и вежливость работников организаций.
5. Удовлетворенность условиями оказания услуг.

Среди данного перечня критериев наиболее значимым является доступность услуг для инвалидов. Данный критерий, согласно методике, рассчитывается на основе трех показателей:

- оборудование помещений организации и прилегающей к ней территории с учетом доступности для инвалидов (пространственная доступность);
- обеспечение в организации условий доступности, позволяющих инвалидам получить услуги наравне с другими (операционная доступность);
- доля получателей услуг, удовлетворенных доступностью услуг для инвалидов.

¹ Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 13.03.2019 № 114 «Об утверждении показателей, характеризующих общие критерии оценки качества условий осуществления образовательной деятельности организациями, осуществляющими образовательную деятельность по основным общеобразовательным программам среднего профессионального образования, основным программам профессионального обучения, дополнительным общеобразовательным программам». URL: <https://cdnimg.rg.ru/pril/168/48/47/54499.pdf>.

Пространственная доступность в образовательных учреждениях, согласно данной методике, зависит от наличия в помещениях и на прилегающих территориях оборудованных входных групп пандусами (подъемными платформами); выделенных стоянок для автотранспортных средств инвалидов; адаптированных лифтов, поручней, расширенных дверных проемов; сменных кресел-колясок; специально оборудованных санитарно-гигиенических помещений.

Организационная доступность образовательных услуг для инвалидов замеряется при помощи следующих параметров, отражающих равенство со всеми:

1. Дублирование звуковой и зрительной информации для инвалидов по слуху и зрению.
2. Дублирование надписей, знаков и иной текстовой и графической информации знаками, выполненными рельефно-точечным шрифтом Брайля.
3. Возможность предоставления инвалидам по слуху услуг сурдопереводчика.
4. Наличие альтернативной версии официального сайта образовательной организации в сети Интернет для инвалидов по зрению.
5. Оказание помощи работниками организации, прошедшими необходимое обучение (инструктирование) по сопровождению инвалидов.
6. Наличие возможности предоставления услуги в дистанционном режиме или на дому.

Последний показатель — удовлетворенность услугами рассчитывается при помощи социологического опроса потребителей услуг в соответствии с приказом Минтруда России от 30.10.2018 № 675н. Параметром выступает число потребителей услуг — инвалидов, удовлетворенных доступностью услуг, по отношению к числу опрошенных получателей услуг — инвалидов².

Из числа образовательных организаций Республики Ингушетия независимой оценке качества в 2019 г. были подвергнуты 96 организаций общего, дошкольного и дополнительного образования (<https://bus.gov.ru/pub/top-organizations-second>). Среди обследованных организаций четверть продемонстрировали низкий и ниже среднего уровни доступности услуг для инвалидов. Средний уровень

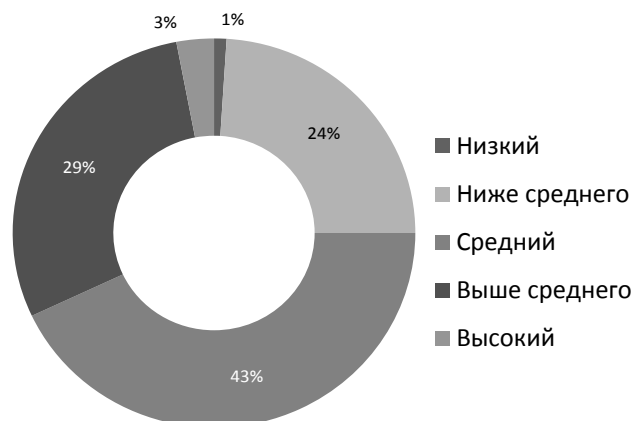

Рис. 1 / Fig. 1. Уровень доступности услуг для инвалидов в образовательных организациях Республики Ингушетия. Независимая оценка качества оказываемых услуг, 2019 г., % / The level of accessibility of services for disabled people in educational organizations of the Republic of Ingushetia. Independent assessment of the quality of services provided, 2019, %

Источник / Source: URL: <https://bus.gov.ru/pub/top-organizations-second>.

доступности услуг был установлен для 43% организаций. 32% образовательных организаций, согласно независимой оценке качества оказываемых услуг, имеют выше среднего и высокий уровень доступности услуг для инвалидов (рис. 1).

В разрезе по видам образовательных организаций получилось, что высокий уровень доступности услуг для инвалидов характерен только для общеобразовательных организаций. Распределение по накопленному уровню доступности услуг для инвалидов «выше среднего и высокий» получилось следующим: 37% общеобразовательных организаций, 33% организаций дополнительного образования детей и 24% дошкольных организаций.

При этом оставшиеся 67% организаций дополнительного образования имеют средний уровень доступности образовательных услуг для инвалидов. Данные по дошкольным образовательным организациям оказались наиболее критическими — 33% детских садов имеют уровень доступности услуг для инвалидов ниже среднего. И хотя 2% общеобразовательных организаций, согласно оценке, продемонстрировали низкий уровень доступности услуг для инвалидов, только пятая часть таких организаций имеет уровень ниже среднего (рис. 2).

Подобное распределение, на наш взгляд, связано с проводимой в республике социальной политикой.

² Приложение к Методике выявления и обобщения мнения граждан о качестве условий оказания услуг организациями в сфере культуры, охраны здоровья, образования, социального обслуживания и федеральными учреждениями медико-социальной экспертизы, утвержденной приказом Минтруда России от 30.10.2018 № 675н. URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/orders/1332>.

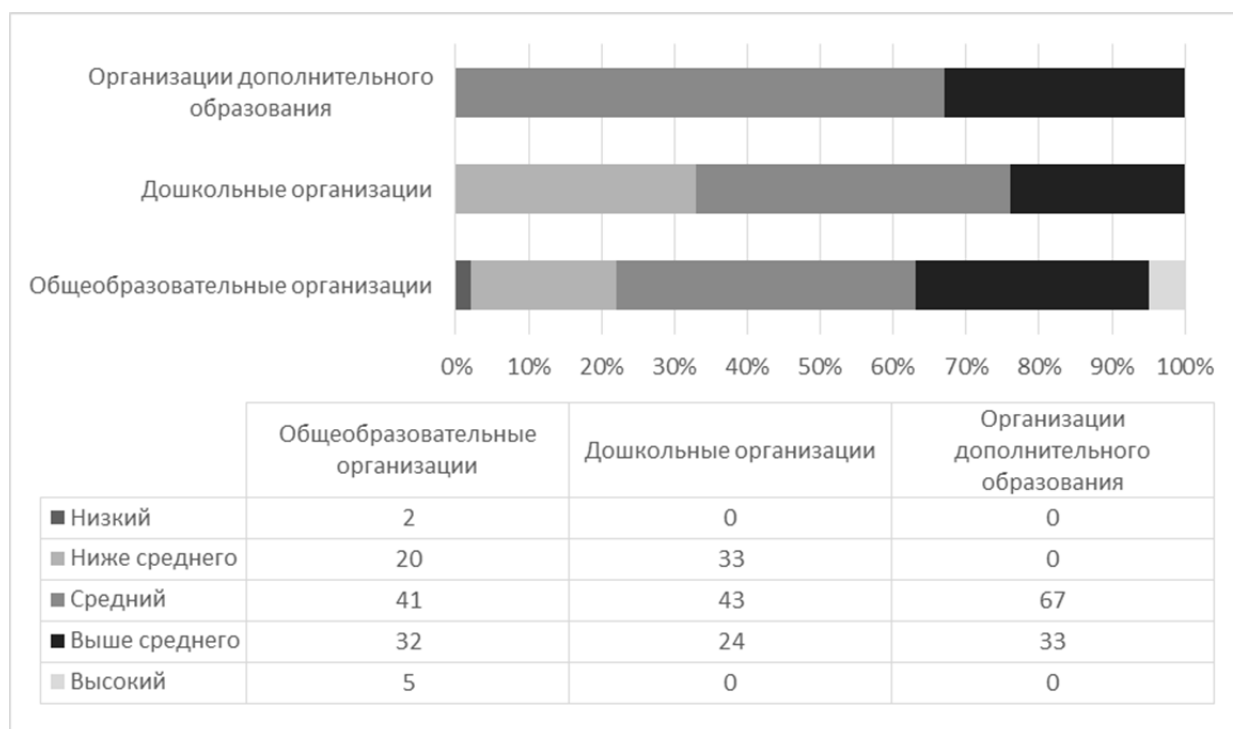

Рис. 2 / Fig. 2. Уровень доступности услуг для инвалидов по видам образовательных организаций Республики Ингушетия. Независимая оценка качества оказываемых услуг, 2019 г., % / The level of accessibility of services for disabled people by type of educational organizations in the Republic of Ingushetia. Independent assessment of the quality of services provided, 2019, %

Источник / Source: URL: <https://bus.gov.ru/pub/top-organizations-second>.

Из обозначенных видов образовательных организаций важнейшую роль все же играют общеобразовательные организации — школы. Статья 43 Конституции Российской Федерации гарантирует обязательность получения каждым основного общего образования. Государство обязано предоставить беспрепятственный доступ к основному общему образованию для всех категорий обучающихся, в том числе с ограниченными возможностями здоровья. В связи с этим задача повышения уровня доступности образовательных услуг для людей с ОВЗ является приоритетной.

Для всех вводимых в эксплуатацию за последние годы (более 30 объектов за период с 2014 по 2020 г.) в республике образовательных организаций (школ и детских садов) предусмотрен безбарьерный пространственный доступ к ним людей с ОВЗ³. Также предусмотрено оснащение уже построенных ранее

объектов образования инфраструктурой, открывающей беспрепятственный доступ людям с ОВЗ к этим объектам⁴.

Социальная интеграция людей с ОВЗ в Республике Ингушетия находится в процессе становления. Предпринимаются шаги по повышению уровня доступности социальных услуг для людей с ОВЗ, пространственная оснащенность объектов социальной сферы находится под пристальным вниманием органов государственной власти. Тем не менее говорить о готовности социальной среды республики к полноценному принятию людей с ОВЗ как среднестатистических жителей еще очень рано. Ситуация осложняется социокультурными характеристиками населения региона, в котором издавна укоренялась точка зрения, согласно которой единственной и важнейшей целью было поддержание здоровья людей с ОВЗ и их практически полная изоляция из общественной жизни [3].

³ Постановление Правительства Республики Ингушетия от 16.01.2016 № 4 «Об утверждении государственной программы Республики Ингушетия “Создание новых мест в общеобразовательных организациях Республики Ингушетия в соответствии с прогнозируемой потребностью и современными условиями обучения на 2016–2025 годы”» (с изменениями на 30.01.2019). URL: <http://docs.cntd.ru/document/432868579>.

⁴ Постановление Правительства Республики Ингушетия от 02.09.2014 № 168 «Об утверждении государственной программы Республики Ингушетия “Развитие образования”» (с изменениями на 19.12.2019). URL: <http://docs.cntd.ru/document/412713535>.

На фоне традиционных предпосылок ингушского менталитета предпринимаемые действия по повышению уровня доступности образовательных услуг для людей ОВЗ выглядят весьма обнадеживающими. В республике функционирует Республиканский центр дистанционного образования, который охватывает процесс образования почти 300 детей, имеющих инвалидность, и оказывает методическую помощь преподавателям школ, колледжей и детских садов. Важным шагом стало заключение договоров с местными

колледжами на дальнейшее профессиональное обучение выпускников центра (<https://rcdo06.ru/> сведения-о-центре).

Деятельность центра расширяется путем открытия филиалов в школах, которые демонстрируют высокий и выше среднего уровни доступности образовательных услуг для людей с ОВЗ. Данный кейс показывает успешность реализации образовательных программ для людей с ОВЗ, что поможет им занять достойное место в жизни благодаря своим знаниям и способностям.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Афонькина Ю.А., Жигунова Г.В. Анализ социальных сред в контексте обеспечения независимой жизни людей с инвалидностью. *Государственное управление. Электронный вестник*. 2018;(69):445–462.
2. Жигунова Г.В. Обеспечение независимой жизни людей с инвалидностью в региональном социуме. *Вестник ГУУ*. 2018;(12):163–169.
3. Благирева Е.Н. Социокультурная инклюзия: дефиниции и позитивные отечественные практики. *Вестник культуры и искусств*. 2019;3(59):73–81.

REFERENCES

1. Afonkina Y.A., Zhigunova G.V. Analysis of the Social Environment Structure for Ensuring Independent Life for People with Disability. State administration. *Elektronnyi vestnik*. 2019;(69):445–462. (In Russ.)
2. Zhigunova G. Ensuring the Independent Life of People with Disabilities in a Regional Society. *Vestnik GUU*. 2018;(12):163–169. (In Russ.)
3. Blagireva E. Sociocultural Inclusion: Definitions and Domestic Positive Practices. *Vestnik kul'tury i iskusstv*. 2019;3(59):73–81. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Карина Батыровна Мальсагова — главный специалист отдела по надзору и контролю в сфере образования, Министерство образования и науки Республики Ингушетия, Назрань, Россия
malsagkarina@gmail.com

Зейнап Муссаевна Мержоева — специалист первого разряда сектора оценки качества образования, Министерство образования и науки Республики Ингушетия, Назрань, Россия
zm-@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Karina B. Malsagova — Chief Specialist, Department of Supervision and Control in the Field of Education, Ministry of Education and Science of the Republic of Ingushetia, Nazran, Russia
malsagkarina@gmail.com

Zeinap M. Merzhoeva — Specialist of the First Category of the Education Quality Assessment Sector, Ministry of Education and Science of the Republic of Ingushetia, Nazran, Russia
zm-@mail.ru

Статья поступила 15.05.2020; принята к публикации 15.06.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 15.05.2020; accepted for publication on 15.06.2020.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-24-31
УДК 811.111(045)

EMI и другие профессиональные риски преподавателя английского языка

Н.Г. Кондрахина^а, О.Н. Петрова^б

^{а,б} Финансовый университет при Правительстве РФ

^а <http://orcid.org/0000-0003-3299-2617>; ^б <http://orcid.org/0000-0003-2581-5073>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются внешние и внутренние факторы, отрицательно влияющие на эффективность работы преподавателя иностранного языка в вузе. Прослеживается связь этих факторов с профессиональными рисками преподавателя, к которым, в первую очередь, относится несоответствие современным требованиям. Эти требования предусматривают владение гибкими навыками, применение передовых педагогических и цифровых технологий, совмещение педагогической, научной и коммерческой деятельности. Так как наибольший риск для самой профессии преподавателя иностранного языка представляет переход к использованию вузом технологий CLIL (предметно-языкового интегрированного обучения) и EMI (применения английского языка как средства обучения), предпринята попытка определения сфер сотрудничества преподавателя иностранного языка с преподавателями специальных дисциплин в таких моделях обучения.

Ключевые слова: профессиональные риски; роли преподавателя; публикационная активность; английский язык для специальных целей; предметно-языковое интегрированное обучение; английский как средство обучения

Для цитирования: Кондрахина Н.Г., Петрова О.Н. EMI и другие профессиональные риски преподавателя английского языка. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(4):24-31. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-24-31

ORIGINAL PAPER

EMI and Other Professional Risks of ESP Teacher

N.G. Kondrakhina^а, O.N. Petrova^б

^{а,б} Financial University under the Government of the Russian Federation

^а <http://orcid.org/0000-0003-3299-2617>; ^б <http://orcid.org/0000-0003-2581-5073>

ABSTRACT

The article describes internal and external factors producing a negative impact on the productivity of the ESP teachers' activity. These factors are connected with professional risks, primarily with teachers being unable to adequately meet modern requirements such as mastering advanced educational and digital technologies, applying soft skills, combining teaching with research work and provision of additional paid educational services. The authors consider the introduction of CLIL technology and EMI model by universities to be the highest risk to the very profession of ESP teacher and make an attempt to identify the possible areas of cooperation between ESP teachers and EMI lecturers.

Keywords: professional risks; roles of a teacher; publication activity; English for Special Purposes; Content and Language Integrated Learning; English as a Medium of Content and Language Integrated Learning Instruction

For citation: Kondrakhina N.G., Petrova O.N. EMI and other professional risks of ESP teacher. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(4):24-31. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-24-31

Внешними факторами, формирующими профессиональные риски преподавателей, являются мировые тенденции развития образования; изменения и реформы, проводимые государством для повышения рейтингов отечественных университетов, а также политика конкретных вузов, предъявляющих все более жесткие требования к своим преподавателям для выполнения приказов Минобрнауки.

Профессиональные риски во многих источниках (например, словаре терминов МЧС или справочнике руководителя предприятия) рассматриваются как потенциальный риск жизни и здоровью работника при выполнении профессиональных обязанностей либо как профессиональная ошибка работника, которая может повлечь за собой ущерб жизни и здоровью третьих лиц. Когда речь идет о профессиональных рисках педагога, упоминаются еще профессиональная деформация или профессиональное выгорание. Вопросы рисков, присущих преподавателям высшей школы, рассматривались в работах М. В. Бреевой, О. А. Вдовина, И. Ю. Ильиной и др.

В иностранной литературе применительно к профессиональной деятельности преподавателя высшей школы наиболее широко обсуждаются два вида рисков: научить студентов не тому и/или неэффективно реализовать образовательную деятельность, т.е. использовать неверные или неэффективные педагогические подходы, приемы и технологии. Способами смягчения этих рисков обычно называют повышение квалификации преподавателя или овладение им необходимыми компетенциями.

Это, безусловно, относится и к российской практике высшего образования, но наибольшую тревогу у преподавателей вызывает растущее количество требований и новых функций, возлагаемых на них в связи с многочисленными нововведениями и реформами в высшем образовании.

К профессиональным можно отнести риски, связанные с упразднением или объединением кафедр и факультетов, появлением департаментов, изменением аудиторной нагрузки, заключением эффективных контрактов, возможным сокращением срока избрания на должность на основе конкурсного отбора и угрозой потери работы. Уменьшилось значение ученой степени, звания, стажа работы, объема и качества выполненной учебно-методической работы, в том чи-

сле разработанных программ дисциплин и даже изданных учебников. Зато при оценке качества работы преподавателя возросло значение количества опубликованных статей в индексируемых изданиях и особенно в международных базах данных [1].

Список профессиональных рисков преподавателя очень обширен. Источниками риска для преподавателя могут быть руководитель, недостаточный опыт и отсутствие педагогического образования, обилие информации, неточно сформулированная цель обучения и сами студенты. Но это управляемые риски, с ними преподаватель может справиться [2].

В 2013 г. академик педагогических и социальных наук, профессор А. П. Горбунов выделил семь основных ролей преподавателя высшей школы, необходимых и актуальных в современную эпоху. Наиболее значимые из сформулированных им положений приводятся ниже.

Преподаватель должен быть не только специалистом в своем предмете, но и специалистом в обучении этому предмету и постоянно совершенствоваться как методист, дидакт, педагогический технолог. Это предусматривает подготовку материала к занятиям, разработку учебных программ, учебно-методических комплексов; подготовку и публикацию учебников и учебно-методических пособий; разработку и апробацию новых педагогических методов, приемов и технологий обучения и т.д.

Вторая роль современного преподавателя связана с его научной и научно-методической деятельностью, повышением квалификации и руководством научно-исследовательской работой студентов.

Третья роль предполагает формирование у студента способности к эффективной коммуникации, социальному взаимодействию, активному мышлению, т.е. необходимость формировать у выпускников не только профессиональные, но и социально-личностные компетенции.

Остальные роли преподавателя включают ориентированность на глобализацию и интернационализацию образования, способность к работе в команде, умение порождать инновации и применять их на практике [3].

Данные роли не вызывают сомнения, потому что они органично присущи преподавательской профессии и постоянно реализуются преподавателями в практической деятельности. Однако сегодня на преподавателя возлагают дополни-

тельные функции, часть из которых вызывает не только сомнение, но и сопротивление. В частности, М. В. Евдокимова отмечает: «Для успешной реализации всего спектра возлагаемых на него функций преподаватель сегодня, наряду со своими традиционными компетенциями, должен в той или иной мере обладать компетенциями исследователя, системного аналитика, компьютерного дизайнера, менеджера, экономиста, специалиста по информационным технологиям, маркетолога, PR-менеджера» [4].

Создается ощущение, что распределение труда как экономическая концепция перестала существовать.

Безусловно, современный преподаватель должен владеть информационными технологиями в той мере, в которой они необходимы ему для работы. Цифровизация экономики в целом, и образования в частности, диктует необходимость постоянно эти навыки развивать и применять их на практике. Современные риски, с которыми преподаватели высшей школы сталкиваются при цифровизации высшего образования, анализируются профессором М. Е. Вайндорф-Сысоевой [5].

Вузы требуют от своих преподавателей, чтобы они зарабатывали деньги для университетов посредством оказания платных услуг и научных исследований (независимо от специфики преподаваемого предмета), располагая таким мощным инструментом, как требования к прохождению конкурса на должность.

Оказание платных услуг для повышения уровня владения иностранным языком, подготовки к международным экзаменам по иностранному языку, подготовки переводчиков в профессиональной сфере представляется естественным способом заработать деньги для вуза преподавателями иностранного языка.

Одним из основных требований к преподавателю является увеличение объема научной работы. Он может выступить переводчиком, референтом, составить обзор литературы, получить грант на написание учебника или монографии. Но вряд ли это является вкладом в науку и серьезным источником финансирования для вуза.

Стремление к повышению публикационной активности вузов и погоня за рейтингами приводят к постоянно увеличивающимся требованиям к объему, качеству и цитированию научных публикаций, особенно индексированных в зарубежных наукометрических базах. Журнальные

публикации исторически были прерогативой естественных наук. Их автоматически распространяют на социогуманитарную сферу, причем «баллы» или другие стимулы за публикации во «влиятельных» журналах, входящих, например, в базу Web of Science, несопоставимы с ценой публикации в российском «ВАКовском» журнале [6].

Публикации в журналах, индексируемых в РИНЦ, и в материалах профильных конференций не котируются совсем, вплоть до запрета включения их в индивидуальные планы преподавателя.

Для российского преподавателя именно российская профессиональная аудитория является «потребителем» его статей, а никак не мифические иностранные специалисты, для которых в зарубежных журналах на английском языке он должен описывать свои методические находки — как преподавать их же языки российскому студенту. Опять же часто преподаватели иностранного языка выступают в качестве переводчиков «за соавторство» или становятся клиентами бизнеса, специализирующегося на публикациях в журналах платформы Web of Science и Scopus.

Все это приводит к тому, что преподаватель иностранного языка постоянно работает под давлением, стараясь частично уклониться от рисков, а частично справиться с ними. Наилучшим вариантом для преподавателя является компенсация рисков, когда вуз предоставляет современные технические средства и организует обучение преподавателей их использованию, например в условиях перехода на дистанционное обучение.

Вышеназванные риски угрожают преподавателю потерей работы или должности, но не ведут, или пока не ведут, к исчезновению профессии «преподаватель иностранного языка в вузе». Перспектива замены преподавателя на робота в связи с развитием цифровизации в ближайшем будущем представляется маловероятной. Реальную угрозу представляет растущий глобальный феномен EMI (English as a Medium of Instruction — английский как средство обучения), т.е. практика замены иностранного языка как предмета на преподавание вузовских дисциплин на английском языке в странах, где английский язык не является родным.

EMI часто путают, а иногда и объединяют с предметно-языковым интегрированным об-

учением CLIL (Content and Language Integrated Learning). Это, безусловно, не одно и то же. Д. Марш, который ввел этот термин в 1994 г., определял CLIL как ситуацию, когда предметы полностью или частично преподаются посредством иностранного языка с двойной целью, а именно: изучение предметного содержания и одновременное изучение иностранного языка [7].

Сейчас его описывают, как двунаправленный компетентностный подход, в котором иностранный язык используется как для преподавания основного предмета, так и для изучения самого языка. Д. Грэдолл добавляет, что CLIL отличается от простого обучения на английском языке тем, что от учащихся перед началом обучения не обязательно требуется знание английского языка, необходимое для того, чтобы справиться с предметом [8].

Идея не нова. Исторические предпосылки возникновения дидактической технологии CLIL относятся к XVI–XVIII вв. В практике среднего образования в СССР был период, когда в школах с углубленным изучением иностранного языка ряд предметов (как правило, гуманитарного, а иногда и естественного цикла) преподавался на иностранном языке. Это не исключало обучение английскому как предмету и не отменяло преподавание тех же предметов на родном языке. На иностранном языке преподавалась и литература страны изучаемого языка, что приводило к значительному увеличению часов, в течение которых учащиеся использовали иностранный язык. Велась направленная подготовка учителей для билингвального (как мы это называем сейчас) обучения: в педагогических вузах на историко-филологических, физико-математических и естественно-географических факультетах (направлениях) готовили учителей такого профиля. Позднее эта модель в среднем образовании прекратила существование, но к концу XX в., когда академическая мобильность и возможность получать образование за границей стали реальностью, выяснилось, что иностранный язык становится инструментом образования и самообразования, «подключается» к изучению других предметов [9].

Что касается высшего образования, то педагогические кадры в 1970–1980-х гг. для средних и высших учебных заведений параллельно с фундаментальной языковой подготовкой готовили в Университете дружбы народов им.

Патриса Лумумбы. Выпускники получали двойной диплом: по профильной специальности и диплом переводчика с иностранного языка (одного или двух) на русский. Причем на первом году обучения преподавался язык общей направленности (то, что сейчас называется General English) до 18–20 часов в неделю, а на протяжении еще трех лет — язык специальности (сейчас ESP). Целью вуза была подготовка кадров для развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки, и многие выпускники после получения диплома направлялись в эти страны преподавать и работать. Университет существует и сейчас, но языковая подготовка претерпела там значительные изменения.

В свете ориентации на обучение специальным предметам на иностранном языке на занятиях иностранным языком учителя и преподаватели стали активнее использовать элементы CLIL (предметно-языковое интегрированное обучение), причем в большей степени в средней и даже начальной школе. Очень часто на практике это означает введение лексики, присущей той или иной отрасли знаний, и выполнение простых заданий по предмету.

Более того, Е. К. Иванов отмечает, что преподаватели путают технологию CLIL с похожей на первый взгляд технологией LSP (Language for Specific Purposes — язык для специальных целей). Он проводит подробный анализ отличий этих технологий, напоминая, со ссылкой на Е. Н. Соловову и Т. Хатчинсона, что входной уровень владения иностранным языком обучающихся для последующего обучения по LSP должен быть *intermediate* (средний) или *advanced* (продвинутый). На занятиях осуществляется выборочное изучение грамматических структур, необходимых для решения задач профессионального общения в определенных ситуативных контекстах. Преподаватель LSP (каковыми и является большинство вузовских преподавателей иностранного языка) — специалист в области языка и имеет опосредованное представление о профильной дисциплине. При обучении иностранному языку по технологии LSP оцениванию подлежит языковой аспект (знание грамматики, профессиональной терминологии, умение общаться в рамках изученных тем) [10].

Что касается CLIL, то при применении этой технологии возможно включение иностранного языка в программу обучения профильной дисциплине, а преподаватель иностранного языка

сотрудничает с преподавателями специальных дисциплин. CLIL не предъявляет требований к начальному уровню владения иностранным языком, язык естественным образом изучается в процессе учебного общения, при этом коммуникация на занятии важнее грамматической правильности речи. К основным достоинствам CLIL относят повышенный интерес и мотивацию обучающихся к профессиональной коммуникации, но остается не до конца выясненным вопрос контроля.

Сейчас в ряде вузов, в том числе и Финансовом университете, есть факультеты, где ряд курсов (по выбору) для бакалавров и магистрантов читается на иностранном языке, а родной язык используется только при введении профессиональных терминов. Считается, что это переходный этап к широкому использованию ЕМІ.

В этих условиях возникает вопрос об изменяющейся роли преподавателя иностранного языка для специальных целей. Представляется, что из выделенных профессором Д. Койлом трех моделей CLIL преподавателям иностранного языка отводятся наиболее реализуемые роли в моделях С2 и С3. Напомним, что это за модели.

Модель С2 представляет собой вспомогательное/дополнительное интегрированное обучение предмету и языку. Данная модель обучения предполагает параллельное преподавание предметов, при этом упор делается на развитие знаний и умений для использования языка в целях обеспечения мыслительных процессов высшего порядка. Преподаватели иностранного языка, входящие в структурные подразделения по преподаванию специальностей, осуществляют внешнюю поддержку при обучении. В процессе предметно-языкового интегрированного обучения студенты приобретают умение использовать иностранный язык для работы по своей специальности.

Модель С3 представляет собой предметные курсы с включением языковой поддержки. Программы обучения специальности разрабатываются с точки зрения развития не только профессиональных, но и языковых навыков. При такой модели обучение проводится как преподавателями-предметниками, так и специалистами в области обучения языкам. Даже с плохим знанием языка студент может получать поддержку в течение всего процесса обучения,

что делает возможным овладение как предметом, так и языком, на котором преподается предмет. По данной модели могут обучаться студенты с различным языковым уровнем [11].

На практике это означает, что кафедрам и/или департаментам иностранных языков необходимо отслеживать в учебных планах, какие курсы на неязыковых факультетах по выбору ведутся на иностранном языке и опережающим образом включать необходимую лексику и понятийный аппарат в разрабатываемые пособия по иностранному языку. Возможно создание совместных учебно-методических материалов — как по специальным дисциплинам, где преподаватель иностранного языка оказывает языковую поддержку преподавателю-предметнику, так и по иностранному языку, где преподаватель-предметник выступает консультантом, рекомендуя, какие иноязычные материалы профессиональной направленности можно использовать на занятиях по иностранному языку. Желательно более широкое использование на занятиях по иностранному языку материалов из аутентичных пособий по специальности. Сейчас преподаватели LSP используют такие аутентичные пособия по специальности при подготовке учебно-методических материалов для изучения иностранного языка. На занятиях по иностранному языку можно проводить решение предметных несложных задач с целью отработки правильного академического языка с большим акцентом на форму высказывания (устную и письменную), а не на содержание. В этой связи необходимо на младших курсах уделять разумное внимание академическому языку, но не обязательно в рамках подготовки к международным экзаменам по академическому языку типа EILTS и TOEFL.

Еще одной формой реализации вышеуказанных моделей в учебном процессе является ведение семинарских занятий двумя преподавателями: предметником и лингвистом, где преподаватель иностранного языка может ввести лексические и грамматические конструкции, а предметник — продолжить тему.

Для обеспечения языковой поддержки студентов с целью успешного прохождения курсов по специальности на иностранных языках могут оказаться полезными короткие курсы иностранного языка по выбору, например по подготовке презентации, написанию научной работы, навыкам дискуссии, разбору кейса,

делового и профессионального общения. Эти курсы могут быть организованы в очном или дистанционном формате.

Представляется, что организация в университетах курсов по выбору на иностранном языке является переходом к следующей стадии — внедрению технологии ЕМІ (английский язык, как средство обучения), которая постепенно становится глобальным феноменом. По нашему мнению, эта образовательная парадигма является одним из самых серьезных рисков для преподавателя иностранного языка, потому что не только девальвирует ценность вузовского курса иностранного языка как предмета, но и со всей очевидностью приводит к его вытеснению из учебных программ. Речь здесь не идет о факультетах, где преподавание всех дисциплин ведется на иностранном языке.

ЕМІ (English Medium Instruction) — это методика использования английского языка для преподавания академических дисциплин в странах и регионах, где английский не является национальным языком. Английский язык перестает быть учебной дисциплиной, а становится средством подготовки специалистов в различных областях.

Использование ЕМІ имеет ряд преимуществ как для студентов, так и для вуза в целом. Студенты получают доступ к международным образовательным программам, совершенствуют навыки межкультурной коммуникации, повышается их конкурентоспособность на рынке труда. Для вузов использование ЕМІ означает повышение рейтинга, способствует привлечению иностранных студентов, позволяет заработать дополнительные средства.

В статье Е. Н. Солововой и З. Н. Козловой подробно анализируются распространение ЕМІ во всем мире, проблемы, связанные с внедрением ЕМІ в российских вузах, а также требования, предъявляемые к преподавателям ЕМІ. Статья основана на выпущенном в 2014 г. отчете Центра исследования и развития английского языка «Английский язык как средство обучения — растущий глобальный феномен». Отмечается, что, несмотря на растущую популярность этой модели, и то, что в большинстве стран она разрешена на государственном уровне, в ряде стран она запрещена законодательно, а в некоторых — разрешена только в частных учебных заведениях. В России она не запрещена, но и не разрешена официально. Тем не менее многие

вузы начали внедрение этой модели в той или иной степени [12].

Сторонники модели ЕМІ утверждают, что она способствует улучшению языковых навыков студентов, хотя преподаватели ЕМІ такую цель не преследуют, ставя во главу угла предметную компетенцию обучающихся. Противники ЕМІ заявляют, что эта модель намеренно усиливает доминирование английского языка (который и так уже стал международным языком науки) и вредит формированию национальных научных школ и развитию национальных научных журналов. Наибольшее сомнение вызывает целесообразность применения этой модели в аудитории, где все участники, включая преподавателя, имеют один и тот же родной (не английский) язык. Под сомнение также ставится качество получаемых знаний по предмету, читаемому на иностранном языке, если языковая подготовка преподавателя и/или студентов не является достаточной.

Остро стоит вопрос о необходимых компетенциях (в том числе и языковой) преподавателей ЕМІ. Многие вузы (в том числе и Финансовый университет) организуют изучение английского языка преподавателями-предметниками в рамках повышения их квалификации. Занятия с ними проводят преподаватели иностранного языка, и решение о достаточности уровня языковой подготовки преподавателя-предметника принимается на уровне университета, т. е. единой системы подготовки и сертификации таких преподавателей нет. В упомянутой выше статье Е. В. Солововой и З. Н. Козловой отмечается, что в университетах Норвегии и других северных стран международного консорциума введен единый международный экзамен для преподавателей, желающих читать лекции на английском языке. Сдача этого экзамена является обязательной. В Кембридже и Оксфорде проводится подготовка и переподготовка преподавателей ЕМІ с получением соответствующего сертификата (Certificate in EMI Skills).

Что касается уровня языковой подготовки студентов, то в ряде университетов ее определяют не ниже В2 по шкале CEFR. Преподаватели ЕМІ ожидают, что до того как они начнут читать свой курс, студенты где-то и как-то этот уровень приобретут вместе со знанием грамматики, а также рецептивными, продуктивными и интегративными языковыми умениями.

В заключение хочется выразить опасение, что непроработанный и поспешный переход к модели ЕМІ может привести к снижению уровня языковой подготовки выпускников вузов и качеству знаний по специальным дисциплинам из-за недостаточной языковой подготовки студентов. Квалифицированных преподавателей иностранного языка вузы потеряют, само преподавание иностранного языка сме-

стится за пределы вуза или приобретет форму дополнительного образования. Формирование квалифицированного корпуса преподавателей ЕМІ требует времени и значительных усилий. Предотвратить такую ситуацию можно, установив и реализовав связи между дисциплиной «иностранный язык» и курсами ЕМІ в конкретном вузе для конкретного направления и уровня подготовки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шманцарь М. В. Профессиональные риски преподавателей вузов в условиях трансформации российского образования. Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Екатеринбург; 2019.
2. Вайндорф-Сысоева М. Е. Профессиональные риски в работе преподавателя высшей школы в условиях цифрового обучения. URL: https://firo.ranepa.ru/files/docs/cifr_didactika/sec3/vayndorf_sisoeva_3.pdf.
3. Горбунов А. П. Роли преподавателя высшей школы в современную эпоху. Материалы XV годовичного собрания Южного отделения Российской академии образования. XXVII Южнороссийские психолого-педагогические чтения «Развитие личности в образовательных системах Южнороссийского региона». URL: https://www.pglu.ru/upload/iblock/e75/uch_2008_i_00002.pdf.
4. Евдокимова М. Г. Формирование инновационного потенциала преподавателя иностранного языка для неязыкового вуза. Материалы X Всероссийской научно-практической Internet-конференции «Преподаватель высшей школы: традиции, проблемы, перспективы». 11.11.2019. URL: http://www.tsutmb.ru/nauka/internet-konferencii/2019/prepodavatel_vysshej_shkoly/2/Evdokimova.pdf.
5. Вайндорф-Сысоева М. Е., Субочева М. Л. Модель многоуровневой подготовки педагогических кадров к профессиональной деятельности в условиях цифрового обучения. URL: http://journal.homocyberus.ru/Vayndorf-Sysoeva_ME_Subocheva_ML_2_2019.
6. Рубцов А. Журнальная имитация: чем опасна новая методика Минобрнауки. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/society/11/02/2020/5e4114479a794708f1fd4fe1?from=newsfeed>.
7. Marsh D. Content and Language Integrated Learning: The European Dimension — Actions, Trends and Foresight Potential; 2002.
8. Graddol D. English Next, British Council Publications; 2006.
9. Салехова Л. Из истории школ с преподаванием на иностранном языке. *Высшее образование в России*. 2004;(12):144–146.
10. Иванов Е. К. Формирование иноязычной профессионально-коммуникативной компетенции будущих учителей истории на основе технологии CLIL. Дис. ... акад. степени магистра. Челябинск; 2017. URL: <http://elib.cspu.ru/xmlui/bitstream/handle/123456789/2142/%20%20%20%20%20%20%20%20.pdf?sequence=3>.
11. Coyle D. CLIL: Content and Language Integrated Learning. Cambridge University Press; 2010.
12. Соловова Е. Н., Козлова З. Н. Глобальный феномен «ЕМІ» — английский язык как средство обучения. *Вестник ВГУ. Серия Проблемы высшего образования*. 2017;(4):144–149.

REFERENCES

1. Shmantsar M. V. Professional Risks of University Teachers under Conditions of Russia's Education Transformation. PhD Thesis. Sociology. Ekaterinburg; 2019. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/65926/1/urfu1912.pdf>. (In Russ.).
2. Vayndorf-Sisoeva M. E. Professional Risks in University Teachers' Job under conditions of Digital Education; 2019. URL: https://firo.ranepa.ru/files/docs/cifr_didactika/sec3/vayndorf_sisoeva_3.pdf. (In Russ.).
3. Gorbunov A. P. Modern University Teachers' Roles. In: Proceedings of the XVth Annual Meeting of the South Branch of the Russian Academy of Education "Development of a Personality in the educational Systems of the South Russian Region"; 2008. URL: https://www.pglu.ru/upload/iblock/e75/uch_2008_i_00002.pdf. (In Russ.).
4. Evdokimova M. G. Formation of Innovative Potential of Foreign Language Teacher in Non-Linguistic Universities. In: Proceedings of the Xth Russian Scientific and Practical Internet Conference "University

- Teacher: traditions, problems and Prospects”, 11.11.2019. URL: http://www.tsutmb.ru/nauka/internet-konferencii/2019/prepodavatel_vysshej_shkoly/2/Evdokimova.pdf. (In Russ.).
5. Vayndorf-Sisoeva M.E., Subocheva M.L. A Model of Multilevel Professional Training of Pedagogical Staff under Conditions of Digital Education”. Electronic Journal “*Homo Cyberus*. 2019;2(7). URL: http://journal.homocyberus.ru/Vayndorf-Sysoeva_ME_Subocheva_ML_2_2019. (In Russ.).
 6. Rubtsov A. Journal Imitation: the dangers the methodology of the Ministry of Science and Education may involve. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/society/11/02/2020/5e4114479a794708f1fd4fe1?from=newsfeed>. (In Russ.).
 7. Marsh D. Content and Language Integrated Learning: The European Dimension — Actions, Trends and Foresight Potential; 2002.
 8. Graddol D. English Next. British Council Publications; 2006.
 9. Salekhova L. From the history of schools with using English as a Medium of Instruction. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2004;(12):144–146. (In Russ.).
 10. Ivanov E.K. Formation of Language Professional and Communicative Competence of future History teachers using CLIL technology. Master degree thesis. Chelyabinsk; 2019. URL: <http://elib.cspu.ru/xmlui/bitstream/handle/123456789/2142/%20%20%20%20%20%20%20%20%20.pdf?sequence=3>. (In Russ.).
 11. Coyle D. CLIL: Content and Language Integrated Learning. D. Coyle, Ph. Hood, D. Marsch, eds. Cambridge: Cambridge University Press; 2010.
 12. Solvova E.N., Kozlova Z.N. The Global Phenomenon EMI — English as a Medium of Instruction. *Vestnik VGU. Seriya Problemy vysshego obrazovaniya*. 2017;(4):144–149. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Наталья Геннадиевна Кондрахина — кандидат филологических наук, доцент, заместитель руководителя Департамента английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет, Москва, Россия

NKondrakhina@fa.ru

Оксана Николаевна Петрова — кандидат технических наук, доцент Департамента английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет, Москва, Россия

ONPetrova@fa.ru

ABOUT THE AUTHORS

Natalia G. Kondrakhina — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Deputy Head of the English Language and Professional Communications Department, Financial University, Moscow, Russia

NKondrakhina@fa.ru

Oksana N. Petrova — Cand. Sci. (Engineering), Assistant Professor, English Language and Professional Communications Department, Financial University, Moscow, Russia

ONPetrova@fa.ru

Статья поступила 17.04.2020; принята к публикации 15.05.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 17.04.2020; accepted for publication on 15.05.2020.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-32-37
УДК 323.39(045)

Рабочие факультеты: просвещение народных масс и/или идеологизированная химера

В.В. Зубов

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-6446-3221>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается история создания и развития рабочих факультетов в СССР и РСФСР, система которых получила широкое распространение в первые 15 лет существования советского государства. Вопросы методики и методологии обучения рассматривались государственными деятелями Советской России, которые в большинстве своем являлись бывшими студентами и активно занимались самообразованием, в качестве одного из основных приоритетов молодого социалистического государства. Советское руководство подчеркивало необходимость повышения уровня образованности широких народных масс без отрыва от производственной деятельности. При этом существовала дилемма о значении дореволюционного опыта при построении новой системы образования, задачей которой было воспитание личности, обладавшей качествами, позволявшими ей следовать идеологическим установкам коммунизма. Особое внимание в статье уделяется законодательству, регулировавшему деятельность рабочих факультетов, и долгосрочным последствиям применения данной образовательной модели.

Ключевые слова: рабочие факультеты; система образования; коммунистическая идеология; просвещение; преемственность образовательной традиции; образовательное законодательство

Для цитирования: Зубов В.В. Рабочие факультеты: просвещение народных масс и/или идеологизированная химера. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(4):32-37. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-32-37

ORIGINAL PAPER

Workers' Faculties: The Education of People's Masses and/or Ideological Chimera

V.V. Zubov

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-6446-3221>

ABSTRACT

The paper considers the history of the creation and development of Workers' Faculties in the RSFSR and the USSR. That system of education was widespread in the first fifteen years of the existence of the Soviet state. Major politicians of Soviet Russia considered the issues of teaching methods and methodologies. They, for the most part, were former students of those faculties and were actively engaged in self-education, as one of the main priorities of the young socialist state. The Soviet leaders emphasized the need to increase the level of education of the broad masses without interruption from productive activities. At the same time, there was a dilemma on the importance of pre-revolutionary experience in building a new education system, the task of which was to educate a person who possessed personal qualities that allowed her to follow the ideological principles of communism. The author paid particular attention to the legislation governing the activities of the Workers' Faculties and the long-term consequences of applying this educational model.

Keywords: working faculties; education system; communist ideology; education; continuity of educational tradition; educational law

For citation: Zubov V.V. Workers' faculties: The education of people's masses and/or ideological chimaera. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(4):32-37. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-32-37

ВВЕДЕНИЕ

Проблема нехватки квалифицированных кадров остро стояла перед руководством молодого советского государства с первых дней его существования. Основу Партии большевиков, игравшей ключевую роль в событиях Октября 1917 г. и занявшей главенствующее положение в правительстве РСФСР, составляли опытные революционеры, которые в большинстве своем могли осуществлять эффективное управление и вести идеологическую работу. Однако для построения полноценного государства требовались кадры, способные решать разнообразные задачи, для реализации которых требовались знания в области естественных и технических наук. Большевики не могли полностью опереться на старую техническую интеллигенцию, которая в силу сословного характера Российской империи была достаточно малочисленна и не испытывала особых симпатий к новой власти. Руководители Советской России предполагали решить данную проблему за счет лояльных выходцев из бывших непривилегированных сословий: рабочих и крестьян. Реализовать идеи большевиков на практике предполагалось за счет разрушения барьеров, которые существовали в дореволюционной системе образования, и создания принципиально новых образовательных площадок для малограмотного населения, роль которых предстояло выполнить рабочим факультетам.

СОЗДАНИЕ РАБОЧИХ ФАКУЛЬТЕТОВ И ЗАКРЕПЛЕНИЕ ИХ СТАТУСА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Масштабные преобразования в образовании, которые планировали провести большевики, начались со слома старой системы обучения: в мае 1918 г. было издано постановление Народного комиссариата просвещения, вводившее совместное обучение учащихся обоих полов¹. Через три месяца Совнарком издал декрет, устанавливавший правила приема в высшие учебные заведения². Новые правила давали

¹ Постановление Народного комиссариата просвещения «О введении обязательного совместного обучения» от 31.05.1918 г. № 499. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М.: Управление делами Совнаркома СССР; 1942.

² Декрет Совета народных комиссаров «О правилах приема в высшие учебные заведения» от 02.08.1918 № 632. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М.: Управление делами Совнаркома СССР; 1942.

право на поступление всем лицам, достигшим 16 лет и имеющим удостоверение личности, подтверждающее их возраст. Отменялись требования о предоставлении аттестата об окончании учебного заведения, конкурсные экзамены, взимание платы за обучение. Иностранцы также имели право на поступление без каких-либо ограничений. Данный декрет радикальным образом изменил традиции высшего образования в России, складывавшиеся на протяжении многих лет. Столь революционные меры, которые, очевидно, не могли быть полностью реализованы, открыли дорогу для создания рабочих факультетов — первого компромисса между идеологией новой власти и образовательным процессом на практике.

В условиях разраставшейся Гражданской войны большевики не могли уделять должного внимания проблемам образования. Поэтому создание и официальное закрепление в законодательстве промежуточного звена для человека, стремящегося получить образование в высшем учебном заведении, затянулось более чем на год. В сентябре 1919 г. вышло постановление Народного комиссариата просвещения, которое предусматривало организацию рабочих факультетов при университетах³. Данный акт представляется крайне содержательным источником по нескольким причинам.

1. В преамбуле обосновывается необходимость создания рабочих факультетов, так как идеи, заложенные в декрете Совнаркома от 2 августа 1918 г., делали возможной ситуацию, при которой неграмотный человек на совершенно законных основаниях мог стать слушателем любого высшего учебного заведения. Подчеркивается, что препятствием к реализации права пролетарских масс на образование является «недостаточная подготовленность по предметам точного знания».

2. В тексте постановления говорится, что рабочие факультеты — «подготовительные курсы, автономные учебно-вспомогательные учреждения, имеющие целью подготовку в кратчайший срок рабочих и крестьян в высшую школу», которые будут открыты при университетах РСФСР.

³ Постановление Народного комиссариата просвещения «Об организации рабочих факультетов при университетах» от 09.11.1919 № 443. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. М.: Управление делами Совнаркома СССР; 1943.

3. В постановлении устанавливаются структура рабочих факультетов и порядок их материального обеспечения. Статус «автономных учебно-вспомогательных учреждений» давал им чрезвычайно широкие возможности по использованию материальной базы университетов и их преподавательского состава.

4. В документе уточняются параметры приема: право поступления имеют рабочие и крестьяне, которые обязаны предоставить удостоверение, выданное фабричным комитетом или коммунистической ячейкой, о принадлежности к вышеназванным социальным классам и лояльности к советской власти.

Представляется, что в данном нормативном правовом акте заложено противоречие, которое будет присуще большинству документов советского государства, касающихся вопросов образования: с одной стороны, предполагалось, что подготовка рабочих и крестьян к высшей школе должна пройти в кратчайшие сроки, а с другой — не предъявлялось требований к интеллектуальным способностям потенциальных слушателей, отсутствие которых изначально ставило под вопрос качество будущих выпускников рабочих факультетов. В то же время ключевую роль стали играть два критерия: уровень внешней поддержки действующей власти и «правильное» социальное происхождение.

После частичной стабилизации обстановки в стране статус рабочих факультетов был определен на высшем уровне: в сентябре 1920 г. вышел декрет Совнаркома «О рабочих факультетах»⁴. Не внося принципиальных новшеств, он, тем не менее, лаконично сформулировал задачу рабочих факультетов как «широкое вовлечение пролетарских и крестьянских масс в стены Высшей Школы». Можно отметить, что текст декрета содержит множество идеологических клише, например: «усиленная работа», «строжайший контроль», которые подчеркивали высокую значимость рабочих факультетов и глубокую заинтересованность советского правительства в их успешном внедрении. Необходимо учитывать, что декрет относится к законодательным актам времен политики военного коммунизма, в рамках которой уча-

щиеся рабочих факультетов рассматривались как граждане, обязанные нести учебную повинность по аналогии с действовавшими тогда трудовыми армиями. Издание данного акта окончательно закрепило рабочие факультеты в качестве одного из основных инструментов построения нового общества, на которое могло положиться руководство страны при реализации своих амбициозных планов.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РАБОЧИХ ФАКУЛЬТЕТОВ

После того как большевики установили контроль над большей частью Российской империи, а на смену политике военного коммунизма пришел период НЭПа, у политического руководства появилась возможность проанализировать ситуацию в сфере образования и сделать определенные выводы на основе данных, полученных в течение первых лет существования советского государства. Появление большого количества специализированных печатных изданий способствовало активизации общественной дискуссии по поводу возможных путей развития страны. Рабочие факультеты также получили собственное издание — журнал «Вестник рабочих факультетов». В начале 1921 г. в нем вышла статья наркома просвещения А. В. Луначарского «Роль рабочих факультетов», которая предвосхитила будущие дискуссии по поводу роли рабочих факультетов и по-своему предугадала их развитие в будущем [1].

В своей статье Луначарский указывает, что создание рабочих факультетов имело под собой три фундаментальных основания.

Во-первых, революционные события нанесли серьезный урон учебным заведениям на всех ступенях образования. При этом наибольший ущерб понесли «школы второй ступени» (старшие классы гимназий и реальных училищ). Луначарский подчеркивает, что их преподавательский состав был негативно настроен к новой власти, что обуславливается большим количеством педагогов, поставленных на свои места царскими властями, и их политическими убеждениями, которые он определяет как «кадетские» и «эсеровские». Он приводит негативный пример советской Украины, где гимназии и училища были упразднены, что нанесло серьезный урон непрерывности образовательного процесса. «Школа второй ступени» в РСФСР пострадала в меньшей степени,

⁴ Декрет Совета народных комиссаров «О рабочих факультетах» от 17.09.1920 № 38. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. М.: Управление делами Совнаркома СССР; 1943.

однако и здесь, по словам автора, образовалась огромная пропасть между новым поколением потенциальных абитуриентов (подходящих по возрасту, но не по уровню образования) и университетами. Что в конечном итоге побудило большевиков привлекать в университеты «абитуриентов со стороны», которые, очевидно, не могли без должной подготовки справиться с программой высших учебных заведений. Таким образом, рабочие факультеты должны были стать квазигимназиями и квазиучилищами, имевшими задачу предотвратить коллапс, подобный тому, который случился на территории советской Украины.

Во-вторых, рабочие факультеты, по мнению Луначарского, являлись неотъемлемой частью высших учебных заведений (что соответствовало действующему на тот момент законодательству), которые будут выступать в качестве основного рычага воздействия на университетскую среду с целью ее «пролетаризации». Он приводит положительные и отрицательные стороны данного процесса: с одной стороны, «пролетаризация» (что, по мнению Луначарского, первоначально) приведет к появлению пролетариев-специалистов, и это рассматривается им как большой плюс для университетского образования в целом. С другой стороны, отсутствие серьезных барьеров приводит к тому, что высшие учебные заведения переполняются рабочими различных способностей и мотиваций, часть из которых разочаровывается в своих силах и уходит, а некоторое количество остается, занимаясь политической деятельностью при формальном отношении к занятиям. Луначарский считает, что партийные организации на местах должны тщательнее подходить к подбору кандидатов на обучение и давать преимущество тем, кто хочет учиться и обладает некоторой подготовкой. При этом он все равно отдает предпочтение элементам «даровитым и способным усвоить себе знания по существу», а не тем, чья «формальная грамотность» выше. Представляется, что данное суждение в мягкой форме подчеркивает необходимость поиска кандидатов «правильного» происхождения, что неизбежно делает данные критерии отбора зависимыми, в том числе и от произвола на местах.

В-третьих, рабочие факультеты, являясь подготовительными курсами перед получением высшего образования, должны изменить не только классовый состав студентов,

но и саму методику обучения, сместив центр тяжести в сторону практического обучения, совмещенного с теорией. Луначарский уверен, что вчерашний гимназист по своим личностным качествам проигрывает профессиональному рабочему, который не только успешно овладеет учебным курсом (подразумеваются технические науки), но и повлияет на своих преподавателей, приучив их к новой методике образования.

Появление большого количества специализированных печатных изданий способствовало активизации общественной дискуссии по поводу возможных путей развития страны. Рабочие факультеты также получили собственное издание – журнал «Вестник рабочих факультетов».

Подводя итоги, Луначарский призывает к тому, чтобы рабочие факультеты, которые, по его мнению, находятся в процессе естественного роста, «не смяли и не ранили нормальных органов, нормальных высших учебных заведений», а университеты, в свою очередь, не препятствовали их росту, так как рабочие факультеты — будущее университетов.

При анализе статьи Луначарского три фундаментальных основания (главные роли) можно выразить в краткой форме: рабочий факультет — «дверь» в университет, инструмент для подчинения университета, инициатор качественного изменения университета. Если использовать глаголы, то получается: войти, захватить, преобразовать.

РАЗВИТИЕ РАБОЧИХ ФАКУЛЬТЕТОВ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

По данным статистики на 1 января 1924 г., в Советском Союзе насчитывалось 133 рабочих факультета, в которых обучалось 45 тыс. студентов⁵. Стоит отметить, что в первые годы

⁵ Народное образование в СССР по данным текущих обследований на 1 января 1922, 1923 и 1924 гг. Труды Центрального статистического управления. Том XXVIII, вып. 1. М.; 1926.

существования рабочих факультетов существовало сильное неприятие «красных» студентов и «старых» студентов (чье мировоззрение сформировалось еще до революции) со стороны части профессуры. Что, в свою очередь, вызвало ответную реакцию со стороны учащихся, относившихся к своим оппонентам как к чуждым элементам для нового общества. При этом отмечалась высокая мотивация новых студентов и их глубокое погружение в учебу [2]. Можно констатировать, что период НЭПа в определенной степени затормозил движение в сторону построения системы образования нового типа: руководство участвовало в жесткой внутрипартийной борьбе, различные силы предлагали множество вариантов дальнейшего развития страны, а политические деятели могли несколько раз менять свою идеологическую платформу. В этих условиях к 1928 г. в стране существовало 147 рабочих факультетов, в которых обучались 49 тыс. студентов⁶.

Новый толчок к развитию рабочих факультетов дала индустриализация и резкое увеличение количества высших учебных заведений, произошедшее за первую пятилетку: в 1933 г. в стране насчитывалось 926 рабочих факультетов, в которых обучались 352 тыс. студентов. В 1930 г. вышло совместное постановление Центрального исполнительного комитета и Совнаркома о реорганизации высших учебных заведений, техникумов и рабочих факультетов⁷. Идеи, высказанные в 1921 г. Луначарским, попытались реализовать на практике, используя административный аппарат, созданный за предшествующее десятилетие. Предполагалось, что при каждом высшем учебном заведении должен быть создан рабочий факультет. Также предусматривалась разработка плана развития сети вечерних и дневных рабочих факультетов.

Однако данные преобразования, как представляется, заметно понизили значимость рабочих факультетов, которые, по мнению Луначарского, должны были давать комплексное образование, что в условиях преобразо-

вания «многофакультетных высших учебных заведений» и техникумов в отраслевые было крайне затруднительно. Также изменилась ситуация со средним образованием: Советский Союз добился серьезных успехов в построении эффективной системы средних школ, что частично решило вопрос с уровнем образования абитуриентов, происходящих из рабочих и крестьян. По этим причинам к середине 1930-х гг. рабочие факультеты прекратили свое существование [3].

Уже в 1921 г. Луначарский как главный идеолог нового советского образования и организатор всех ключевых преобразований в этой области подчеркивал, что высшие учебные заведения являются «нормальными». Нельзя с полной уверенностью сказать, что именно он имел в виду под словом «нормальные», так как оно могло употребляться в значении «обычные», «традиционные». Луначарский предполагал, что роль рабочих факультетов заключалась не только в подготовке вчерашних рабочих и крестьян, изъявивших желание получить высшее образование без знаний (которые до революции студенты получали в гимназиях и реальных училищах), но и в преобразовании самого процесса обучения, создании принципиально нового высшего учебного заведения, отличавшегося от классического университета, основы которого были заложены еще в Средние века.

Можно констатировать, что рабочие факультеты (и не только и даже не столько они) сумели выполнить две роли, которые им определил Луначарский: подготовили кадры, которые впоследствии заменили старую техническую интеллигенцию на предприятиях, и в большей степени изменили социальный состав высших учебных заведений (теперь к нему имели доступ выходцы из бывших непривилегированных сословий, которые составляли большую часть обучающихся). Однако третью и самую амбициозную роль рабочие факультеты выполнить не смогли: к 1970-м гг. XX в. советские вузы практически полностью вернулись к той самой классической модели функционирования университета и поведения студентов, к которой критически относился Луначарский.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рабочие факультеты не смогли превратиться в основной инструмент преобразования общества,

⁶ Культура, кадры и наука. СССР в цифрах (1934). М.: Союзоргучет; 1934.

⁷ Постановление Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров «О реорганизации высших учебных заведений, техникумов и рабочих факультетов» от 23.07.1930 № 38. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1930 год.

однако они в определенной степени оказались тестовой площадкой, на которой впервые были опробованы многие механизмы, порожденные сначала коммунистической идеологией, а потом и внутренними особенностями Советского Союза и ставшие типичными для высшего образования и науки. Высказываются различные, зачастую полярные, точки зрения (как критические [4], так

и хвалебные [5]) насчет эффективности и прогрессивности советской науки и высшего образования (особенно в сфере гуманитарных наук). При этом можно с уверенностью говорить о том, что цель, поставленная в 1920 г. (просвещение народных масс), была достигнута. Однако вопрос о роли идеологии в советском образовании до сих пор остается открытым.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Луначарский А. В. Роль рабочих факультетов. *Вестник рабочих факультетов*. 1921;(1):3–7.
2. Кривоноженко А. Ф. Рабочие факультеты в контексте парадигмы непрерывного образования. *Непрерывное образование: XXI век*. 2016;3(15):90–96.
3. Волкова Т. А. Рабочие факультеты в практике развития советской высшей школы в 1920–1930-е годы. *Вестник Чувашского университета*. 2008;(4):11–17.
4. Авен П. *Время Березовского*. М.: АСТ, Corpus; 2017. 816 с.
5. Алфёров Ж. В глобальном мире мы должны быть лидерами! Аргументы и Факты. 22.05.2013.

REFERENCES

1. Lunacharsky A. V. The role of work faculties. *Vestnik rabochikh fakul'tetov*. 1921;(1):3–7. (In Russ.).
2. Krivonozhenko A. F. Work faculties in the context of the paradigm of continuing education. *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek*. 2016;3(15):90–96. (In Russ.).
3. Volkova T. A. Work faculties in the practice of development of Soviet higher education in the 1920–1930s. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 2008;(4):11–17. (In Russ.).
4. Aven Peter. *Time of Berezovsky*. Moscow: AST; 2017. (In Russ.).
5. Alferov Zhores. In the global world, we must be leaders! *Argumenty i Fakty*. 22.05.2013.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вадим Владиславович Зубов — кандидат исторических наук, доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
zubov305@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vadim V. Zubov — Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of Political Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
zubov305@yandex.ru

Статья поступила 17.04.2020; принята к публикации 30.05.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 17.04.2020; accepted for publication on 30.05.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-38-45

УДК 327(045)

Формирование многоуровневой модели мировой культуры как ответ на вызовы глобализации*

Ю.П. Тен^а, Л.В. Приходько^б^{а,б} Финансовый университет, Москва, Россия^а <https://orcid.org/0000-0003-2387-6243>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-4548-1421>

АННОТАЦИЯ

Актуальность статьи обусловлена теоретико-практической необходимостью переосмысления содержания понятия «культура» в контексте формирования мировой культуры. Авторы обращаются к философской компаративистике: привлекаются понятия, категории, подходы и методы из социальной философии, философской антропологии, кросс-культурного менеджмента, социологии, теории и практики межкультурной коммуникации. Ключевым выводом является положение о том, что структурно-системный анализ культуры позволяет представить ее как многоярусную систему, каждый уровень которой оказывается во взаимосвязи с другими уровнями. Культурное разнообразие может быть представлено как степень, в которой существуют различия внутри индивидов и между ними, основанные как на субъективных, так и на объективных компонентах культур. В статье обосновывается положение о том, что формирование общих для разных народов и культур значений и смыслов как верхнего яруса мировой культуры будет способствовать более эффективному достижению взаимопонимания участниками межкультурного диалога за счет минимизации степени влияния кросс-культурных барьеров.

Ключевые слова: культура; глобализация; культурные различия; межкультурная коммуникация; барьеры межкультурной коммуникации; мировая культура; многоуровневая система культуры

Для цитирования: Тен Ю.П., Приходько Л.В. Формирование многоуровневой модели мировой культуры как ответ на вызовы глобализации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(4):38-45. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-38-45

ORIGINAL PAPER

Formation of a Multi-level Model of World Culture as a Response to the Challenges of Globalization**

Yu.P. Ten^а, L.V. Prikhodko^б^{а,б} Financial University, Moscow, Russia^а <https://orcid.org/0000-0003-2387-6243>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-4548-1421>

ABSTRACT

The relevance of the article is due to the theoretical and practical need to rethink the content of the concept of “culture” in the context of the formation of world culture. The authors turn to comparative philosophical studies: concepts, categories, approaches and methods from social philosophy, philosophical anthropology, cross-cultural management, sociology, theory and practice of intercultural communication are used. The key conclusion is the provision that the structural-system analysis of culture allows us to represent it as a multi-tiered system, each level of which is interconnected with other levels. Cultural diversity can be thought of as the degree to which there are differences within and between

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

** The article is based on the results of research carried out at the expense of budget funds on the state task of the financial University.

individuals, based on both subjective and objective cultural components. The article substantiates the position that the formation of meanings and meanings common for different peoples and cultures as the upper tier of world culture will contribute to the more effective achievement of mutual understanding by participants in intercultural dialogue by minimizing the degree of influence of cross-cultural barriers.

Keywords: culture; globalization; cultural differences; intercultural communication; barriers to intercultural communication; world culture; multi-level cultural system

For citation: Ten Yu.P., Prikhodko L.V. Formation of a multi-level model of world culture as a response to the challenges of globalization. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(4):38-45. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-38-45

ВВЕДЕНИЕ

В современный период развития общества глобализация предстает как нарастающая взаимосвязь и взаимозависимость государств, образующих мировое сообщество, их интеграция в систему с общепринятыми паттернами, нормами и стандартами экономического, политического и социокультурного поведения [1]. Глобализация — это многомерный процесс формирования социальной общности планетарного масштаба в условиях «открытости и устранения барьеров на пути к установлению материальных, интеллектуальных, духовных, этических, эстетических и иных форм общения между людьми» [2]. А. Аппадурраи выделяет пять основных «поток» глобализации — это люди, технологии, финансы, средства массовой информации и идеи [3]. Закручивая эти потоки в своеобразный цифровой вихрь, глобализация берет культуру в качестве своеобразного магнитного проводника для осуществления взаимосвязи индивидов, групп с общностями разных стран. Таким образом, характерной особенностью интенсификации международных взаимодействий становится увеличение взаимозависимости социально-экономических систем, а также этнических и национальных культур. Глобализация кристаллизует ядро культуры, а культурные практики происходят из ядра глобализации [4]. В своей скрытой природе экономическое измерение глобализации ведет к превращению культурных явлений в экономические, а экономических — в культурные. Не случайно еще с 70-х гг. XX в. наметился своеобразный «культурный поворот» в исследованиях ученых самых разных научных направлений — от этнологии и социологии до политологии и философии.

Интерес к культуре обусловлен уникальностью и многогранностью этого понятия. Культура — феномен, возникший в глубокой древности, который по-прежнему наполняет смыслом существование человечества на земле.

Следует отметить, что это слово имеет ряд значений: 1) возделывание, обработка; 2) насаждение, возделанные поля; 3) попечение, забота; 4) наряд, одевание; 5) образование, воспитание; 6) поклонение, культ¹. Формирование культуры было обусловлено стремлением человеческой общины отвечать на вызовы внешней и внутренней среды. Культурная эволюция человечества показывает, что ценности и поведение людей формируются в зависимости от того, насколько безопасно выживание человеческого рода [5]. На фоне актуализации в современных обществах таких негативных явлений, как ксенофобия, нетерпимость к социальным или религиозным отличиям, межэтническая и межрасовая напряженность и т.д., обращение к проблеме уточнения содержания понятия «культура» представляется вполне актуальным.

Культура всегда играла интеграционно-консолидирующую роль в человеческом обществе, поэтому именно межкультурный диалог может стать основным направлением в решении глобальных проблем, стоящих перед всеми странами и регионами. Однако культурное многообразие мира настолько велико, что достижение взаимопонимания народов оказывается трудноразрешимой задачей, так как на пути к нему оказываются различного рода коммуникативные барьеры. В науке выделяют различные коммуникативные барьеры: физиологические, языковые, социально-психологические, поведенческие и культурологические. Наиболее трудными для преодоления барьерами, блокирующими результативность коммуникаций, выступают высокая тревожность при столкновении с чужой культурой, тенденция к оценочным суждениям по отношению к носителям иностранной культуры, этноцентризм, стереотипы и предрассудки, религия, неверное

¹ Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. 2-е изд. М.: Русский язык; 1976. 1096 с.

толкование невербальных средств коммуникации, язык. Несмотря на существование барьеров, эффективная межкультурная коммуникация невозможна, если мы не воспринимаем барьеры межкультурного взаимодействия и не знаем путей их устранения. Сам феномен межкультурной коммуникации рождается только в процессе осознания субъектами интеракции отличий друг от друга.

В данном исследовании авторы рассматривают культуру как сложно структурированную систему, чтобы выявить, описать и проанализировать особенности формирования верхнего уровня общечеловеческой мировой культуры. Сложность исследуемого вопроса определяет авторское решение об использовании метода системно-структурного анализа культуры. При этом авторы обращаются к элементам описания и моделирования в ходе конструирования многоярусной модели культуры.

По мнению М. Реджева, процесс развития культурной глобализации в его различных аспектах и многочисленных измерениях консолидировал то, что мы можем назвать «глобальная культурная инфраструктура» [6]. Она включает в себя как материальные, так и нематериальные аспекты. По сути, глобализация узаконила существование некоего культурного стандарта, в соответствии с которым человек современного общества должен владеть иностранными языками, уметь пользоваться новейшими мессенджерами, персональным компьютером, осуществлять процесс коммуникации с представителями иных культурных миров, понимать тенденции развития современного искусства, философии, литературы, науки и т.д. [7]. Тем самым глобализация создает предпосылки для выхода культуры за пределы локально-территориальных образований.

Поэтому перед учеными стоит проблема формирования глобальной, мировой, постиндустриальной, сетевой, цифровой и информационной культуры. Подобный идеальный конструкт может приобрести реальное отражение в практике современных процессов в результате интенсификации межкультурных коммуникаций между субъектами интеракции. Процесс глобализации приводит к более тесным связям, выстраиванию долгосрочных отношений, в конечном итоге — взаимозависимости стран и регионов в сферах права, политики, торговли, экономики, науки, образования, экологии, культуры и т.д. Отсю-

да актуализируется потребность к конструированию отношений между организациями, странами и межгосударственными союзами на основе принципов модернизма, плюрализма и толерантности, способствующих достижению взаимного понимания и согласованности своих позиций в решении международных проблем путем диалога. Формирование общезначимого уровня культуры человечества будет содействовать постепенному поэтапному формированию верхнего, идейно-смыслового пласта глобальной культуры, освоение которого возможно через различного рода общественные институты (семьи, образования, науки) и международные организации. Только на данном пути социальные группы и общности, разделенные различного рода барьерами — языковыми, религиозными, политическими, правовыми, социально-психологическими и др., смогут прийти к взаимопониманию. Показателен в данном контексте пример с антирасовыми демонстрациями, охватившими в 2020 г. США, а также ряд других западных стран. По сути, протесты, ориентированные на решение проблем дискриминации определенных групп населения стран по расовому признаку, являются следствием глобального вызова о пересмотре значений и смыслов прошлого колониального культурного периода развития западных стран. Свержение и уничтожение памятников прежним лидерам, государственным, общественным и государственным деятелям — своего рода сигнал о необходимости пересмотра ценности символов настоящей культуры для согласования понятий и норм формирующейся новой глобальной культуры. При этом, безусловно, в эпоху глобализации каждый народ имеет право на сохранение собственной социоэтнической, политико-правовой и лингвокультурной идентичности в сочетании с познанием и заимствованием прогрессивных достижений в сфере науки, культуры и образования других стран для развития культуры собственного общества.

ПОНЯТИЕ КУЛЬТУРЫ КАК МНОГОУРОВНЕВОЙ СИСТЕМЫ

Культура — сверхсложное структурное образование, состоящее из различного рода компонентов (знаний, понятий, идей, идеалов, ценностей, норм, символов, паттернов и технологий). С точки зрения системно-структурного подхода, культура предстает как многоуровневая

системная целостность. Так, в 1960 г. классик культурной антропологии К. Оберг разработал модель культуры-айсберга. То, что возвышается над водой, — это малая часть всего массива культуры. Мы видим ее, но не можем сразу понять сущностные (идейно-ценностные) основы культуры, которые являются более мощными и трудными для идентификации и ведут к пониманию культуры. Э.Х. Шейн представил культуру в виде трех слоев, которые отражают степень постигаемости: от артефактов — к «провозглашаемым ценностям» и постижению «базовых представлений» [8]. Трехъярусная модель культуры Шейна подчеркивает важность изучения культуры как совокупности уровней.

Следует отметить, что культура может подразделяться по субъекту. Таким образом выделяют культуру отдельного индивида, культуру социальной группы, культуру социальной (этнической, национальной и т.д.) общности, культуру социального института (например, религиозную), культуру организации.

Сегодня существует очень мало исследований, объединяющих изучение культур с охватом всех уровней. В данном отношении следует отметить проект GLOBE, члены которого, в частности, изучали харизматическое лидерство на трех уровнях, вложенных друг в друга, — организационном, отраслевом и национальном. Важный вклад в развитие этого подхода внесли М. Эрез и Е. Гати [9], которым удалось концептуально выстроить динамическую многоуровневую модель культуры: от микроуровня личности к макроуровню глобальной культуры. Рассмотрим их теоретико-практические предложения, дополнив их авторскими комментариями.

Культура — это сложная конструкция, которая может включать (но не ограничиваться ими) индивидуальный, организационный и национальный уровни. В национальную культуру «вложен» уровень организационной культуры. Организационная культура часто определяется как набор убеждений и ценностей, разделяемых членами одной организации, которая влияет на их поведение [8]. Концептуализация культуры на индивидуальном уровне отражает культурные ценности, как они представлены в культуре отдельной личности. Культурное разнообразие — степень, в которой существуют различия внутри индивидов и между ними, основанные как на субъективных, так и на объективных компонентах культуры.

Когда речь идет о культуре, важно четко указать уровень анализа, а не предполагать, что культурные аспекты на одном уровне будут универсально применяться ко всем другим уровням. Например, Г. Хофстеде пришел к заключению, что ценности, связанные с деятельностью в рамках национальной организационной культуры (в данном случае — на основе анализа эмпирических данных опросов сотрудников IBM), должны рассматриваться на национальном уровне, поскольку могут быть неприменимы в индивидуальном контексте. Поэтому утверждение, что каждый японец по природе — коллективист, оттого что он принадлежит к японской культуре, было бы заблуждением, поскольку «описание культуры и описание индивида, встроенного в эту культуру, являются двумя различными концепциями» (<https://www.springer.com/gp/book/9783319476612#otherversion=9783319476629>). Это иллюстрируется другими культурными моделями [10], в рамках которых количество культурных измерений варьируется в зависимости от уровня оценки (национальный или индивидуальный уровень).

Большинство динамических моделей культуры основаны на экологических ограничениях [11, 12]. Эти модели ориентированы в основном на нисходящее влияние контекста на более низкие уровни культуры. Тем не менее они не изучают влияние снизу вверх, демонстрируя, как изменения на уровне отдельного индивида влекут культурные изменения на макроуровне. Другие модели признают взаимные отношения между культурным и индивидуальным уровнями, но не используют многоуровневый анализ для дальнейшего понимания эффекта взаимных коммуникаций сверху вниз и снизу вверх. Каждый культурный уровень представляет собой единицу для отдельного анализа. Межуровневое исследование устанавливает соответствие между двумя или более уровнями культуры. Межуровневые модели культуры определяют источники напряженности и несоответствия между уровнями, но не объясняют динамику культуры, где несогласованность между двумя уровнями провоцирует изменения и культурную адаптацию [13].

Для большинства исследователей организационного и национального уровней культуры особый интерес представляют ценности как ключевой компонент культуры. У Г. Хофстеде в его модели культуры, представленной в виде

луковицы, именно ценности образуют ядро этой луковицы [14]. Ряд ученых считают, что выбор для анализа ценностей обусловлен тем, что ценности легче измерить, чем другие культурные аспекты, особенно с точки зрения национальной перспективы. Так, было установлено, что 97,5% измерительных инструментов, предложенных Г. Хофстеде, являются жизнеспособными и сейчас [15]. С точки зрения Хофстеде, культура на национальном уровне лучше всего объясняется пятью измерениями, которые ранжируют страны на основе их совокупных оценок по индивидуализму, маскулинности, дистанции власти, избеганию неопределенности и долгосрочной ориентации. Однако следует проявлять осторожность при сравнении разных культурных уровней (<https://www.springer.com/gp/book/9783319476612#otherversion=9783319476629>). Это обусловлено следующими причинами. Считается, что культура относительно стабильна. Действительно, известны случаи из мировой истории, когда культурные ценности конкретной социальной общности были ориентирами для развития культуры в течение столетий и даже тысячелетий (например, древнеегипетская культура). Однако, вступив в эпоху великих географических открытий, зарождения и развития капитализма, освоения и колонизации новых территорий, триумфа науки и техники [16], культуры разных стран и регионов оказались втянуты в титанический механизм зарождающейся и разворачивающейся мощными порывами глобализации. По мере расширения возможностей, появления новых каналов межкультурных коммуникаций такие формы аккультурации, как ассимиляция, сепарация, маргинализация и интеграция стали проявляться в каждом контексте с разной силой и последствиями. Авторы разделяют мнение, что перед лицом вызовов глобализации (угроз техногенных катастроф, экологического кризиса, пандемий и т.д.) человечеству необходимо выбирать путь культурной интеграции в поисках ответов — адекватных стратегических управленческих решений, рационально обоснованных и согласованных с субъектами кросс-культурных коммуникаций.

Со второй половины XX в. в ряде стран наметились разновеликие тенденции к изменению систем свойственных им культурных ценностей. В этом отношении показателен пример Р. Инглхарта и В. Бейкера [17], разработавших динамическую модель культурных ценностей. Если

мы вернемся к системе культурных ценностей Г. Хофстеде, то увидим, что конкретные страны могут переместиться с одного конца континуума (к примеру, маскулинности) — на другой (феминности) из-за влияния экологических изменений. Интерес представляет исследование, проведенное под руководством Д. Ф. Фернандеса примерно через 20 лет после получения результатов группой ученых под руководством Хофстеде. Так, США сдвинулись на два (более низкое избегание неопределенности и маскулинность) из первоначальных четырех изменений, в то время как Япония показала индекс более высокого избегания неопределенности. Поэтому в контексте управления культурным разнообразием предлагается, чтобы руководители сосредоточили внимание на определении профилей ценности с помощью первичных данных на индивидуальном уровне, а не зависели от агрегированных показателей по странам [18].

Под воздействием глобализации ученые фиксируют изменения в системах традиционных ценностей современных обществ. Анализ эмпирических данных, осуществленный под руководством Р. Инглхарта и К. Вельцеля, показывает, что в мире существуют два измерения кросс-культурной вариативности — это пара: традиционные и секулярно-рациональные ценности, а также пара: ценности выживания и самовыражения. Р. Инглхарт и К. Вельцель разработали модель глобальной культурной карты, которая иллюстрирует, как большинство современных обществ расположены в этих двух измерениях. Движение того или иного общества вверх — отражение сдвига от традиционных ценностей к секулярно-рациональным, а движение вправо отражает сдвиг общества от ценностей выживания к ценностям самовыражения [19].

Выводы

Социально-политические, торгово-экономические, научно-технологические драйверы глобализации способствуют интенсификации коммуникаций между культурами, когда люди должны адаптироваться к более, чем одному контексту и уровню интеракции. Показательным примером выступает формирование глобальной потребительской культуры. Так, исследователи фиксируют появление определенных общностей представителей самых разных языков, социальных страт, религиозных конфессий и т.д., объединенных привязанностью или лояль-

ностью к определенному бренду [20]. Глобализация усиливает процессы аккультурации в большинстве обществ, причем вид аккультурации стран зависит от двух факторов: уровня притяжения к новой глобальной культуре и важности сохранения собственных ценностей, что приводит к четырем упомянутым ранее типам аккультурации: интеграции, ассимиляции, сепарации и маргинализации [9]. М. Эрез и Е. Гати говорят о неизбежности формирования некой универсальной эко-культурной модели, в рамках которой аккультурация предстает как процесс культурных изменений и адаптации к новым ценностям, как на уровне общества, так и на индивидуальном уровне. Поэтому М. Эрез и Е. Гати полагают, что именно динамические, а не стабильные модели культуры, должны служить пониманию изменяющейся в ответ на глобализационные процессы среды [9]. Через нисходящие процессы социализации люди усваивают систему общезначимых ценностей определенного общества, при этом сохраняя свои ценности на индивидуальном уровне. Затем через восходящие процессы агрегирования общих ценностей идет восхождение к более высокому уровню. В стремлении отвечать на вызовы глобализации каждый субъект оказывается вовлеченным в процесс формирования мировой, сетевой, информационной и глобальной культуры. Таким образом, субъекты культуры формируются на групповом, организационном и национальном уровнях многоярусной системы. Многоуровневая модель культуры определяет границы, в которых восходящие процессы могут превратиться в конструкцию более высокого уровня. Взаимосвязь процессов сверху вниз и снизу вверх предполагает, что макроуровень культуры влияет на микроуровень индивидуальной самооценки [9]. Процессы взаимодействия, синергетически вовлекающие разные уровни культуры, формируют культурный объект макроуровня. Сегодня мы являемся свидетелями появления глобального уровня культуры как некоего новейшего (верхнего) слоя, который влияет на нижние уровни и взаимно зависит от них.

Структурно-системный подход позволяет представить культуру как сверхсложное структурное образование, состоящее из различного рода компонентов (знаний, понятий, идей, идеалов, ценностей, норм, символов, паттернов). В процессе межкультурной коммуникации субь-

ект интеракции начинает процесс постижения другой культуры на основе своих первоначальных представлений о ее внешнем уровне. Но чем глубже он стремится проникнуть в сущность иностранной культуры, тем сильнее начинает осознавать культурные различия контактирующих культур. Способность преодоления различного рода барьеров (языковых, психологических, социально-поведенческих и иных) в процессе межкультурного общения представителей разных народов обусловлена степенью различий субъектов интеракции. Для преодоления коммуникативных барьеров субъекты межкультурной коммуникации должны расширять и развивать межкультурную компетентность [21]. При этом межкультурная компетентность предполагает поэтапное развитие знаний и представлений о чужой культуре с нижнего уровня — к высшим.

Таким образом, многоуровневая модель культуры позволит нам сформировать модель межкультурной коммуникации, когда субъекты интеракции способны взаимодействовать на разных уровнях. В рамках данной модели возможна разработка индивидуального подхода к обучению и адаптации отдельного субъекта межкультурной коммуникации (к примеру, иностранного обучающегося) в контексте принимающей иностранной национальной образовательной среды, которая, в свою очередь, интегрирована в общее цивилизационное пространство, складывающееся под влиянием глобализации, эффективность коммуникации субъектов которого возможна на основе внедрения и использования инновационных информационно-коммуникативных технологий.

РЕКОМЕНДАЦИИ

Эффективная межкультурная коммуникация в контексте делового общения должна содержать элементы креативности [21]. Участникам международного делового общения недостаточно знать и понимать модели классификации различных культур мира, а также полагаться исключительно на эти знания для разработки эффективных стратегий международного делового общения. Сам подход к представителям разных культур должен быть оригинальным, творческим. Применительно к адаптации иностранных обучающихся в иностранном вузе это означает не только использование инновационных образовательных технологий (организационный уровень культуры),

но и развитие индивидуальной креативной программы обучающегося (индивидуальный уровень) с максимальной вовлеченностью его в процесс познания принимающей культуры (национальный уровень). Следует отметить, что уровень развития индивидуального сознания, нравственных ценностей личности, характер и широта межличностных связей, степень включенности в социальную жизнь определяют ценностные установки, мотивы жизнедеятельности. Эти составляющие необходимы для формирования так называемого «ответственного сознания личности», которое современное общество может сформировать посредством воспитания и образования [22].

Кросс-культурная коммуникация способна открыть индивидам, социальным группам и общностям платформу для связи, согласования и координации своих действий в плане выработки общезначимого алгоритма для решения международных проблем глобального характера. Именно взаимодействие и взаимовлияние разных культур выступает ключевым фактором развития человеческого общества. Проблема совершенствования направлений, способов и методов достижения взаимопонимания между представителями разных народов и культур в ходе преодоления межкультурных барьеров в современную эпоху нуждается в дальнейшем более глубоком изучении.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Межуев В. М. Проблема современности в контексте модернизации и глобализации. *Полития*. 2000;(3):102–115.
Mezhuyev V. M. The problem of modernity in the context of modernization and globalization. *Politia*. 2000;(3):102–115. (In Russ.).
2. Барлыбаев Х. А. Общая теория глобализации и устойчивого развития. М.: Издание Государственной Думы; 2003. 335 с.
Barlybaev H. A. General theory of globalization and sustainable development. Moscow: State Duma Publication; 2003.
3. Appadurai A. Disjuncture and difference in the global cultural economy. *Theory, Culture & Society*. 1990;7(2–3):295–310.
4. Tomlinson J. *Globalization and Culture*. Chicago: University of Chicago Press; 1999.
5. Inglehart R. F. *Cultural evolution: people's motivations are changing and reshaping the world*. NY: Cambridge University Press; 2018.
6. Regev M. Postlude: world culture after cultural globalization. *Poetics*. 2019;75.
7. Мамедов Н. М. Глобализация как современное состояние общественного развития. Эпоха глобальных перемен. Сб. статей. М.: МГАДА; 2004.
Mamedov N. M. Globalization as the current state of social development. The epoch of global changes. Collection of articles. Moscow: MGADA; 2004. (In Russ.).
8. Шейн Э. Х. Организационная культура и лидерство. Пер. с англ. В. А. Спивак, ред. СПб.: Питер; 2002.
Shane E. X. Organizational culture and leadership. V. A. Spivak, ed. Saint Petersburg: Piter; 2002. (In Russ.).
9. Erez M., Gati E. A dynamic, multi-level model of culture: from the micro-level of the individual to the macro level of a global culture. *Applied Psychology: An International Review*. 2004;53(4).
10. Schwartz S. H. A theory of cultural values and some implications for work. *Applied Psychology: An International Review*. 1999;48(1):23–47.
11. Berry J. W. Social and cultural change. In: H. C. Triandis, R. W. Brislin, eds. *Handbook of cross-cultural psychology*. Vol. 5, pp. 211–280. Boston: Allyn & Bacon; 1980.
12. Triandis H. C. *The analysis of subjective culture*. New York: Wiley; 1972.
13. Kitayama S. Culture and basic psychological processes — toward a system view of culture: Comment on Oyserman et al. *Psychological Bulletin*. 2002;128(1):89–96.
14. Hofstede G. *Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values*. Beverly Hills; 1980.
15. Taras V., Kirkman B. L., Steel P. Examining the impact of culture's consequences: A three-decade, multi-level, meta-analytic review of Hofstede's cultural values dimensions. *Journal of Applied Psychology*. 2010;95(3):405–439.
16. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Пер. с англ. М.: ИД ВШЭ; 2000. 608 с.

Castels M. The Information Age: economy, society and culture. Transl. from Eng. Moscow: Higher School of Economics; 2000. (In Russ.).

17. Inglehart R., Baker W.E. Modernization, cultural change, and the resistance of traditional values. *American Sociological Review*. 2000;65(Feb.):19–51.
18. Fernandez D.F., Dawn C., Lee S., Joel N. Hofstede's country classification 25 years later. *The Journal of Social Psychology*. 1997;137(1):43–54.
19. Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. Пер. с англ. М.: Мысль; 2018.
Inglehart R. Cultural evolution: how human motivations change and how it changes the world. Transl. from Eng. Moscow: Mysl; 2018. (In Russ.).
20. Stratton G., Northcote J. When totems beget clans: the brand symbol as the defining marker of brand communities. *Journal of consumer culture*. 2016;16(2):493–497.
21. Braslauskas J. Effective creative intercultural communication in the context of business interaction: theoretical and practical aspects. *Creativity studies*. 2020;13(1):119–215.
22. Кабахидзе Е.Л., Мамедов Н.М. Коммуникативные барьеры глобализации. *Коммуникология*. 2015;3(4):92–105.
Kabakhidze E.L., Mamedov N.M. Communicative barriers of globalization. *Kommunikologiya*. 2015;3(4):92–105. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Юлия Павловна Тен — доктор философских наук, доцент, профессор Департамента менеджмента, Финансовый университет, Москва, Россия
YPTen@fa.ru

Лилия Васильевна Приходько — кандидат технических наук, доцент Департамента менеджмента, Финансовый университет, Москва, Россия
lvprikhodko@fa.ru

ABOUT THE AUTHORS

Yulia P. Ten — D. Sc. (Philosophy), Associate Professor, Department of Management, Financial University, Moscow, Russia
YPTen@fa.ru

Liliya V. Prikhodko — Cand. Sci. (Eng.), Associate Professor, Department of Management, Financial University, Moscow, Russia
lvprikhodko@fa.ru

Статья поступила 25.05.2020; принята к публикации 15.06.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 25.05.2020; accepted for publication on 15.06.2020.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-46-52
УДК 316.282(045)

Стажерство как фактор развития социального потенциала компании

Г.Г. Силласте^а, Е.А. Санакина^б

^{а,б} Финансовый университет, Москва, Россия,

^а <https://orcid.org/0000-0002-3103-1796>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-3351-744X>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается роль стажерства в развитии социального потенциала компании. Одним из факторов такого развития является двухуровневая система повышения профессиональных качеств стажеров, каждая составляющая которой имеет свои конкретные характеристики. Авторы дают понятийные определения и анализируют особенности таких форм подготовки молодых кадров как стажерство и наставничество. При наличии определенных общих черт данные явления все же имеют существенные различия в моральном, административном, временном и правовом аспектах. Методом социологической диагностики анализируется эффективность организации стажировок в одной из крупных компаний на рынке фармакологической продукции. В ходе исследования была произведена группировка и выстроена иерархия разновидностей знаний и умений на базе самооценки респондентов. Результатом работы стало выявление факторов слабого развития феномена стажерства в современной России при достаточно большом потенциале.

Ключевые слова: стажерство; социальный потенциал; трудовой коллектив; наставничество; конкурентоспособность

Для цитирования: Силласте Г.Г., Санакина Е.А. Стажерство как фактор развития социального потенциала компании. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(4):46-52. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-46-52

ORIGINAL PAPER

Internships as a Factor in Developing the Company's Social Potential

G.G. Sillaste^а, E.A. Sanakina^б

^{а,б} Financial University, Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0002-3103-1796>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-3351-744X>

ABSTRACT

The article examines the role of internship in the development of the social potential of the company. One of the factors of this development is a two-level system for improving the professional qualities of trainees, each component of which has its specific characteristics. The authors give conceptual definitions and analyze the features of such forms of training young personnel as internship and mentoring. While there are certain common features, these phenomena still have significant differences in moral, administrative, temporal and legal aspects. We used the method of sociological diagnostics to analyze the effectiveness of organizing internships in one of the largest companies in the pharmaceutical market. In the course of the study, we made a grouping, and a hierarchy of varieties of knowledge and skills was built based on the respondents' self-esteem. The result of the work was the identification of the factors of the weak development of the internship phenomenon in modern Russia with a sufficiently large potential.

Keywords: internships; social potential; workforce; mentoring; competitiveness

For citation: Sillaste G.G., Sanakina E.A. Internships as a factor in developing the company's social potential. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(4):46-52. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-46-52

СТАЖЕРСТВО И ЕГО СУЩНОСТЬ

В каждой организации существуют проблемы, связанные с подготовкой квалифицированных кадров для эффективной деятельности компании на рынке товаров и услуг. Одним из действенных инструментов такой подготовки является **стажерство**, к которому все чаще обращаются руководители различных организаций. Исследование стажерства осуществлялось, с одной стороны, как социальное явление, обладающее своими специфическими особенностями и социальными функциями. С другой — как социальный процесс, имеющий свои стадии развития. Анализ этого процесса может опираться на принципы и закономерности, изучаемые такими частными социологическими теориями, как социология менеджмента, социология управления и социология организаций, непосредственно связанными с направлениями экономической социологии.

Вместе с тем, как показал анализ, категория «стажерство» не «прописана» в социологических словарных источниках. Поэтому была разработана авторская интерпретация данной категории, на основании которой и осуществлена ее операционализация и социальные показатели измерения.

Итак, по мнению авторов, *стажерство — это вид социальной деятельности в системе производственно-трудовых отношений, осуществляемой во взаимодействии опытного специалиста и начинающего работника в целях оказания ему помощи в развитии навыков и умений в профессионально-трудовой сфере практической деятельности.*

Можно по-разному подходить к анализу стажерства. В оценке эффективности процесса стажерства, его влияния на кадровую политику и подготовку персонала важное место принадлежит методам социологической диагностики, позволяющей с помощью социологического исследования определить наиболее ресурсные области возможного укрепления социального потенциала самой организации. Применение методов социологической диагностики актуализируется в условиях цифровизации экономики и перехода работников на цифровые технологии и коммуникации.

Стажерство как форма помощи начинающему работнику в его адаптации к новой для него работе в производственной сфере деятельности — метод не новый. В советское время стажировка начинающих работников на производстве была широко развита в разнообразных формах. Одна-

ко в связи с переходом к рыночной экономике, установлением новых норм и правил в экономической деятельности стажерство оказалось забытым, невостребованным и долгое время фактически не использовалось.

В последние годы в связи со стремительным ростом цифровой экономики, требующей высокой квалификации работника, профессиональных знаний, умений и компетенций, многие предприятия и компании стали возвращаться к социальной технологии стажерства. Она вновь стала использоваться как инструмент ускорения обучения персонала профессиональным навыкам и социальной адаптации к производственным условиям и освоению норм организационной культуры.

Практика стажерства возвращается на предприятия разных форм собственности как эффективный инструмент повышения конкурентоспособности и социального потенциала самой компании, предприятия, организации. *Социальный потенциал — это характеристика социальных и профессиональных качеств членов трудового коллектива, развивающихся в системе производственных отношений и обеспечивающих доступ к ресурсам других субъектов.* Чем выше уровень социального потенциала организации, тем она конкурентоспособнее на рынке товаров и услуг.

Для развития социального потенциала любой организации необходимы две составляющие. Первая — уровень профессиональной подготовки принимаемых на работу кадров. Он складывается из следующих характеристик: уровень образования; производственная квалификация; способность быстро адаптироваться в новом коллективе; коммуникативные качества в налаживании взаимодействия в трудовом коллективе и в выполнении общих целевых задач; знание и выполнение норм корпоративной (или организационной) культуры; готовность к повышению квалификации в интересах компании (организации); знание основ менеджмента своей производственной деятельности; владение иностранным языком и информационными технологиями.

Понятно, что сразу все эти качества у работника работодателю не сформировать. Поэтому необходима вторая составляющая: обеспечение соответствующих условий работы стажера, которые позволят начинающему работнику при помощи руководителя стажировки быстрее овладеть недостающими компетенциями; навыками выполнения конкретных производственных за-

дач, поддержания норм корпоративной культуры; пониманием целей, задач компании/организации и требований, предъявляемых к выполнению должностных обязанностей.

Таким образом, стажерство — это процесс, в котором непосредственно участвуют и тесно взаимодействуют две личности в роли объекта и субъекта. От эффективности этого взаимодействия, от уровня профессиональной подготовки самого руководителя стажировки зависит ее эффективность и возможность работодателя отобрать себе лучшие кадры.

Можно сказать, что социальный потенциал организации в конечном счете зависит от целенаправленной деятельности по подготовке и отбору кадров, эффективности пройденной ими стажировки и успешности интеграции подготовленного работника в реализацию целей и задач компании, стремления к дальнейшему развитию своих профессиональных знаний и опыта.

В настоящее время в большинстве организаций и компаний пока не сложилось четких, разработанных и проверенных практикой программ и методик стажерства. Так, стажировку поручается вести менеджеру по управлению производством, т.е. должностному лицу, которое по служебным обязанностям должно организовывать работу стажеров и руководить стажировкой.

СТАЖЕРСТВО ИЛИ НАСТАВНИЧЕСТВО – ВОТ В ЧЕМ ВОПРОС

Еще одна эффективная форма оказания помощи в профессиональном становлении начинающих работников — наставничество. В ряде случаев молодые руководители компаний или организаций не видят разницы между стажерством и наставничеством, но это ошибочная позиция.

Во-первых, наставничество как форма помощи молодым работникам в освоении профессии, обретении навыков, знаний и умений профессиональной деятельности в конкретной сфере производства имеет более широкий диапазон применения. Это связано с тем, что цель наставничества — воспитать личность, приверженную своей освоенной профессии; личность, которая служит этой профессии, совершенствуется в ней и передает свои знания следующему поколению учеников.

Наставничество предполагает проведение этой сложной воспитательной работы под руководством сложившегося специалиста, мастера своего дела, обладающего большим авторитетом

и знаниями в своей профессии. Наставничество осуществляется не по служебной должности (обязанности), как в случае стажерства, а по морально-нравственным критериям готовности и желания наставника оказывать помощь и внести свой вклад в становление личности будущего специалиста, профессионала в своей области. Иначе говоря, молодой работник осваивает не должность, а профессию.

Во-вторых, если стажерство — это процесс, ограниченный довольно коротким сроком проведения стажировки (регламентом стажерства), то наставничество — процесс воспитательно-педагогический, длительный, на протяжении которого предстоит сформировать специалиста, обогатить его профессиональные знания и навыки, передать опыт ученику.

В Положении о системе наставничества в Финансовом университете при Правительстве РФ (от 5 июня 2020 г.) наставничество определяется как «форма стимулирования профессионального становления работников и обучающихся при содействии наставника». Задачи наставничества определяются как для работников, так и для обучающихся. При этом в версии «Положения о наставничестве» Финансового университета допускается назначение и закрепление наставников за их преемниками, но не из числа работников прямого подчинения. Осуществлять наставническую деятельность наставник может в отношении не более трех преемников или в отношении одной группы преемников. Это уже пример организации института наставничества в обновленной социальной версии, с учетом реалий нового времени.

Исходя из опыта советского института наставничества можно отметить, что помощь наставника не ограничивается никакими временными и возрастными рамками, а опирается прежде всего на морально-нравственные критерии, личный авторитет и ответственность наставника как воспитателя. Поэтому не случайно, что на очень многих крупных производственных предприятиях советской эпохи формировались и вносили большой вклад в дело воспитания молодых кадров целые династии опытных наставников.

В условиях конкурентной борьбы социальные организации, которые используют стажерство как форму работы с начинающими сотрудниками, могут рассматривать его в качестве инструмента укрепления социального потенциала своей организации.

Таблица 1 / Table 1

Степень развитости качеств стажеров в начале процесса стажировки, % опрошенных / The degree of development of trainees' qualities at the beginning of the internship process, % of respondents

Способности	В значительной мере	В незначительной мере	Плохо развиты	Затрудняюсь ответить
Внимательность	87,2	8,5	4,3	0,0
Усидчивость	85,2	14,9	0,0	0,0
Логическое мышление	85,1	14,9	0,0	0,0
Выход из конфликтной ситуации	53,2	40,4	2,1	4,3
Управление проектом	48,9	38,3	4,3	8,5

Источник / Source: составлено авторами / the authors.

Стажерство может осуществляться как на основе трудового соглашения, так и без него. Стажер должен знать, в какой форме будет проходить и завершаться стажировка, какое документальное (доказательное) подтверждение ее прохождения он будет иметь.

Многие международные компании берут на стажировку в основном студентов выпускных курсов (3–4-й курс бакалавриата и 4–5-й курс специалитета), а также студентов магистратуры. Однако большинство из этих компаний не дают полной гарантии дальнейшего трудоустройства стажеров в рамках своей организации. Таким образом, руководители стажировок по большей части повышают квалификацию начинающих специалистов, приобретающих первый трудовой опыт, и отпускают их с полученными профессиональными навыками на рынок труда.

МОЖНО ЛИ ИЗМЕРИТЬ ЭФФЕКТИВНОСТЬ СТАЖЕРСТВА И КАК ЭТО СДЕЛАТЬ

В исследовании стажерства в одной из международных компаний ставилась задача определить эффективность этой социальной технологии, ее влияние на подготовку начинающих работу в компании сотрудников. С этой целью анализировался комплекс социальных измерительных показателей. Например, такие как степень развитости качеств стажеров в начале процесса стажировки (табл. 1).

Прежде всего, отметим, что эмпирическим объектом исследования являлись стажеры этой компании. Это были студенты различных российских вузов, как правило, обучающиеся в бакалавриате и магистратуре и параллельно проходившие стажировку в данной компании.

По результатам социологического измерения, наиболее развитыми у студентов (согласно их самооценке) в начале стажировки являются такие качества, как внимательность (87,2%), усидчивость (85,2%) и логическое мышление (85,1%). Учитывая, что абсолютное большинство стажеров — студенты различных московских вузов, можно предположить, что эти качества хорошо развиваются в образовательном вузовском процессе.

Среди плохо развитых способностей выделены две: поведение в конфликтной ситуации и умение выйти из нее, а также управление проектом. Хотя отметим, что почти каждый второй посчитал, что у него эти способности развиты в полной мере (53,2 и 48,9% соответственно). Однако практика показывает, что владение этими двумя видами способностей и навыков у стажеров сильно преувеличено. И, видимо, развитие именно этих способностей, приобретение навыков работы в этих сферах требуют наибольшего внимания со стороны руководителей стажеров.

Учитывая, что стажировка в компании подразумевает ведение стажером определенного индивидуального проекта в рамках задач подразделения, в котором он проходит стажировку, навыки управления развиваются у стажера в течение всей стажировки. По результатам ее прохождения стажер повышает свои профессиональные качества и в дальнейшем способен вести более крупные проекты.

Одна из задач становления стажера как потенциального сотрудника компании состояла в формировании его деловых навыков и качеств.

Таблица 2 / Table 2

Уровень владения стажерами основными навыками и умениями, % опрошенных / The trainees' level of proficiency in basic skills and abilities, % of respondents

Группы навыков и умений	В значительной мере	Отчасти	Очень слабо	Не развиты совсем
1. Умения в области программного обеспечения работы сотрудника				
Пользование MS Word	93,6	4,3	2,1	0,0
Пользование MS Excel	80,9	14,9	4,3	0,0
Пользование MS PowerPoint	61,7	23,4	14,9	0,0
Пользование специализированными программами из вашего отдела, с которыми вы чаще всего работаете	55,3	31,9	10,6	2,1
Поддержка баз данных	29,8	31,9	27,7	10,6
2. Аналитические навыки	66,0	29,8	4,3	0,0
3. Коммуникационные навыки	48,9	44,7	6,4	0,0
4. Навыки профессионально-проектной деятельности				
Подготовка бизнес-документов, презентаций, отчетов	51,1	36,2	10,6	2,1
Административная поддержка бизнес-процессов	48,9	21,3	21,3	8,5
Ведение проекта	42,6	38,3	14,9	4,3

Источник / Source: составлено авторами / the authors.

В исследовании был замерен **общий уровень владения стажером основными навыками и умениями**. О результатах можно судить по показателям табл. 2.

Анализ различных видов знаний и умений в самооценке респондентов позволил построить иерархическую группировку их развитости. Выделены четыре группы навыков и умений (по степени их развитости у стажеров):

1. Умения в области программного обеспечения работы сотрудника.

2. Аналитические навыки.

3. Коммуникационные навыки.

4. Навыки профессионально-проектной деятельности.

В иерархии развитости первое место занимают технические умения. К ним относятся пять различных качеств стажеров. По степени убывания —

это пользование MS Word (97,9%, из них 4,3% — отчасти), MS Excel (95,8%, из них 14,9% отчасти), MS PowerPoint (85,1%, из них 23,4% — отчасти). Столь высокая оценка владения неудивительна: эти программы являются ведущими среди тех, с которыми работают вузы.

Слабее владение специализированными программами, которые необходимы именно данной компании в том или другом ее подразделении. Лишь каждый второй (55,3%) ответил, что владеет ими в значительной мере, а треть стажеров (31,9%) — отчасти.

Еще слабее (самый низкий уровень владения) — поддержка баз данных. Только треть стажеров (29,8%) владеют этим умением в полной мере, и чуть больше (31,9%) — отчасти.

На втором месте — группа аналитических навыков. Это, конечно, более сложная для ста-

жеров область знаний, и за время прохождения стажировки аналитическими навыками овладеть в полной мере невозможно. Но если учитывать, что большинство (66%) посчитали, что их навыки в этой области развиты «в полной мере», то, опять-таки, приходится говорить о завышенной оценке стажерами своих качеств.

Скорее всего, с серьезной профессиональной аналитикой стажеры пока еще не имели дело, а их самооценка больше исходит из минимального понимания аналитических умений, которыми они владеют. Понятно, что умение анализировать информацию, документы, эмпирические и статистические данные приходит постепенно — за краткий период стажировки (а она длится лишь несколько недель) навыки не привить. Но определенные принципы этой деятельности объяснить можно, чтобы стажеру было понятно, в каком объеме и на базе чего складывается аналитическая деятельность в данной компании.

На третьем месте — группа коммуникативных навыков. Они занимают третье место по степени развитости у стажеров. И это вполне объяснимо, потому что во время прохождения стажировки человек попадает в коммуникационную среду (которую ему предстоит освоить), где рядом находятся незнакомые ему люди.

Поэтому задача состоит в том, чтобы, адаптируя стажера в новую деловую среду, развить его коммуникативные характеристики для межличностного общения в рамках компании. С другой стороны, то, что, по самооценке 48,9% респондентов, у них хорошо развиты коммуникативные навыки, дает возможность предположить, что постепенное овладение навыками межличностного общения в самой компании не станет для стажеров слишком сложной задачей.

На четвертом месте — группа навыков профессионально-проектной деятельности, среди которых по степени владения «в значительной мере»: подготовка бизнес-документов, презентаций, отчетов (51,1%); административная поддержка бизнес-процессов (48,9%); ведение проекта (42,6%).

СТАЖИРОВКА – ДУЭТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТАЖЕРА И ЕГО РУКОВОДИТЕЛЯ

Каков уровень квалификации самих руководителей стажировки? Как показали проведенные нами исследования, руководители стажировок во многих случаях сами никогда не проходили стажировок и не повышали квалификацию в области

руководства стажировкой сотрудника. Главным критерием отбора сотрудника на должность руководителя стажировки является его опыт работы в компании (в большинстве случаев он составляет 5–6 лет) и его должностные обязанности в определенной производственной области.

Недостатком можно считать и то, что сами стажеры не получают по окончании стажировки никакого документа. Пока единственным результатом завершения стажировки является приобретение ими опыта и развитие индивидуальных качеств. Но это никак не подтверждает прохождения ими стажировки в компании и приобретение определенного конкурентного преимущества при устройстве на постоянное место работы. Не говоря уже о том, что и в данной компании у стажера нет гарантий, что его примут на работу (хотя он может быть весьма успешным).

Таким образом, стажер не получает никакого основания для подтверждения полученной производственной подготовки и даже в резюме при устройстве на работу не может это отразить, а о приобретенных навыках знает лишь он. Такой подход гасит стимул стажерства и социальную значимость стажировки.

Вместе с тем практика показывает, что выдача по итогам стажерства сертификата или письма с подтверждением факта прохождения стажировки в той или иной организации, характеристика развитых профессиональных компетенций, которыми овладел стажер, его достижений, существенно облегчает его дальнейший путь в поисках трудоустройства на рынке труда.

Таким образом, стажировку можно рассматривать в качестве определенной социальной технологии укрепления социального потенциала компании (организации). Но как показал социологический анализ, компании нередко недооценивают опыт подготовки самого руководителя стажировки, его умение вести такой процесс.

В целом стажировка, ее организация, нормы, критерии оценки эффективности пока в большинстве компаний не отработаны, что снижает ее результативность. Вместе с тем стажировка как обучение начинающих работников профессионально-производственным навыкам и знаниям, ускорение их социальной адаптации в производственную жизнедеятельность нового коллектива имеет большие резервы. Поэтому совершенствование технологии стажерства в организациях позволит укрепить их социальный потенциал и повысить конкурентоспособность на рынке товаров и услуг.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Силласте Г.Г. Экономическая социология. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Альфа-М: ИНФРА-М; 2015.
2. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б.. Современный экономический словарь. 2-е изд., испр. М.: ИНФРА-М; 1999. 479 с.
3. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык; 2000.

REFERENCES

1. Sillaste G. G. Economic sociology. 2nd ed. Moscow: Alfa-M: INFRA-M; 2015. (In Russ.).
2. Raizberg B. A., Lozovskiy L. S., Starodubtseva E. B. Modern economic dictionary. 2nd ed. Moscow: INFRA-M; 1999. (In Russ.).
3. Efremova T. F. New dictionary of the Russian language. Interpretative and word-forming. Moscow: Russian language; 2000. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Галина Георгиевна Силласте — профессор, научный руководитель Департамента социологии, истории и философии, Финансовый университет, Москва, Россия
galinasillaste@yandex.ru

Елизавета Андреевна Санакина — студентка 2-го курса магистратуры факультета социологии и политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
lizasan96@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Galina G. Sillaste — Professor, Scientific Chairwoman of the Department of Sociology, History, and Philosophy, Financial University, Moscow, Russia
galinasillaste@yandex.ru

Elizaveta A. Sanakina — 2nd-year student of Master's degree, Faculty of Sociology and Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia
lizasan96@mail.ru

Статья поступила 17.05.2020; принята к публикации 15.06.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 17.05.2020; accepted for publication on 15.06.2020.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-53-57

УДК 008(045)

Наследие советского урбанизма как фактор, определяющий современную цифровизацию городской среды

А.А. Трошин

Финансовый университет, Москва, Россия

<https://orcid.org/0000-0001-5041-0671>

АННОТАЦИЯ

В статье автор приходит к выводу о том, что современные проекты цифровизации городской среды изначально были проектами фундаментальной науки модерна, т.е. преимущественно 1970-х гг. В современной урбанистической практике в России их реализация в основном накладывается на структуру города, сформированную в то же время, но уже воспринимаемую как прошлое. Преодоление этого разрыва – в понимании того, что именно оставил нам архитектурный модернизм позднего советского времени. Начальным этапом этого, необходимым для классификации артефактов, автор предлагает аргументированную периодизацию советского урбанизма второй половины XX в. **Ключевые слова:** цифровизация; умный город; урбанизация; архитектурный модернизм; акторно-сетевая теория; история СССР

Для цитирования: Трошин А.А. Наследие советского урбанизма как фактор, определяющий современную цифровизацию городской среды. *Вестник Финансового университета*. 2020;10(4):53-57. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-53-57

ORIGINAL PAPER

The Legacy of Soviet Urbanism as a Factor Determining the Modern Digitalisation of the Urban Environment

A.A. Troshin

Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-5041-0671>

ABSTRACT

In this article, the author concludes that recent projects of digitalisation of the urban environment have initially been projects of the fundamental science of modernity, i.e. predominantly 1970s. In modern urban practise in Russia, their implementation is mainly superimposed on the structure of the city, formed at the same time, but already perceived as the past. Bridging this gap is in understanding what exactly the architectural modernism of the late Soviet period left us. As the initial stage of this, necessary for the classification of artefacts, the author proposes a reasoned periodisation of Soviet urbanism in the second half of the 20th century.

Keywords: digitalisation; smart city; urbanisation; architectural modernism; actor-network theory; the history of the USSR

For citation: Troshin A.A. The legacy of Soviet urbanism as a factor determining the modern digitalisation of the urban environment. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(4):53-57. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-53-57

Ситуация со вспышкой коронавирусной инфекции в 2020 г. утвердила цифровые технологии в роли ведущих инструментов государственного контроля, не только аккумулирующих максимально возможную информацию о действиях конкретного человека, но и упрощающих социальную структуру и переформатирующих городскую среду. Что ж, технологии и вещи — полноправные наравне с людьми участники социального действия: «любая вещь, изменяющая сложившееся положение дел тем, что создает различие, является актором» [1, с. 101]. Сегодня именно они определяют способность социальных связей к длительному расширению, без которого невозможно развитие среды мегаполисов.

Однако любые инновации вынуждены взаимодействовать с историческим фундаментом, определяющим осуществимость тех или иных действий. Те же структуры «умного города» преимущественно «надстраивают» архитектурный модернизм 1970–1980-х гг. И проблема не в том, что от этого времени нам достались СНиПы и стандарты спальных микрорайонов, сегодня более всего способные генерировать транспортные и логистические проблемы. За подобными частностями не должно скрываться понимание того, что модернизм в градостроительстве — это в первую очередь программа формирования пространства. И эта программа в крупных российских городах сохраняется как действующий проект, причина долговечности которого в том, что в основе советских урбанистических практик лежали представления о целостности, долженствующей появиться вопреки реалиям развития самих городов [2, с. 15]. Сконструированные в 1970–1980-е «целостные организмы города» продолжают проявлять себя в реальности XXI в., являясь фактором, определяющим практику организации пространства. В условиях неопределенности в выборе решений о путях развития выявление и изучение таких историко-культурных детерминаций представляет определенный интерес.

Такой подход может предлагать изучение неожиданно значительных временных пластов предшествующего развития. Например, идея «глубокого времени» аудиовизуальных и вычислительных технологий Зигфрида Цилинского с ее лозунгом «в Старом обнаруживать Новое» охватывает многие века [3]. Мои изыскания в данном случае ограничиваются несколькими

десятилетиями. Я пытаюсь выяснить, как в инновационном производстве взаимодействовали люди, вещи и технологии, с постепенным переходом к доминированию вещей как акторов. Скорее таким задачам близки идеи «теории отходов» Майкла Томпсона. Согласно пересмотренной автором в 2017 г. концепции, вещи делятся на три категории: переходные, долговечные и мусор, т.е. те, чья стоимость после покупки падает до нуля. Их место на помойке, но при некоторых условиях они могут покинуть свалку, возвысившись до компонентов «славного культурного наследия», подлинных сокровищ [4].

Урбанистический мусор становится наследием, если он воспринимается как выражение дискуссионных реалий прошлого и в нем (или через него) выявляется информация о том, как обращать на пользу неопределенности, вместо того чтобы «заранее решать, как должно выглядеть содержимое мира» [1, с. 163]. Надо уметь увидеть то, что в социокультурных практиках многие решения уже были приняты и они, по факту, сегодня определяют наши действия.

Однако, описывая отдельные артефакты прошлого, сталкиваясь с ситуацией, когда бытование тех или иных феноменов не вписывается в оформившуюся схему исторических представлений. Это заставляет в исследовании исходно сформулировать систему периодизации советских урбанистических практик второй половины XX в. как смену дискуссионных реальностей, в рамках методологии акторно-сетевой теории.

В интересующем нас аспекте различие типов организации «целостного организма города» в периоды архитектурного неоклассицизма 1950-х, «оттепельных» 1960-х и в эпоху модернизма 1970–1980-х гг. можно выявить в следующем.

На формирование архитектурного стиля послевоенных лет повлияли малая техническая оснащенность строительной индустрии и важные для социальной мифологии визуализированные стереотипы благополучия «из хижин во дворцы». В рамках определяемых государством прагматических систем обществу предлагались образцы, апеллирующие к осмысленному культурному ресурсу истории искусства.

Здесь следует отметить особенность общества конца 1940-х и 1950-х, для прояснения которой лучше всего подойдет концепция разрыва поколений Маргарет Мид. В ней она разграничила

три типа культур: постфигуративную, где дети учатся в первую очередь у своих предшественников, кофигуративную, где и дети, и взрослые учатся у сверстников, и префигуративную, где взрослые учатся у своих детей. Именно последний тип культуры доминировал в советском обществе в конце 1940-х и в 1950-е гг. Основной причиной были, как и на Западе, научно-технические достижения: «сегодняшние дети вырастают в мире, которого не знали старшие» [5, с. 361]. Только произошло это вследствие послевоенного кризиса с некоторым запаздыванием — не во второй половине 1940-х, как в США, а после нормализации общества, произошедшей в 1950–1952 гг. [6]. Соответственно 1960-е могут быть рассмотрены как время доминирования кофигуративной культуры, а эпоха так называемого «застоя» — постфигуративной.

1950-е — время создания основного экономического ресурса советского общества, чье использование продолжается и сегодня. Однако в современной российской практике соответствующий тому времени тип социокультурной системы не встречается. При этом два других советских урбанистических формата присутствуют: утилитарный 1960-х в меньшей степени, позднесоветский модернистский — в преобладающей.

Обратимся соответственно к «оттепели». Смысл происходящей в этой культуре реформы визуализации может быть выражен тезисом о необходимости замены образов понятиями. Власть пытается подчинить технологически обновляющуюся реальность, противопоставляя ей нового человека — «гармонично развитого, всесторонне воспитанного, широко образованного, беззаветно преданного народу, великому делу Ленина» [7, с. 5]. Человек предполагался идеологически неизменной константой по отношению к меняющейся технологической среде. Неизменность, безотносительность субъекта к внешнему миру принимают формы универсальности вещей, включаемых в коммуникации, и условности визуального языка. Отсюда, к примеру, характерная графика, господствующая в то время в книжной иллюстрации и дизайне [8]. В этом же и истоки социокультурных инноваций, привнесенных в экономические взаимодействия. Таких как развитие промграфики (торговые марки, логотипы, технические шрифты и пр.), ускорившееся после правительственного постановления 1962 г. «О товарных знаках». Или

возникновение в СССР массового рынка вследствие реформы, начатой на сентябрьском (1965) Пленуме ЦК КПСС и предполагавшей поставить деятельность предприятий в зависимость от уровня прибыли и реализации продукции, что дало толчок развитию рекламы.

Как писала в передовице «Магазин и покупатель» газета «Правда» (от 16 августа 1966 г.): «Наряду с изучением спроса необходимо усиленно развивать торговую рекламу. Пора решительно покончить с серостью и примитивностью в этом деле. Реклама должна активно содействовать продвижению товаров в массы». Это был именно «мир вокруг» советского горожанина, который должен быть точно атрибутирован и размечен. Даже введение в 1961 г. единых для всего СССР правил дорожного движения или расширение дорожных знаков и табличек к ним в 1964 г. предполагало субъектность пользователя.

Описывая отдельные артефакты прошлого, сталкиваешься с ситуацией, когда бытование тех или иных феноменов не вписывается в оформившуюся схему исторических представлений. Это заставляет в исследовании исходно сформулировать систему периодизации советских урбанистических практик второй половины XX в. как смену дискуссионных реальностей, в рамках методологии акторно-сетевой теории.

Для существования «идеологически неизменного» человека следовало наполнить пространство города и другими символическими товарами. Внешний вид новостроек не воспринимался как условная, предельно абстрагированная форма ввиду выраженной утилитарности. Так что эту роль в 1960-е взяли на себя стандартизированные малые архитектурные формы. И здесь важно отметить то, что объединяло развитие урбанизма в 1960-е гг. с послевоенным време-

нем: для человека в городском пространстве как проявление его индивидуального поведения допускалась статика. Человеку указывалось на возможность своего места в городе, своей точки зрения на мир вокруг (поэтому под термин «оттепель» часто подводят «позднесталинские» феномены, социально, культурно и исторически отличные от «хрущевских»).

В третий же период — «зрелого модернизма» главным становится включенность человека в общий процесс функционирования городской системы. Вот как меняется функция тех же малых форм: «...необходимо совместить два графика. Первый — функциональный график движения людских потоков; второй — график запрограммированных авторами эстетических восприятий фрагмента жилой среды человеком, для которого она создана. Таким образом, комплекс зрительных впечатлений должен быть максимально выявлен с наиболее эффективных по ходу движения точек. В этом и заключается определенная композиционная закономерность при проектировании малых архитектурных форм — функциональное единство жилой среды» [9, с. 11].

Это сходно с современными практиками оформления городской среды. Для человека в этом пространстве города допускается только динамика, даже зрительные впечатления ему предписываются. Более того, они рассчитаны скорее на восприятие периферийным, а не фовеальным зрением. Целью становится создание городской среды как оперативно закрытой системы, не способной ни ориентировать обывателя на возможность предпринять действия за границами системы, ни реагировать на действия

извне системы. Проиллюстрируем это следующим примером:

Началом модернистского реформирования советского города стал 1967 г., в котором к 50-летию Октябрьской революции был осуществлен переход с шести- на пятидневную рабочую неделю. Сокращение рабочего времени вызвало необходимость переноса контроля из производственной сферы в сферу досуга. Такой формой контроля и стала перекомпоновка города. Так, к примеру, утверждалось, что детские игровые площадки преимущественно должны находиться на территории детского сада, т.е. оперативно закрытой системы, а не в общественном дворе. Которого, как такового, вообще не должно было больше быть.

Но главное, о чем идет речь: созданная в 1970–1980-е модель советского города, хоть в это сложно поверить после неопределенности 1990-х и разновекторности «нулевых», методологически близка цифровизации постольку, поскольку обе они порождения фундаментальной науки модерна. Ведь основы кибернетики, машинного обучения, искусственного интеллекта были сформулированы и разработаны в 1970-е, сегодня же просто появились возможности их технической реализации. Общность их идеологии с архитектурным модернизмом очевидна. Понимание этого может расширить формат современных проектов цифровизации, узко сфокусированных на создании защищенной части рынка или market power, либо на совершенствовании инструментов контроля и манипулирования, и не способных решать проблемы экономической эффективности и производительности, к чему изначально были призваны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. Пер. с англ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики; 2020. 384 с.
2. Эстетика «оттепели»: новое в архитектуре, искусстве, культуре. О. В. Казакова, ред. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); 2013. 494 с.
3. Цилински З. Археология медиа: о «глубоком времени» аудиовизуальных технологий. Пер. с нем. М.: Ад Маргинем Пресс; Музей современного искусства «Гараж»; 2019. 440 с.
4. Thompson, Michael. Rubbish Theory: The Creation Destruction of Value — Second Edition. United Kingdom, Pluto Press; 2017. 304 p.
5. Мид М. Культура и мир детства. Пер. с англ. М.: Наука; 1988.
6. Фильцер Д. Советские рабочие и поздний сталинизм. Рабочий класс и восстановление советской системы после окончания Второй мировой войны. Пер. с англ. М.: РОССПЭН; 2011.
7. Бартенев И.А. Детские сады, школы. Серия «Детей окружает искусство». Л.: Художник РСФСР; 1966. 68 с.
8. Кричевский В. Графические знаки Оттепели. М.: Арт Волхонка; 2018. 120 с.
9. Мержанов Б.М. Малые формы в архитектуре жилой застройки. М.: Знание; 1974. 58 с.

REFERENCES

1. Latour, Bruno. Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network-Theory. Moscow, 2020. (In Russ.).
2. The Aesthetic of the Thaw period: new features in architecture, art and culture. Olga V. Kazakova, ed. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN); 2013. (In Russ.).
3. Tsilinsky Z. Archeology of media: about the «deep time» of audiovisual technologies. Transl. from German. Moscow: Ad Marginem Press, Garage Museum of modern art; 2019. (In Russ.).
4. Thompson, Michael. Rubbish Theory: The Creation Destruction of Value — Second Edition. —United Kingdom, Pluto Press; 2017.
5. Mid M. Culture and the world of childhood. Transl. from Eng. Moscow: Nauka; 1988. (In Russ.).
6. Filzer D. Soviet workers and late Stalinism. The working class and the restoration of the Soviet system after the end of World War II. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN); 2011.
7. Bartenev I. A. Kindergartens, schools. Series “Children are surrounded by art”. Leningrad: Artist of the RSFSR; 1966. (In Russ.).
8. Krichevsky V. Graphic signs of “Thaw”. Moscow: Art Volkhonka; 2018. (In Russ.).
9. Merzhanov B. M. Small forms in the architecture of residential buildings. Moscow: Znanie; 1974. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Андрей Алексеевич Трошин — кандидат философских наук, заместитель декана факультета социологии и политологии по магистратуре и профориентационной деятельности, Финансовый университет, Москва, Россия
aatroshin@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Andrey A. Troshin — Cand. Sci. (Philosophy), Deputy Dean of the Faculty of Sociology and Political Science for master’s degree and career guidance, Financial University, Moscow, Russia
aatroshin@fa.ru

Статья поступила 17.06.2020; принята к публикации 10.07.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 17.06.2020; accepted for publication on 10.07.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-58-64
УДК 008.2:004.9+321(045)

Политические риски и барьеры цифровизации

Д.Р. Мухаметов

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-7256-3281>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются политические риски и барьеры цифровизации. Первоначально определяются факторы возникновения политических рисков и барьеров, к которым относятся ограниченность государственной категоризации и сложности институционального процесса, отсутствие инвестиций в человеческий капитал и низкий уровень общей факторной производительности, отсутствие эффективной и достаточной коммуникации, сопротивление и избирательный подход бюрократии к новым технологиям. На основе данных факторов формулируются основные политические риски и барьеры цифровизации: (1) формальное декларирование реализации реформ в отсутствие реальных результатов, (2) рост административного контроля, информационных манипуляций и негативная реакция общества, (3) усиление социального неравенства, поляризации и образование новых монополий, (4) риски информационной безопасности и сохранности персональных данных. Управление и преодоление данных рисков возможно путем разработки адекватного институционального дизайна, использования новых организационных решений для стимулирования развития человеческого капитала, создания института научно-технической экспертизы, поддержки проектного финансирования для проектов внедрения ИКТ, поддержки достаточной политической коммуникации, взаимодействия государства и структур гражданского общества.

Ключевые слова: цифровая экономика; политические риски цифровизации; информационная безопасность; сетевое общество; человеческий капитал; персональные данные.

Для цитирования: Мухаметов Д.Р. Политические риски и барьеры цифровизации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(4):58-64. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-58-64

ORIGINAL PAPER

Political Risks and Barriers of Digitalization

D.R. Mukhametov

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-7256-3281>

ABSTRACT

The article deals with political risks and barriers of digitalisation. Initially, the author identified the factors of political risks and barriers to digitalisation. They include the limited state categorisation and the complexity of the institutional process, lack of investment in human capital and low overall factor productivity, lack of effective and sufficient communication, resistance to bureaucracy. On the base of these factors, the main political risks and barriers to digitalisation include (1) the formal declaration of reforms in the absence of real results, (2) the growth of centralised control and the adverse social reaction, (3) the increasing of social inequality and the formation of the new monopolies, (4) the risks of cybersecurity. Management of these risks is possible through the development of adequate institutional design, the use of new organisational solutions to stimulate the development of human capital, the establishment of the institute of the scientific and technical expertise, support of project finance for ICT projects, support of sufficient political communication.

Keywords: digital economy; political risks of digitalisation; cybersecurity; network society; human capital; personal data

For citation: Mukhametov D.R. Political risks and barriers of digitalisation. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(4):58-64. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-58-64

ВВЕДЕНИЕ

Цифровые технологии имеют очевидные преимущества и способны оказать значительное влияние на процессы оптимизации управления и рост производительности труда. Во многих сферах уже используются машинное обучение, интернет вещей, анализ больших данных, искусственный интеллект, технологии дополненной и виртуальной реальности. Однако масштабное внедрение цифровых технологий и их адаптация обществом сопряжены с рядом политических рисков. Политический процесс охватывает различные измерения, центральными из которых являются создание новых институтов, а также согласование интересов и перераспределение ресурсов: в этом отношении внедрение и адаптация инновационных технологий сталкивается со сформированной конфигурацией институтов, ожиданий, конфликтов и средств политической борьбы, которая определяет вероятные траектории, проблемы и перспективы технологического развития.

Общее определение риска можно сформулировать как вероятность наступления неблагоприятных последствий вследствие (не)совершения конкретных действий. Ввиду методологических сложностей точного количественного определения риска наиболее перспективной является практика выделения общих направлений возникновения негативных последствий исходя из наличия факторов риска — обстоятельств, имеющих потенциально отрицательный характер и влияющих на существование риска. При применении данной логики к процессам цифровизации можно выделить следующие рискогенные факторы: сложности институционального процесса, отсутствие инвестиций в человеческий капитал и низкий уровень общей факторной производительности, отсутствие эффективной коммуникации, сопротивление бюрократии. Впоследствии на базе данных факторов формулируются общие политические риски и барьеры цифровизации.

ФАКТОРЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РИСКОВ И БАРЬЕРОВ ЦИФРОВИЗАЦИИ

1. Ограниченность государственной категоризации и сложности институционального процесса. В целях установления эффективного контроля и управления государство стремится

представить общество в виде системы устойчивых категорий [1], что ведет к появлению унифицирующих стандартов, развитию социальной инженерии, государственной статистики и информационных систем. Формальная институционализация в условиях отсутствия других центров политического влияния становится основным ресурсом государства, обеспечивающим как контроль за производством и использованием имеющих экономическую ценность ресурсов, так и их распределение по предсказуемым траекториям.

Цифровые технологии также становятся объектом государственного регулирования, что обуславливает, во-первых, разработку системы наименований, категорий и терминов в отношении новых технологий, а во-вторых, регулирование области их применения. В данном случае возникает проблема несоответствия абстрактных рекомендаций реальности: вводимые наименования, процедуры и области применения могут не отражать содержания технологий и опаздывать за практическим внедрением «снизу», а также противоречить принципу адекватной сложности (сложность политических институтов требует соответствия сложности социальной среды). Более того, формулировки правил могут закладывать основу для политического конфликта в зависимости от того, будут ли они иметь слишком широкую или узкую трактовку либо вступать в противоречия с нормами, вводимыми ранее, что особенно актуально в вопросах регулирования производства инноваций и защиты интеллектуальной собственности.

Необходимо отметить, что в настоящий момент включение новых технологий в область государственного регулирования является реакцией на конкретные события и процессы, нежели заранее разработанной стратегией. Современные масштабные программы цифровизации экономики и промышленности («Industrie 4.0» в Германии, «Общество 5.0» в Японии, «Цифровая экономика» в России», проекты развития искусственного интеллекта в США и Китае) имеют рамочный характер, определяя конечные цели технологической модернизации, но оставляя открытой номенклатуру внедряемых технологий. Как следствие, многие регуляторные инициативы становятся дополнением данных программ и способом реагирования на возникающие

вызовы государственному управлению. Например, в Китае подобными инициативами стали законодательство в области разработки технологий распознавания лиц, начало разработки национальной цифровой валюты как альтернативы криптовалютам (важно отметить, что создание цифровых валют становится одной из основных задач центральных банков). В России в рамках нацпрограммы «Цифровая экономика» предусмотрено нормативное регулирование и создание законодательной базы для внедрения цифровых технологий, однако процессы переговоров между Правительством и Государственной Думой отличаются высоким уровнем транзакционных издержек, поэтому остается открытым вопрос о соответствии принимаемых законов тенденциям и характеристикам социальной и технологической среды.

Многие регуляторные инициативы становятся дополнением данных программ и способом реагирования на возникающие вызовы государственному управлению. Например, в Китае подобными инициативами стали законодательство в области разработки технологий распознавания лиц, начало разработки национальной цифровой валюты как альтернативы криптовалютам

2. Инвестиции в человеческий капитал и уровень общей факторной производительности. Уровень общей факторной производительности оказывает значительное влияние на стратегии политических и экономических элит. В условиях низкого уровня общей факторной производительности участники политического процесса склонны выбирать оппортунистические стратегии поведения, направленные на увеличение доходов агентов от присвоения части совокупного дохода, что выражается в политике извлечения ренты, консервации групп интересов и ограничении доступа к ре-

сурсам. Данный механизм становится причиной возникновения порочного круга «низкий уровень общей факторной производительности → оппортунистические стратегии → низкий уровень факторной производительности» [2]. Напротив, высокий уровень общей факторной производительности содействует выбору агентами стратегии «заботы об общем благе», при которой увеличение доходов агентов становится следствием роста совокупного дохода. Подобная стратегия заключается в создании условий для развития инновационной экономики и включает инвестиции в генерирование человеческого капитала как совокупности актуальных знаний и навыков, а также в модернизацию и обеспечение доступа к технической инфраструктуре. Создание стимулов для выбора стратегии заботы об общем благе в условиях низкого уровня общей факторной производительности требует соответствующего институционального дизайна, гарантирующего акторам установленный выигрыш (политический или материальный) в будущем, а также наличия государственного аппарата, подавляющего влияние альтернативных центров политического влияния и насилия в стране.

В силу того, что технологии неизбежно становятся составной частью производственных возможностей экономики, их последовательное внедрение сталкивается с отсутствием инициативы со стороны властей, для которых данный процесс не всегда представляет политический и финансовый интерес и требует вложений, эффект отдачи от которых наступает в долгосрочной перспективе и не гарантирует краткосрочных политических выгод. С этой точки зрения низкий уровень факторной производительности является одним из факторов политических рисков технологической трансформации.

3. Отсутствие эффективной коммуникации. Ввиду неоднородного распределения человеческого капитала, экономического и научно-технического развития, новые технологии предстают для большинства абстрактными и отдаленными, в то время как власти стремятся стимулировать развитие инноваций и технологий. В том случае, если подобная ситуация не сопровождается достаточной разъяснительной работой, она является источником рисков снижения доверия к политическому руководству и триггером социальных конфлик-

тов. Коммуникация и обратная связь внутри политической системы являются условиями успешного проведения реформ, обеспечивая циркуляцию информации, обмен ожиданиями и их рационализацию между властью и населением.

4. Сопротивление и избирательный подход бюрократии к технологиям. Внедрение новых технологий во многом означает снижение роли бюрократии вследствие автоматизации решений различных политических задач. Кроме того, переход к постиндустриальному обществу девальвирует существующие организационные основы, активы и ресурсы политической мобилизации и управления традиционных элит. Возникающая неопределенность и угроза потери властных ресурсов обуславливает оппортунизм элит, их избирательный подход к технологиям и готовность выступить коллективным противником изменений, что становится реальным ввиду наличия у них достаточного ресурсного потенциала, особенно в области административного регулирования и структурного насилия. Кроме того, важно отметить, что частный сектор также имеет большой объем регулирования и пронизан бюрократическими иерархиями, что не позволяет признать проекты приватизации и дерегулирования наиболее оптимальными решениями стимулирования производства инноваций [3].

Тем не менее содействие бюрократии внедрению новых технологий возможно в том случае, когда издержки сохранения существующей системы превышают издержки от изменений, что зачастую характеризует кризисные ситуации. В поздней истории СССР таким моментом стало внедрение Госпланом СССР автоматизированной системы плановых расчетов, которая должна была преодолеть недостатки и негативные последствия предыдущей реформы управления, создать основу для решения проблемы фондоотдачи и стать предварительным шагом к созданию общегосударственной информационной системы [4]. В контексте цифровизации триггером внедрения новых технологий может стать рост конфликтности, обусловленный низкими темпами экономического роста и неспособности существующей системы оперативно реагировать на социально-экономические кризисы — данная проблема становится центральной для все большего числа социально-экономических

и политических систем и выступает стимулом для развертывания интегрированных систем управления экономикой и знаниями на основе технологий искусственного интеллекта, анализа данных, блокчейн, интернет вещей («умный город», «умное предприятие», «умный регион»).

Учитывая, что современные технологии имеют неконтролируемый характер развития, сочетание избирательности и ригидности бюрократии в отношении использования инноваций может привести к актуализации следующих тенденций. Во-первых, следует ожидать рост инициатив по включению новых технологий в институциональное поле государственного регулирования, что в настоящий момент находит отражение в проектах по созданию национального Интернета (ИИ-национализма) — объединения государственных ресурсов и ресурсов частных компаний в сфере технологий искусственного интеллекта для извлечения государством геополитических выгод (особое внимание к технологиям искусственного интеллекта обусловлено их двойным назначением — возможностью их использования как в мирных, так и в военных целях). Во-вторых, возможен рост конфликтов между индустриальными организационными структурами и сетевым обществом, в которых новые технологии являются средствами трансформации политического пространства. Цифровые технологии предоставляют новые инструменты политической мобилизации и самоорганизации, что в настоящий момент ведет к созданию гибридных организационных форм, сочетающих оппозиционную направленность и вертикальную схему организации с встраиванием в официальные политические системы (наиболее яркие примеры — популистские партии «Движение пяти звезд» в Италии и «Подemos» в Испании [5]). Помимо этого, события Арабской весны (Twitter-революции) и протесты в Гонконге (использование Telegram и других сервисных приложений) продемонстрировали возрастающие возможности мобилизации в онлайн-среде и ограниченную способность государственных структур противостоять этим процессам.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ ЦИФРОВИЗАЦИИ

1. На практике можно выделить несколько пунктов, генерирующих неопределенность

относительно успешной мобилизации ресурсной базы, необходимой для формирования цифровой экономики. Во-первых, в случае сохранения значительных социальных и пространственных диспропорций в сфере обеспечения технологиями и знаниями, неготовности адаптировать изменения, консервации институциональной ригидности и трудностей бюрократического процесса, а также при отсутствии политической воли итоговым результатом могут стать лишь формальные заявления о формировании цифровой экономики. Во-вторых, цифровую трансформацию целесообразно отнести к мегапроектам [6], обладающим собственной логикой: в научной литературе сформулирован «железный закон мегапроектов», в соответствии с которым процесс реализации последних сопряжен с возрастающими бюджетными и временными затратами, которые не учитываются на стадии планирования и становятся причиной отказа от проекта или его неполной реализации [7]. Учитывая, что мегапроекты имеют значительную политическую составляющую, в качестве успешного может быть признан даже провальный проект. Исходя из этого, первый политический риск заключается в **формальной констатации формирования цифровой экономики** в условиях отсутствия реального прорыва, а также в возможной имитации внедрения новых технологий и незавершенности реформ. Управление данными типами политических рисков должно основываться на использовании проектного финансирования для масштабного внедрения ИКТ, а также на включении научно-технической экспертизы в обсуждение перспектив подобных реформ и преобразованиях. Важно отметить, что на нацпрограмму «Цифровая экономика Российской Федерации» и входящие в ее состав национальные проекты не распространяется действие Постановления Правительства РФ «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации»¹, что актуализирует вопросы контроля и оценки реализации программы.

¹ Постановление Правительства РФ от 31.10.2018 № 1288 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» (вместе с «Положением об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации»).

2. Дискурс технологической революции непосредственно связан с угрозами **чрезмерной централизации и совершенствования методов контроля**. Подобные опасения не являются необоснованными: цифровая трансформация связана с ростом сбора данных, использование которых зачастую остается индивидуальной прерогативой разработчика или собственника в лице технологических компаний, государственных структур и др. Более того, подобная траектория развития может изменить социальное поведение населения и вызвать негативную реакцию: от неприятия государственных инициатив и избегания процедур регулирования до использования новых технологий как инструмента сопротивления государству, мобилизации и координации протеста [8, 9]. Возможности информационных и сетевых технологий в этой сфере ранее продемонстрировали цветные революции на Ближнем Востоке и в Северной Африке, а также недавние протесты в Гонконге. Для нивелирования данных политических рисков приоритетную роль играют эффективная обратная связь, инклюзивность институтов, обеспечение прав пользователей и конфиденциальности их персональных данных.

3. Необходимо понимание того, что процесс технологической трансформации является неравномерным и может иметь конкретные социально-экономические последствия. С одной стороны, технологическая революция имеет негативную экстерналию в виде усиления социальной поляризации, которая является результатом различий в уровне развития человеческого капитала, знаний и навыков использования технологий, а также их неравномерного распределения: 77% работников будут вынуждены в ближайшее время приобрести новые навыки или полностью переквалифицироваться в связи с автоматизацией производства. С другой стороны, асимметрия знания и ресурсов могут стать причинами формирования монополий нового типа [10–12], которые производят концентрацию капитала через контроль информационного пространства и извлечение ценности из данных, генерируемых пользователями цифровых сервисов, а также путем создания закрытых цифровых бизнес-моделей (Amazon, Facebook). Также одной из стратегий развития инновационных технологий является поддержка госкорпораций,

которые, имея защищенную государством часть рынка, склонны к политике извлечения ренты и консервации схем перераспределения ресурсов, нежели к инвестированию в модернизацию технической инфраструктуры, исследования и разработки: так как в России реализация проектов нацпрограммы «Цифровая экономика» во многом связана с деятельностью госкорпораций, данный риск приобретает особую актуальность и требует создания новых стимулов для вовлечения организаций в политику инноваций. В обоих представленных случаях можно наблюдать деятельность заинтересованных групп, стремящихся к ограничению доступа к информационным и технологическим ресурсам через установление соответствующих «правил игры», спецификаций и иных нормативных требований, обеспечивающих перераспределение ресурсов в предсказуемых направлениях. Таким образом, данный политический риск можно обозначить как **усиление неравенства и дальнейшей монополизации цифрового пространства**.

4. Цифровая трансформация также непосредственно сопряжена с **вопросами информационной безопасности и использования персональных данных**. Рост цифровых сервисов, приложений и систем управления актуализирует проблему киберугроз, конфиденциальности и сохранности персональных данных и информации, которая зависит от множества факторов — от наличия систем кибербезопасности до механизмов верификации данных. Также стоит отметить, что в общественной дискуссии сохранность персональных данных становится основным риском и предметом

конфликта между пользователями, государственными структурами и бизнес-игроками, что может препятствовать полноценному использованию цифровых приложений и сервисов [13]. Данный тренд также актуален и для России: по данным «Национального индекса тревожностей» за 2019 г. утечка персональных данных в сети является одной из основных угроз для россиян (<http://cros.ru/ru/kb/research/1037>). Как следствие, требуется эффективная коммуникационная стратегия, направленная на разъяснительную работу по средствам кибербезопасности и пределам сбора и использования персональных данных пользователей со стороны государственных органов [14]. Более того, формирующаяся «экономика данных» характеризуется их масштабной синхронизацией, вследствие чего неспособность обеспечить информационную безопасность повышает цену ошибки, так как даже один сбой способен привести к коллапсу всей системы и утрате данных. Указанные пункты актуальны и для политической информации (данные избирателей, информация государственных структур и т.д.), что позволяет квалифицировать этот риск как политический.

Таким образом, процесс технологических изменений сопряжен с рядом политических рисков, которые выражаются как в вероятности формального внедрения технологий без применения их полного потенциала, так и в негативных последствиях их адаптации. В условиях значительного ускорения процессов технологических изменений вопросы поиска возможных путей нивелирования данных рисков приобретают дополнительную значимость.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Scott J. Two Cheers for Anarchism: Six Easy Pieces on Autonomy, Dignity, and Meaningful Work and Play. Princeton University Press; 2012.
2. Ахременко А. С., Локшин И. М., Юрескул Е. А. Трудности перехода: к политической экономии препятствий модернизации. *Полития*. 2017;(2):5–31.
Akhremenko A. S., Lokshin I. M., Yureskul Y. A. Difficulties of transition: the political economy of modernisation barriers. *Politeia*. 2017;(2):5–31. (In Russ.).
3. Graeber D. The Utopia of Rules: On Technology, Stupidity, and the Secret Joys of Bureaucracy. Melville House; 2015.
4. Caser-Ripilles A., Feenstra R., Tormey S. Old and New Media Logics in an Electoral Campaign: The Case of Podemos and the Two-Way Street Mediatization of Politics. *The International Journal of Press/Politics*. 2016;21(3):378–397.
5. Сафронов А. В. Автоматизированная система плановых расчетов Госплана СССР как необходимый шаг на пути к общегосударственной автоматизированной системе учета и обработки информации (ОГАС). *Экономическая история*. 2019;15(4):395–409.

- Safronov A. V. The Gosplan Automated Planning System as a Necessary Step Toward the Nationwide Automated Data Processing and Control System (NACS). *Ekonomicheskaya istoriya*. 2019;15(4):395–409. (In Russ.).
6. Мухаметов Д. Р. Проблемы и перспективы реализации концепции «Умный город» в России (на примере Москвы). *Мир новой экономики*. 2019;13(3):81–88.
Mukhametov D. R. Problems and prospects of realisation of the concept “Smart city” in Russia (on the example of Moscow). *Mir novoi ekonomiki = The world of the new economy*. 2019;13(3):81–88. (In Russ.).
 7. Flyvbjerg B. What You Should Know About Megaprojects and Why: An Overview. *Project Management Journal*. 2014;45(2):6–12.
 8. Fominaya C., Gillan K. Navigating the technology-media-movements complex. *Social Movements Studies*. 2017;16(4):383–402.
 9. Horst H. A. Free, Social, and Inclusive: Appropriation and Resistance of New Media Technologies in Brazil. *International Journal of Communication*. 2011;5:437–462.
 10. Hindman M. The Internet trap: How the digital economy builds monopolies and undermines democracy. Princeton University Press; 2018.
 11. Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. New York: Public Affairs; 2019.
 12. Loertscher S., Marx L. Digital monopolies: Privacy protection or price regulation? *International Journal of Industrial Organization*. 2020;71:34–67.
 13. Мухаметов Д. Р. Технологии big data в политических процессах: риски и ограничения. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(6):143–149.
Mukhametov D. R. Big Data technologies in political processes: risks and opportunities. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(6):143–149. (In Russ.).
 14. Ерохина О. В. «Умные» технологии и угрозы информационной безопасности. *Электросвязь*. 2018;6:66–67.
Erokhina O. V. Smart technologies and threats to information security. *Electrosvyaz Magazine*. 2018;6:66–67.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Данияр Рустямович Мухаметов — студент 1-го курса магистратуры факультета социологии и политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
mukhametovdaniyar@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Daniyar R. Mukhametov — 1st-year master’s student, Faculty of Sociology and Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia
mukhametovdaniyar@gmail.com

Статья поступила 17.05.2020; принята к публикации 15.06.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 17.05.2020; accepted for publication on 15.06.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-65-72
УДК 32.019.5(045)

Структура сетевых сообществ социальных медиа в информационном потоке внешнего давления на Крым*

Р.В. Пырма

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-3413-4264>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются современные представления о структуре взаимодействия, роли лидеров общественного мнения в социальных сетях цифровых коммуникаций. Объектом исследования выступают сообщества в социальных медиа, генерирующие информационные потоки и продвигающие повестку вхождения Крыма в состав Российской Федерации. Эмпирические данные были получены в результате мониторинга социальных медиа с применением методов социальных графов и когнитивного картирования. Анализ информационных потоков крымской повестки показал, что структура большинства генерирующих их сообществ лишена лидеров общественного мнения и строится на подогреваемой тематике конфликта. При этом наличие лидеров общественного мнения в группах пользователей способствует увеличению численности и активности сообществ, но не обеспечивает их единство. Сообщества социальных сетей, ориентированные на формирование антироссийских установок крымских пользователей, имеют низкую плотность взаимодействия, что не позволяет квалифицировать их как структурированные и массовые движения. В группах пророссийского сегмента отмечены более масштабные и устойчивые взаимосвязи в сообществах, что показывает более высокий потенциал информационного противодействия. Большинство пользователей, составляющих сообщества, являются зрителями, потребляя тематический контент. Наличие пересечений аудиторий пророссийских и антироссийских сообществ указывает как на слабое различие контента, так и на неустойчивые установки пользователей.

Ключевые слова: сетевые сообщества; структура сообществ; лидеры общественного мнения; социальные медиа; воссоединение Крыма с Россией; информационные потоки; информационное противоборство

Для цитирования: Пырма Р.В. Структура сетевых сообществ социальных медиа в информационном потоке внешнего давления на Крым. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(4):65-72. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-65-72

ORIGINAL PAPER

Structure of Network Communities of Social Media in the Information Flow of External Pressure in Crimea**

R.V. Pyрма

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-3413-4264>

ABSTRACT

The article discusses modern ideas about the structure of interaction, the role of leaders of public opinion in social networks of digital communications. The object of the study is the social media community that generates information flows and promotes the agenda of the Crimea joining the Russian Federation. Empirical data were obtained as a result of monitoring social media using the methods of social graphs and cognitive mapping. An analysis of the information flows of the Crimean agenda showed that the structure of most of the communities generating them is deprived of leaders of public opinion and is based on the heated topic of the conflict. At the same time, the presence of opinion leaders in user groups contributes to an increase in the number and activity of communities but does not ensure their unity.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ «Украинские информационные потоки в крымском сегменте социальных медиа: риски и технологии преодоления негативных эффектов антироссийской риторики в онлайн-среде» (№ 18-011-00937 на 2018–2020 гг.).

** This work was financially supported by the RFBR grant “Ukrainian Information Flows in the Crimean Social Media Segment: Risks and Technologies for Overcoming the Negative Effects of Anti-Russian Rhetoric in the Online Environment” (No. 18-011-00937 for 2018–2020).

Social network communities focused on the formation of anti-Russian attitudes of Crimean users have a low density of interaction, which does not allow qualifying as structured and mass movements. In the groups of the pro-Russian segment, larger-scale and stable interconnections in the communities were noted, which shows their higher potential for informational counteraction. Most of the users who make up the community are viewers, consuming thematic content. The presence of intersections of the audiences of the pro-Russian and anti-Russian communities indicates both a weak difference in content and unstable user attitudes.

Keywords: network communities; community structure; opinion leaders; social media; the reunification of Crimea with Russia; information flows, information confrontation

For citation: Pyrna R.V. Structure of network communities of social media in the information flow of external pressure in Crimea. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(4):65-72. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-65-72

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Интерес к избранной теме диктуется высокой активностью онлайн-сообществ и их лидеров в формировании информационной повестки регионов-мишеней России, которые в силу особенностей социально-экономического положения и этнического состава населения более подвержены манипуляциям. Крым относится к числу таких объектов для осуществления внешнего информационного давления в открытом пространстве социальных медиа. Целями данного воздействия служат социальная деконсолидация, дезинтеграция регионов, снижение доверия жителей к действующей власти. Замысел настоящего исследования состоит в анализе информационного влияния, осуществляемого онлайн-сообществами, мобилизованными для информационного противоборства в условиях международного конфликта между Россией и Украиной по крымскому вопросу.

Проведение данного прикладного исследования основано на ряде теорий и концепций массовых коммуникаций. В концепции двухступенчатого потока коммуникаций Э. Каца и П. Лазарфельда, в которой информация поступает из средств массовой информации и передается потребителям путем ассимиляции, определен статус лидера общественного мнения. В прежнее время основоположники отмечали, что лидеры общественного мнения присутствуют в различных слоях общества и демографических группах, имея следующие отличительные характеристики: активная жизненная позиция, разветвленная сеть социальных контактов, стремление распространять полезную информацию, уверенность при формировании тренда, вовлеченность в процесс решения проблем [1]. В настоящее время характеристики лидеров общественного мнения сместились в область управления общественным мнением посредством манипулятивных приемов воздействия на целевые аудитории.

В современных исследованиях лидер общественного мнения определяется как агент, объединяющий сторонников или пользователей СМИ нижнего уровня, которые следуют его примеру. Согласно утверждениям Ю. Кувашима, сила и влияние лидера общественного мнения исходит из сети, созданной его последователями. Активные сторонники усиливают послание лидера другим потребителям медиа, усиливая, в свою очередь, его влияние [2]. При удалении лидера общественного мнения сеть подключенных пользователей продолжает существовать, и они продолжают обмениваться сообщениями. Однако для эффективного влияния на мнение последователей сообщество должно найти лидера, который в их представлении имеет более высокий социальный статус [3]. Д. Уоттс и П. Доддс показали, что при моделировании ситуации убежденные сторонники лидеров общественного мнения имеют большее значение, чем сами лидеры общественного мнения. Информационное влияние усиливается в случае сосредоточения сети сторонников вокруг лидера общественного мнения [4].

Концепция власти коммуникаций исходит из сетевой структуры организации общества. По выражению М. Кастельса, «в мире сетей возможность осуществлять контроль над другими определяют два основных механизма: способность создавать сети и программировать/перепрограммировать работу сетей для достижения поставленных задач, соединяя и обеспечивая взаимодействие различных сетей на основе разделяемых общих целей и объединения ресурс...» [5]. Наряду с создателями цифровых платформ (программистами) наивысшей формой власти в сетевом обществе обладают переключатели, которые контролируют узлы соединения. Альтернативные подходы политической мобилизации предполагают, что самоорганизованные движения также создают свои структуры лидерства [6].

Технологии цифровых коммуникаций ускорили информационные потоки, расширили возможности охвата и адресности. Они также облегчили анализ связей и улучшили понимание того, как социальные медиа опосредуют возникновение коллективных действий. Большинство онлайн-сетей являются разреженными, что препятствует распространению контента. С точки зрения теории сетей в социальных медиа, происходит взаимодействие между пользователями, создаются пути перемещения информации, на перекрестках которых возникают посредники, связывающие ткань пространства коммуникаций [7]. Социальные медиа упрощают доступ к посреднической деятельности, достижение положения переключателя, регулятора информационных потоков [8].

Сетевая структура предоставляет различные возможности для контроля или продвижения информационных потоков. Онлайн-технологии позволяют любому пользователю Интернета стать информационным посредником и иметь возможность вызывать диффузионные реакции в информационном поле. Наличие связывающих мостов, которыми выступают информационные посредники (брокеры) способствуют распространению информации. Только несколько посредников закрывают структурные бреши, активируя соединения, чтобы обеспечить информационный поток [9]. В контексте социальных движений отсутствие посредников означает, что сети будут разбиваться на отдельные компоненты, разделенные политическими или социальными барьерами.

Цифровые платформы социальных медиа предоставляют возможность пользователям взаимодействовать тремя различными способами: следовать, упоминать или ретвитить. Соответственно цифровую платформу можно определить, как многослойную социальную сеть, где каждый слой представляет собой один из трех механизмов взаимодействия. Однако при рассмотрении взаимодействий в сообществе выявляется, что возникает элитарная группа, которая преимущественно связана между собой и в значительной степени игнорирует толпу [10]. Результаты исследований показывают, что лидеры общественного мнения накапливают свои социальные связи взаимодействия в виртуальных сообществах различными путями, такими как самоидентификация, распространение знаний и взаимность. Вклад знаний, как и взаимность, оказывает опосредующее влияние на связь между

статусом лидера общественного мнения и социальным взаимодействием [11].

Важным прикладным вопросом в исследованиях выступает выявление лидеров в сообществах социальных медиа. Одни исследователи предлагают модель тематического рейтинга выявления лидеров сообществ внутри социальной сети, который построен на социологических методах и теории графов [12]. Другие исследователи для определения лидеров общественного мнения в социальных сетях применяют идентификацию на основе теории социальных сетей и методов машинного обучения. Они предлагают модифицированный алгоритм поиска наиболее влиятельных узлов социальной сети, который учитывает не только положение узла в сети, но и признаки его активности, такие как количество постов, количество комментариев и количество репостов [13].

Согласно заключениям С. Володенкова, «Интернет-пространство активно используется в системе современного политического управления в различных аспектах: в первую очередь, для генерации сетевого информационного контента и его вирусного распространения среди интернет-пользователей с целью формирования коллективных смыслов в процессе горизонтального информационно-коммуникационного взаимодействия, а также для мобилизации сетевой общественности, имеющей высокий потенциал политической активности» [14]. В этом контексте исследователи под информационным противоборством в пространстве цифровых коммуникаций понимают «соперничество политических акторов посредством использования специальных информационно-технических ресурсов интернета для воздействия на информационную среду противостоящей стороны, влияние на ее аудиторию и различные сферы политико-властных отношений с целью установления контроля над источниками виртуальных и электронных стратегических ресурсов актора-оппонента и достижения информационного превосходства» [15]. При использовании информационного воздействия основную роль играет личность как участник общения и коллективной деятельности, входящий в различные многочисленные малые и большие группы и аудитории. Однако не менее важную роль играют методы информационного управления малыми коллективами, большими социальными общностями и массовыми процессами.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методические основы исследования политических процессов в цифровом пространстве коммуникаций заложены в ряде прикладных работ, использующих киберметрические возможности для анализа. Так, построение социальных графов позволяет исследовать политические процессы, происходящие внутри и между сообществами в социальных медиа, что «обеспечивает понимание механизма влияния лидеров, формирующих политические установки, на участников групп, силу этого воздействия и схему интеракций внутри и между онлайн-сообществами» [16].

Методология исследования строится на сочетании ряда апробированных методов:

- метод социальных графов позволил проанализировать приемы и технологии воздействия внешних социально-медийных референтных лиц на мобилизацию антироссийских настроений, дестабилизацию политической ситуации, подрыв «крымского консенсуса» в массовом сознании и доверие местных пользователей к российской власти по ряду параметров: соотношения численности сообществ, плотности дружеских связей, степени открытости аккаунтов участников групп, типу взаимосвязи лидера сообщества с участниками, характеристике пользовательской активности групп (графы построены на основании анализа 200 наиболее влиятельных релевантных тем исследования сообществ, транслирующих установки дезинтеграции);

- метод когнитивного картирования контента позволил создать словарь маркеров внешнего информационного воздействия на крымских и северокрымских пользователей на украинском и крымско-татарском языках по следующим параметрам: дискурсы, контексты, темы сообщения, тип ценностного воздействия, целевая аудитория дискурсного посыла, характеристики пользовательской реакции (проанализировано 1200 социально-медийных документов, отобранных методом механического отбора);

- метод мониторинга социальных медиа с применением сервиса IQBuzz позволил получить эмпирическую базу для выявления закономерностей влияния внешнего информационного воздействия по таким параметрам: вес сообщений, динамика сообщений, облако тегов выгруженного массива, социально-демографические характеристики аудитории релевантных

информационных потоков, онлайн-сетевые лидеры и центры мнений (выгружено 580 000 сообщений, глубина аккумуляции — 01.01.2018–01.09.2019, языки: русский и украинский).

В контексте исследования для определения лидеров общественного мнения использовали следующие критерии:

- количество подписчиков на странице;
- быстрая накрутка количества лайков и репостов публикуемых сообщений;
- перекрестные ссылки между лидерами общественного мнения;
- содержащиеся в сообщениях манипулятивные воздействия.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сочетание методов исследования позволило получить данные, которые отрывают реальную картину информационного противоборства в пространстве социальных медиа, направленность и силу информационных потоков. Определение количества участников сообществ позволило выделить самые массовые. Определение числа активных участников, включенных в информационное взаимодействие, позволило выявить структуру связей. В свою очередь, характер связей между участками распространения контента и обмена информацией позволил обозначить сообщества и реконструировать их структуру, в том числе наличие и значимость лидера общественного мнения (см. таблицу).

Исходя из приведенных данных, можно сделать вывод о том, что существует существенный разброс групп по количеству связанных участников относительно медианного значения, которое составляет 48,9%. При этом нельзя утверждать о сильной связности сообществ, имеющих высокий процент связанных пользователей. Сильную связность необходимо также соотносить с коэффициентом кластеризации. Только при высоком проценте связности и при высоком коэффициенте кластеризации можно утверждать о сильной связности сообществ. В случае высокого процента связности пользователей и невысоком коэффициенте кластеризации можно говорить о том, что пользователи связаны «цепочкой», т.е. в среднем пользователи имеют невысокое количество связей с другими пользователями сообщества, но большое количество пользователей входит в сеть. На рисунке представлена структура сообществ в социальных медиа, продвигающих «крымскую повестку».

Таблица / Table

Основные показатели сообществ в социальных медиа, продвигающих тему крымского вопроса в информационной повестке / Key indicators of social media communities promoting the Crimean issue on the news agenda

Наименование группы	Количество участников	Количество связанных участников	Количество связей между пользователями в сообществе	Взаимосвязанные сообщества (большое/среднее/малое)	Плотность графа	Средний коэффициент кластеризации
Сводки от ополчения Новороссии (club57424472)	442 568	NA	NA	-	-	-
РУССКОЕ ОБОЗРЕНИЕ РОССИЯ ПУТИН (club54012242)	295 322	NA	NA	-	-	-
НОВОРОССИЯ SaveDonbassPeople Антимайдан (club43806582)	32 086	14 315	135 665	2/2/1 1 ЛОМ	0,001	0,147
Украины больше нет! (club94269450)	21 314	14 204	224 274	3/2/0	0,002	0,173
АнтиМайдан Мариуполь (club64994882)	19 859	9680	63 479	3/0/0 1 ЛОМ	0,001	0,136
Антиукроп (club105472947)	19 287	12 230	513 311	3/4/0	0,006	0,219
Красный комиссар (club60932039)	18 800	12 021	279 488	3/0/0	0,003	0,205
СОВИНФОРМБЮРО (club59006903)	10 996	6660	202 549	4/0/0	0,008	0,239
Печальный хохол (club57876285)	8687	4262	44 317	6/0/0	0,004	0,18
Лента новостей Крыма (club60779074)	3515	1614	2575	1/5/0	0,002	0,107
Миротворцы НОВОРОССИИ (club95865483)	2282	866	5577	5/0/0	0,012	0,164
ДОНБАСС – КРАЙ РОДНОЙ (club115312870)	2178	1531	18 107	5/0/0	0,013	0,22
Наша Великая Россия (club92927727)	1935	696	3989	5/0/0	0,013	0,184
НОВОСТИ ЛНР/ДНР (club86401567)	932	320	1440	4/0/0	0,022	0,197

Источник / Source: URL: <https://www.iqbuzz.pro>.

При рассмотрении критической коммуникативной инфраструктуры украинских потоков, в соответствии с приведенными графами, могут быть выделены три группы сообществ, различные по влиянию и охвату аудитории: группы с широким охватом; группы со средним охватом; группы, не имеющие широкого охвата. К первой категории могут быть отнесены группы: Все на борьбу с российскими оккупантами! (club74496819), ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА (club4121067). Данные сообщества

характеризуются достаточно широкой собственной аудиторией, а также существенным влиянием на другие группы, что видно из представленного графа. Они являются связующим звеном для всех остальных сообществ, т.е. данные сообщества являются не только «центрами» группы сообществ, но и основным источником новостей для периферийных групп. Такое разделение служит для привлечения разной аудитории, когда сообщества декларируют рассмотрение определенных вопросов, но в свою

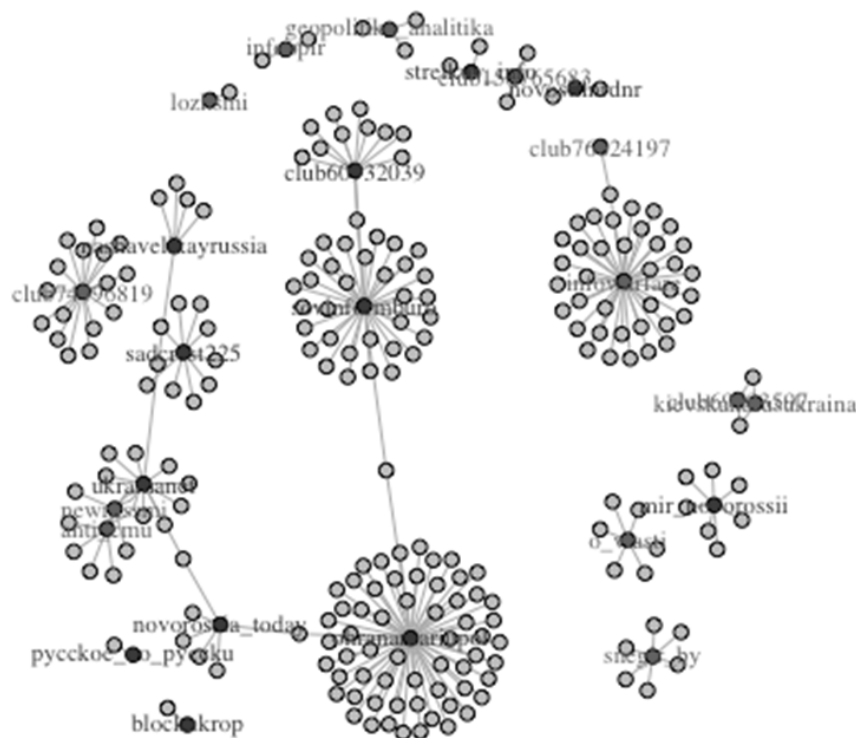

Рис. / Fig. Социальный граф наиболее влиятельных онлайн-сообществ по «крымскому вопросу» / Social graph of the most influential online communities on the “Crimean issue”

Источник / Source: данные исследования / the author.

повестку включают и новости, посвященные антиправительственной тематике, генерируемые «центральным» или «корневым» сообществом.

К группам со средним охватом аудитории могут быть отнесены: Снегирь (club85114309), АнтиСМИ (club71686014), Политкухня преступной власти. Это сообщества, имеющие меньшую аудиторию и меньшее количество связанных групп по сравнению с первым типом сообществ, но при этом развивающиеся и показывающие потенциал к росту. В данных сообществах также наблюдается эффект «центральности» и слабой связности сообществ-сателлитов. При этом общее количество таких сообществ значительно ниже и их суммарная аудитория невысока.

К третьей категории относятся все остальные группы, не имеющие широкого охвата аудитории. Это группы с очень маленьким количеством участников и, как правило, низкой активностью. Такого рода группы создаются стихийно для обсуждения резонансных событий, но после того, как ажиотаж пропадет, теряют интерес аудитории, а администраторы перестают их вести. В случае, если в данных группах стены открыты, они заполняются различным спамом и рекламными сообщениями, что также дает основания полагать, что группы заброшены.

На основании приведенных данных следует отметить, что большинство сообществ, генерирующих информационный поток о положении Крыма в составе Российской Федерации, не имеют лидеров общественного мнения. Очевидно, что по аналогии с реальными боевыми действиями в информационном противоборстве генералы редко принимают участие, бремя войны ложится на средний командный состав и рядовых. Сформированные сообщества объединяет скорее эксплуатируемая, подогреваемая сторонами конфликта тематика ведущейся на протяжении более 5 лет информационной операции, а не локальные лидеры общественного мнения. При этом следует отметить, что наличие лидера общественного мнения в группе положительно сказывается на численности и активности сообществ, но не обеспечивает единства группы. В целом для генерации информационных потоков в социальных сообществах цифрового пространства в условиях напряженной информационной войны наличие лидеров общественного мнения не является обязательным требованием, так как отношения между пользователями сохраняют децентрализованный характер взаимодействия при активном функционировании посредников, наводящих «мосты» на цифровом ландшафте и связывающих «узлы» цифровой сети.

По итогам анализа открытых сообществ социальных сетей, ориентированных на формирование антироссийских установок крымских и северо-польских пользователей, следует отметить, что плотность связей внутри них не позволяет говорить о структурированном и массовом движении. Консолидация в каждой группе тесно связанных между собой пользователей, транслирующих антироссийский контент, находится на незначительном уровне. Большинство пользователей, входящих в состав сообществ, являются потребителями и созерцателями информационного потока, выступая пассивной, сопереживающей массой. Говоря об иерархической структуре взаимосвязанных сообществ, можно отметить, что существует различие между группами, транслирующими пророссийский и антироссийский контент. В группах пророссийского сегмента отмечены более масштабные и устойчивые взаимосвязи, тогда как группы антироссийского сегмента связаны только в парах и не создают единого информационного пространства. Наличие пересечений аудиторий пророссийских и антироссийских сообществ говорит как о слабом различии контента, так и о неустоявшейся и неустойчивой позиции пользователей, что впоследствии может изменить расстановку сил.

Наличие четырех и более связанных подгрупп в одном сообществе показывает невозможность общения большой массы пользователей друг с другом и может свидетельствовать о плотном общении вне группы. На данный момент количество подгрупп на общее количество подписчиков является незначительным. Увеличение подгрупп и выделение в каждой из них лидера будет свидетельствовать об активной стадии взаимодействия. На данный момент группы наполняют пространство негативным либо позитивным контентом, повышая его значимость и перетягивая повестку.

Наиболее разветвленную структуру влиятельных онлайн-сетевых центров мнения имеет информационный поток «Российская агрессия». Поток направлен на формирование негативного отношения крымчан и северо-польцев к факту российского статуса Крыма и Севастополя и подрыв доверия к политике российской власти. Лидеры сетевых групп используют технологии активного вовлечения крымских и северо-польских пользователей в связанные ценностями онлайн-сетевые сообщества. Влиянию подвергается прежде всего молодежь, социализация которой проходила в условиях украинской государственности Крыма. В соответствии с результатами анализа социальных

графов, в большинстве связанных в систему информационного воздействия сообществ функционирует несколько микрогрупп, имеющих довольно высокую плотность, и, соответственно, большой потенциал воздействия на сознание и поведенческие установки участников.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Онлайн-сетевые сообщества, выявленные в ходе исследования и объединенные в критическую коммуникационную инфраструктуру украинских потоков, осуществляющих внешнее информационное воздействие на крымскую и северо-польскую аудиторию, выполняют три базовые функции:

- вовлечение в потоки с антироссийской риторикой большого числа крымчан и северо-польцев (наиболее влиятельные сообщества насчитывают несколько десятков тысяч пользователей);
- осуществление регулярных информационных касаний антироссийского содержания (сообщества с данной функцией в качестве основной могут иметь относительно низкую плотность и связность групп, однако они поддерживают высокую степень публикационной активности, производя систематические информационные вбросы в целях подрыва позитивного отношения жителей полуострова к интеграции в административное пространство России);
- мобилизация антироссийских настроений (эти онлайн-группы характеризуются большей степенью плотности связей между участниками, применением комплекса методов манипулирования общественным мнением, приемов эмоциональной и рациональной стереотипизации, приемов сокрытия и легитимизации, техник реификации и фрагментации, конечной целью которых является формирование убеждения в «агрессивной политике» российской власти, «несправедливых политических решений» российской власти, «негативных перспективах» Крыма в составе России).

Данные исследования свидетельствуют о существовании целенаправленных потоков внешнего информационного давления на крымскую аудиторию с целью подрыва ее доверия действующей власти. Чрезвычайно важным представляется разработка на основе результатов анализа системы мер по преодолению негативных социальных и социально-политических эффектов внешнего информационного давления на жителей Республики Крым и г. Севастополь в составе Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Katz E., Lazarsfeld P. Personal influence. New York: Free Press; 1957.
2. Kuwashima Y. The strength of an opinion leader's supporters. *Annals of Business Administrative Science*. 2018;17(6):241–250.
3. Bandura A. Social Foundations of Thought and Action. The Health Psychology Reader. SAGE Publications Ltd; 2002.
4. Watts D., Dodds P. Influentials, networks, and public opinion formation. *Journal of Consumer Research*. 2007;34(4):441–458.
5. Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Изд. дом Высшей школы экономики; 2016.
Castells M. Communication power. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2016. (In Russ.).
6. Gerbaudo P. Tweets and the Streets. Social Media and Contemporary Activism. London: Pluto Books; 2012.
7. Burt R. Brokerage and Closure. An Introduction to Social Capital. Oxford: Oxford University Press; 2005.
8. Castells M. Networks of Outrage and Hope. Social Movements in the Internet Age. Cambridge: Polity; 2012.
9. González-Bailón S., Wang N. Networked discontent: The anatomy of protest campaigns in social media. *Social Networks*. 2016;(44):95–104.
10. Borondo J., Morales A., Benito R., Losada J. Multiple leaders on a multilayer social media. *Chaos, Solitons & Fractals*. 2015;(72):90–98.
11. Xiong Y., Cheng Z., Liang E., Wu Y. Accumulation mechanism of opinion leaders' social interaction ties in virtual communities: Empirical evidence from China. *Computers in Human Behavior*. 2018;(82):81–93.
12. Vega L., Mendez-Vazquez A. Detecting of topic-specific leaders in social networks. *Procedia Computer Science*. 2019;(151):1188–1193.
13. Semenkovich S., Tsukanova O. On the Algorithms of Identifying Opinion Leaders in Social Networks. *Procedia Computer Science*. 2019;(162):778–785.
14. Володенков С.В. Особенности интернета как современного пространства политических коммуникаций. *Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал)*. 2017;(4).
Volodenkov S.V. Features of the internet as a contemporary space of political communication. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (Elektronnyj zhurnal)*. 2017;(4). (In Russ.).
15. Назаров А.Н., Галушкин А.И., Сычев А.К. Риск-модели и критерии информационного противоборства в социальных сетях. *T-Comm: Телекоммуникации и транспорт*. 2016;10(7):81–86.
Nazarov A.N., Galushkin A.I., Sychev A.K. Risk models and criteria of information confrontation in social networks. *T-Comm: Telekommunikacii i transport*. 2016;10(7):81–86. (In Russ.).
16. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Карзубов Д.Н., Синяков А.В. Развитие методологии и методики интеллектуального поиска цифровых маркеров политических процессов в социальных медиа. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2017;(5):79–104.
Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A. Yu., Karzubov D.N., Sinyakov A.V. Developing methodology for “smart” search for political process markers in social media. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremenu*. 2017;(5):79–104. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Роман Васильевич Пырма — кандидат политических наук, доцент Департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
RVPyrma@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Roman V. Pyрма — Cand. Sci. (Political Sciences), Associate Professor, Department of Political Sciences, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
RVPyrma@fa.ru

Статья поступила 17.06.2020; принята к публикации 06.07.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 17.06.2020; accepted for publication on 06.07.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-73-79
УДК 327.7(045)

Проект солидарного общества для Союзного государства Беларуси и России

С.И. Бойко

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-7332-2391>

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрен вариант модернизации Союзного государства Беларуси и России на основе теории социально ориентированного рыночного хозяйства, опыта построения солидарного общества и социального государства в Германии, осуществленного во время работы федерального канцлера К. Аденауэра. Сделан сравнительный анализ социально-экономической политики в Беларуси и России. Показана роль религиозных нравственных, духовных ценностей и христианской идеологии в создании солидарного общества. Обосновано начало прекращения государственной политики социального и экономического либерализма в России. Сформулированы причины торможения политической интеграции и постоянных экономических конфликтов в Союзном государстве Беларуси и России. Целью статьи является обоснование возможного политического проекта дальнейшего развития Союзного государства Беларуси и России с использованием имеющегося опыта государственного строительства по модели общества солидарной демократии.

Ключевые слова: Союзное государство; солидарное общество; социально ориентированная экономика

Для цитирования: Бойко С.И. Проект солидарного общества для Союзного государства Беларуси и России. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(4):73-79. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-73-79

ORIGINAL PAPER

The project of Solidary Society for the Union State of Belarus and Russia

S.I. Boyko

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-7332-2391>

ABSTRACT

The author discussed the version of the modernisation of the Union State of Belarus and Russia based on the theory of socially oriented market economy, the experience of building a solidarity society and a social state in Germany, carried out during the work of Federal Chancellor K. Adenauer. Firstly, the author made a comparative analysis of the socio-economic policy in Belarus and Russia. Secondly, the author has shown the role of religious moral and spiritual values and Christian ideology in creating a solidarity society. Finally, the author grounded the beginning of the termination of the state policy of social and economic liberalism in Russia and formulated the reasons for the inhibition of political integration and permanent economic conflicts in the Union State of Belarus and Russia.

Keywords: Union State; solidarity society; socially oriented economy

For citation: Boyko S.I. The project of solidary society for the Union State of Belarus and Russia. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(4):73-79. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-73-79

После распада Советского Союза непоследовательные и противоречивые экономические реформы, проекты социально-экономических и политических программ интеграции привели к тому, что стала понятной низкая эффективность Содружества Независимых Государств (СНГ) — международной организации, создававшейся для развития и укрепления ранее сложившихся на постсоветском пространстве межнациональных, экономических, культурных, военных и политических связей. Актуальность исследования представленной проблемы обусловлена амбивалентностью результатов реформ в России, которые нашли отражение в поисках путей перехода от экономической политики «шоковой терапии» к политике устойчивого социально-экономического развития. В многочисленных дискуссиях принимали участие видные российские и иностранные ученые (включая лауреатов Нобелевской премии), которые предлагали разработку государственной политики не только экономически эффективных, но и «социально приемлемых путей реформирования народного хозяйства России, а по возможности и других республик бывшего Советского Союза» [1].

Подробный сравнительный анализ переходных экономик постсоветского пространства и российского экономического развития с изучением и опыта Республики Беларусь представили в монографии В.И. Якунин, С.С. Сулакшин, В.Э. Багдасарян: «Особую угрозу из всех республик бывшего СССР форсированная либерализация представляла для экономики Белоруссии. <...> А.Г. Лукашенко уже в 1994 г., придя к власти, обозначил в качестве приоритета не проведение реформ, как это провозглашали другие государственные руководители на постсоветском пространстве, а экономическое развитие. <...> Экономическая политика Белоруссии в наибольшей степени среди всех бывших республик СССР соответствует нормативам социального гуманизма» [2].

Различным проблемам и аспектам теории и практики солидаризма посвящены научные труды Л. Буржуа и С. Бугле [3], Д. Хелда [4], Д. Стиглица [5], В.И. Кошкина и С.И. Кретова [6], Э. Вайцзеккера [7], Е.Г. Ясина [8].

Вместе с тем необходимо отметить, что вариант продолжения строительства Союзного государства по проекту солидарного общества

и солидарной демократии, объективно позволяющий скоординировать экономическую политику в двух суверенных государствах, в политологическом сообществе пока не рассматривался.

В декабре 1999 г. Республика Беларусь и Российская Федерация подписали двусторонний договор о создании Союзного государства Беларуси и России. Договор закрепил тенденции постепенного политического сближения на основе соглашения о Парламентском собрании (апрель 1996 г.) и договора о Союзе Беларуси и России (декабрь 1997 г.) Существование на постсоветском пространстве объединения (союза) двух суверенных государств служит обнадеживающим признаком возможности равноправного международного партнерства. Возможно, не совсем удачно выбрано название объединения Беларуси и России, которое способно дезориентировать. Безусловно, это не государство ни в юридическом, ни в политологическом понимании, поскольку отсутствуют общие структуры управления, наделенные директивными функциями, а степень интеграции уступает и Европейскому союзу в том числе.

Естественно, не преодолены значительные лакуны в законодательстве, бюрократическое торможение эффективного взаимодействия административных структур внутри Союзного государства. Периодически обостряются конъюнктурные внешнеторговые противоречия, внешнеполитическое противодействие и внутригосударственное оппонирование политических групп контрэлиты интеграционным проектам Беларуси и России. Регулярно в средствах массовой информации как России, так и Беларуси (особенно на интернет-ресурсах) появляется неоднозначная трактовка информации о Союзном государстве. Вместе с тем Союзное государство Беларуси и России успело стать «пилотной площадкой» при реализации политического проекта ЕАЭС [9]. Еще в 2014 г., говоря о перспективах социально-экономической интеграции на постсоветском пространстве, С.Е. Нарышкин (в то время — Председатель Государственной Думы России) заметил, что при разработке проектов основополагающих документов ЕАЭС «важно сохранить в Евразийском экономическом союзе уже созданную нормативно-правовую базу... А также учесть опыт Союзного государства Беларуси и России» [10].

Социально-экономическим, культурным и политическим базисом Союзного государства

Беларуси и России является цивилизационное единство двух славянских этносов и двух государств, многонациональных по этническому составу. Межгосударственное объединение Беларуси и России обусловлено значительной социальной гомогенностью ценностных и профессиональных ориентиров по абсолютно большому числу параметров, сближающих два народа и государства в большей степени, чем с другими государствами бывшего СССР. Данный вывод подтверждается результатами опросов и анкетирования студентов РГГУ в Москве и БГПУ им. Максима Танка в Минске, проводившихся автором статьи совместно с группой белорусских ученых-психологов из БГПУ им. Максима Танка под руководством Ю.А. Полещук, в течение трех лет (2015–2017). Эмпирическим путем выявлено, что «у опрошенных студентов представлены следующие профессиональные типы: преобладает артистический профессиональный тип, выраженный у 22% представителей российской выборки и 21% — белорусской, затем следует социальный, отмеченный у 17 и 19% соответственно, предпринимчивый (по 17%), интеллектуальный (16% и 15% соответственно), реалистический (15% и 16% соответственно), конвенциональный (13% и 12% соответственно). <...> В исследуемой выборке доминирующими стратегиями выступают “компромисс”, выявленный у 27% опрошенных россиян и 25% белорусов, а также “уклонение” (20% и 23%) и “сотрудничество” (22% и 19%). Затем следуют стратегии “приспособление” (16% и 18%) и “соперничество” (по 15%)» [11]. Процентные различия студенческого сегмента социумов показывают значительную корреляцию и существенную гомогенность в самоидентификации и политической ориентации граждан России и Беларуси. Более подробно со статистикой исследований можно ознакомиться в публикациях, отражающих накопленные и обработанные результаты совместных сравнительных исследований, которые неоднократно обсуждались на международных конференциях, например в Смоленском государственном университете [11], в Минске в Республиканском институте профессионального образования [12], в Кельце, Польша, в Университете им. Яна Кохановского [13].

С белорусским, как ни с одним другим народом постсоветского пространства, у русского народа идентификационная близость историче-

ской судьбы и ценностей культурной социально-политической ориентации. Осознание единства исторической судьбы российский философ Н.А. Бердяев считал главным для «совместного бытия наций» [14].

В течение последних двух-трех лет в СМИ все чаще появляется противоречивая и политизированная информация о проблемах в двусторонних российско-белорусских отношениях, включая проблемы Союзного государства. Это свидетельствует о том, что не решается главная задача — целеполагания, определения смысла и механизмов устойчивого развития — и она политическая, а не финансово-экономическая и не бухгалтерская. Любое государство — затратный политический институт, и выгодоприобретателем являются не компании, корпорации или рост поступлений в бюджет, а социум, общество, народ (или народы — в случае Союзного государства). Поэтому обращаться логичнее к первоисточникам политической информации, а не к публикациям журналистов, их трактующих, политическая позиция которых не совпадает с реальной позицией государственных руководителей. Об отношении к проблеме дальнейшего развития союзной интеграции Беларуси и России, в том числе введения единой валюты, унификации налоговой и таможенной политики, предельно конкретно и откровенно заявил президент Беларуси А.Г. Лукашенко: «Союз — пожалуйста. Объединение — пожалуйста, но только это люди должны решить, а не мы. Мы не отказываемся ни от одного тезиса. Если кто-то мне начинает говорить про объединение, то опять же с крыши: давай валюту общую. Мы не против общей валюты, но это должна быть общая валюта, а не валюта Центробанка России. Должен быть эмиссионный центр, созданный на равных условиях. Если вы приводите пример ЕС, хорошо — на принципах Евросоюза. Но чтобы условия были равные и подход» [15]. Следует подчеркнуть политическую прозрачность президента Беларуси, который точно определил причину напряженности в российско-белорусских связях: «Все в частности, все в личностях, все в том, что кому-то не нравится курс, который Беларусь проводит. Даже не внешнеполитический. А ту экономику, которую мы строим, тот социальный уклад, который мы создаем на принципах, прежде всего, справедливости. Этот тезис я 20 с лишним лет проповедую. Оказывается, он сегодня в России очень

востребован. Поэтому все банально: кому-то хочется понизить градус Беларуси в России. Вот и начинаются эти нападки» [15]. Необходимо признать, что теоретические основы и практика государственного управления в сфере социально-экономической политики в России и Беларуси до настоящего времени остаются различными. В России преобладают либеральные и нелиберальные концепции, хотя в конституции и провозглашено социальное государство, точнее — строительство социального государства. В Беларуси осуществляется построение консолидированного общества, солидарного государства, проблемы социальной справедливости достаточно жестко контролируются высшим политическим менеджментом и президентом Беларуси. Практика государственного управления фактически основана на применении теории смешанной экономики и теории социального рыночного хозяйства. Возможно, именно в различиях методов и применяемых инструментах государственного управления в социальной сфере и кроется основная причина торможения в политической модернизации Союзного государства Беларуси и России.

О многовекторности внешней политики суверенной Беларуси неоднократно говорил президент Беларуси А. Г. Лукашенко, например, на встрече в преддверии 100-летия белорусской дипломатической службы: «Проповедуя многовекторную внешнюю политику, мы всегда Россию определяли не просто как нашего главного партнера, а как самое близкое братское государство, где живут просто наши люди» [15].

Социал-демократия традиционно играет в политике современной Германии определяющую роль. Можно отметить, что в октябре 2018 г. фракция СДПГ в Бундестаге приняла документ «Диалог — доверие — безопасность. Условия и импульсы современной социал-демократической политики разрядки». Документ посвящен формированию новой «Восточной политики» во всей ее многовекторности. Дважды упоминаются в документе отношения с Беларусью — в разделе о вероятных контактах по линиям ЕС — ЕАЭС и НАТО — ОДКБ (<https://news.rambler.ru/other/41559391-novaya-vostochnaya-politika-chego-germaniya-hochet-ot-belarusi>). Понятно, почему координатор правительства Германии по сотрудничеству с Россией, Центральной Азией и странами «Восточного партнерства» Дирк Визе признался, что был бы рад приня-

тию Беларуси в Совет Европы и возвращению в Минск представительство германских Фондов имени Конрада Аденауэра и Фридриха Эберта, близких к правящим партиям ХДС/ХСС и СДПГ (<https://www.dw.com/ru/участники-минского-форума-обсуждают-отношения-беларуси-и-ес/a-4641367>).

В ФРГ построено социальное государство и солидарное общество. Первый федеральный канцлер Германии К. Аденауэр вместе с выдающимся экономистом Л. Эрхардом (министром финансов в правительстве К. Аденауэра) осуществили быстрое восстановление национального хозяйства после войны на политической платформе обновленного консерватизма, соединяющего христианскую этику с возможностью проявления экономической инициативы индивидуумом при органичном контроле государства над социальными процессами. Было обеспечено ускоренное, успешное и гармоничное социально-экономическое развитие нового немецкого государства, которое получило название «экономическое чудо». Целью социально-экономического роста стало достижение «социальной симметрии», «благополучия для всех». Было обеспечено взаимодействие институтов государства, профсоюзов и предпринимательских структур в достижении соглашений о размерах заработной платы, в распространении акций фирм и предприятий среди широкого круга социальных слоев, в том числе, среди наемных работников. Осуществлялась политика социального партнерства, политика трипартизма (законодательное регулирование отношений работодатель — наемный работник — государство) в сфере трудовых отношений; германское общество консолидировалось во имя общей цели — построения социально ориентированного и комфортного государства. Особо следует отметить, что значительные государственные финансовые средства направлялись в металлургию, строительство, на электротехнические предприятия.

Если сравнить с современной экономической политикой Беларуси, то это почти полная корреляция, так как под личным контролем президента Лукашенко сохраняются промышленные предприятия, идет борьба за их научно-технологическую и конкурентоспособность, за цивилизованный рынок инновационных ресурсов. При этом особое внимание оказывается привлечению в реальный сектор

экономики «инвестиционных ресурсов посредством позитивного воздействия государства на активизацию инвестиционных процессов частнопредпринимательского сектора, что должно стимулировать желание у населения вкладывать инвестиции в средний и малый бизнес» [16]. В Беларуси это многолетняя социально направленная и консолидирующая гражданское общество идеология в сфере государственной политики.

Наоборот, в постсоветской России до последнего времени господствовал экономический либерализм англосаксонской модели с соответствующей противоречивой социальной политикой, балансирующей на грани нарушения социального консенсуса. В России в политическом менеджменте понимание того, что либеральные концепты показали свою неэффективность, что более полезным было бы использовать западноевропейскую, немецкую социал-демократическую модель социального и экономического развития, стало проявляться только после введения политических и экономических санкций в результате событий, связанных с возвращением Крыма, с конфликтом в Донбассе.

Изменению социальной политики российско-государственного руководства способствует позиция Русской православной церкви. Цель РПЦ — взаимодействие с людьми независимо от идеологии и политических предпочтений для формирования нравственных и духовных ориентиров каждого, кто оказывается в информационном поле религиозной деятельности. В рождественском интервью накануне 2019 г. Святейшим Патриархом Кириллом рационально и предельно просто изложено отношение РПЦ к вопросам государственного строительства, к проблемам устойчивости российской государственности: «Будущее страны — это наше общее дело. И если мы будем солидарны в осуществлении этого общего дела, если у нас будут ясные цели — то, что мы хотим блага для своего народа, хотим, чтобы Россия была независимой, сильной, самодостаточной, значит, мы должны солидарно мыслить и солидарно действовать. Поэтому идея солидарного общества сегодня является очень важной идеей, в отношении которой серьезно работает Русская православная церковь. Нам всем нужно работать для того, чтобы формировать личность, способную быть солидарной с другими личностями, особенно

в нашем общем движении вперед» (<http://www.patriarchia.ru/db/text/5337895.html>).

В современной России структуры православной церкви оказывают значительное влияние на сознательное и ответственное участие людей в общественной жизни, на формирование гражданского общества.

Уместно сравнение: К. Аденауэр был одним из основателей Христианско-демократического союза Германии (ХДС), послужившего партийной, солидарной политической платформой для успешного построения комфортного социально ориентированного государства.

Идея солидарного общества и солидарного государства — не новая. Идеологические основы солидаризма заложены в XIX в. — существует достаточно много научных трудов как философов, так и экономистов о проблемах солидарности при обеспечении социально-экономического развития, немало написано о солидарном или христианском социализме. Однако на практике именно Германия осуществила идею солидарного государства, обеспечила на десятилетия политическую стабильность, устойчивое экономическое развитие и высокие стандарты жизненного уровня.

По итогам встречи 23 декабря 2018 г. Президента Беларуси А. Г. Лукашенко и Президента России В. В. Путина была сформирована межправительственная рабочая группа для поиска решений проблемных вопросов интеграции и модернизации Союзного государства. Определенно и решительно заявлено, что вопрос о слиянии в одно государство не ставится ни в какой форме, речь идет о движении навстречу, о равноправном партнерстве: «Интеграция Беларуси и России не предусматривает какого-либо присоединения государств» [17].

С учетом вышесказанного можно сделать следующие выводы.

То, что Русская православная церковь открыто, используя современные средства коммуникации, обратилась к вопросам построения солидарного общества и к социальной ориентации институтов государственного управления, свидетельствует о начале заката либеральных моделей экономического, социального и политического развития России.

Противоречие политических подходов к решению социальных проблем и к развитию национальных экономик в Беларуси и России является действительной помехой продолжения полити-

ческой интеграции двух суверенных государств в равноправном межгосударственном союзе.

Модель солидарного общества и социал-демократического политического режима может быть проектом, предлагаемым для политической модернизации действующих структур Союзного государства Беларуси и России.

Целесообразно сформировать белорусско-российскую экспертную группу ученых-политологов для разработки концепции дальнейшей

модернизации Союзного государства Беларуси и России с учетом результатов осуществления национальных программ устойчивого социально-экономического роста, а также с учетом западноевропейского опыта строительства социальных государств на базе социально ориентированного рыночного и конкурентоспособного национального хозяйства, органично включенного в равноправные межгосударственные отношения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Эрроу К. Заявление о намерениях Группы экономических преобразований. URL: https://library.by/portalus/modules/ruseconomics/readme.php?subaction=showfull&id=1130409530&archive=1446114990&start_from=&ucat=&.
2. Якунин В. И., Багдасарян В. Э., Сулакшин С. С. Идеология экономической политики: проблема российского выбора. Монография. М.: Научный эксперт; 2008.
3. Буржуа Л. Солидаризм во Франции в период Третьей Республики. М.: КДУ; 2017. 196 с.
4. Хелд Д. Модели демократии. Пер. с англ. М.: ИД «Дело» РАНХиГС; 2014.
5. Стиглиц Дж. Ю. Ревущие девяностые. Пер. с англ. М.: Современная экономика и право; 2005.
6. Кошкин В. И. Основы политической экономии солидаризма. М.: ЛЕНАРД; 2017.
7. Вайцзеккер Э. Фактор пять. Формула устойчивого роста: Доклад Римскому клубу. М.: Аспект-Пресс Книга; 2013.
8. Ясин Е. Г. Приживется ли демократия в России. М.: Фонд «Либеральная миссия»; 2012.
9. Нератов Д. А. Пилотная площадка для ЕАЭС. URL: <https://webkamerton.ru/2015/05/pilotnaya-ploshhadka-dlya-eaes>.
10. Нарышкин С. Е. Опыт и перспективы евразийской экономической интеграции. *Проблемы современной экономики*. 2014;4(52):7–8.
11. Полещук Ю. А. Профессиональная направленность и стили поведения в конфликтных ситуациях у российских и белорусских студентов. Личностное и профессиональное развитие детей, молодежи, взрослых: проблемы и решения. Сборник статей. М.: Перо; 2017.
12. Полещук Ю. А. Специфика профессиональной направленности и политической ориентации будущих специалистов в сфере государственного управления. Вып. 7. В 2 ч. Ч. 1. Минск: РИПО; 2017.
13. Полещук Ю. А., Бойко С. И. Профессиональная направленность российских и белорусских студентов. Kielce: Uniwersytetu Jana Kochanowskiego w Kielcach; 2017.
14. Бердяев Н. А. Философия неравенства. Судьба России: Соч. М.: ЭКСМО; 2001.
15. Лукашенко А. Г. Встреча в преддверии 100-летия белорусской дипломатической службы. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/vstrecha-v-preddverii-100-diplomaticheskoj-služby-20311.
16. Никитенко П. Г. Социодинамика Беларуси, России и Украины: политико-экономический аспект. Минск: Беларуская навука; 2010.
17. Кононович Е. Движение навстречу. URL: <https://www.sb.by/articles/dvizhenie-navstrechu807789.html>.

REFERENCES

1. Arrow K. Statement of intent of the economic transformation Group. Minsk: Belarusian digital library LIBRARY.BY; October 27, 2005. URL: https://library.by/portalus/modules/ruseconomics/readme.php?subaction=showfull&id=1130409530&archive=1446114990&start_from=&ucat=&. (accessed on 18.04.2020). (In Russ.).
2. Yakunin V. I. The ideology of economic policy: the problem of Russian choice. Monograph. V. I. Yakunin, V. E. Bagdasaryan, S. S. Sulakshin, eds. Moscow: Scientific Expert; 2008. (In Russ.).
3. Bourgeois L. Solidarism in France during the Third Republic. L. Bourgeois, S. Bugle, A. B. Hoffman, eds. Moscow: KDU; 2017. (In Russ.).
4. Held D. Model of democracy. Third edition. Moscow: Publishing House Delo, Ranepa; 2014. (In Russ.).

5. Stiglitz J. Roaring nineties. Seeds of collapse. Moscow: Modern Economics and law; 2005. (In Russ.).
6. Koshkin V. I., Kretov S. I. Fundamentals of the political economy of solidarity. Moscow: LENARD; 2017. (In Russ.).
7. Weizsäcker E. Factor five. The formula for sustainable growth: a Report to the club of Rome. E. Weizsäcker, C. Hargous, M. Smith, (Eds.). Moscow: Aspect-Press Book; 2013. (In Russ.).
8. Yasin E. G. Whether democracy will take root in Russia. 2nd ed. Moscow: Liberal Mission Foundation; 2012. (In Russ.).
9. Neratov D. A. Pilot site for the EEU. URL: <https://webkamerton.ru/2015/05/pilotnaya-ploshhadka-dlya-eaes>. (In Russ.).
10. Naryshkin S. E. Experience and prospects of the Eurasian economic integration. *Problemy sovremennoi ekonomiki*. 2014;4(52):7–8. (In Russ.).
11. Poleshchuk Yu. A., Boyko S. I. Professional orientation and styles of behaviour in conflict situations In Russian and Belarusian students. In: Personal and professional development of children, youth, adults: problems and solutions: a collection of articles. L. M. Mitina, ed. Moscow: Pero Publishing House; 2017:196–199. (In Russ.).
12. Poleshchuk Yu. A., Boyko S. I. Specifics of professional orientation and political orientation of future specialists in the field of public administration. In: Psychological support of the educational process: a collection of scientific articles. O. S. Popova, ed. Issue 7. Part 1. Minsk: RIPO; 2017:154–161. (In Russ.).
13. Poleschuk Yu. A., Boyko S. I. Professional orientation of Russian and Belarusian students. In: Człowiek w przestrzeni edukacyjnej współczesnego świata. E. Asmakovets, S. Koziej, eds. Kielce: Uniwersytet Jana Kochanowskiego w Kielcach; 2017:104–109. (In Russ.).
14. Berdyaev N. A. Philosophy of inequality. In: N. A. Berdyaev. The fate of Russia: Essays. Moscow: EKSMO; 2001. (In Russ.).
15. Lukashenko A. G. Meeting on the Eve of the 100th anniversary of the Belarusian diplomatic service. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/vstrecha-v-preddverii-100-diplomaticheskoy-sluzhby-20311/ (accessed on 19.03.2020). (In Russ.).
16. Nikitenko P. G., Solodovnikov S. Yu. Sociodynamics of Belarus, Russia and Ukraine: political and economic aspect. Academy of Sciences of Belarus, Institute of Economics. Minsk: Belarusskaya Navuka; 2010.
17. Kononovich E. Movement towards. URL: <https://www.sb.by/articles/dvizhenie-navstrechu807789.html>. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сергей Иванович Бойко — кандидат политических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
bsi1952@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Sergey I. Boyko — Cand. Sci. (Political Sciences), Associate Professor, Department of Theoretical and Applied Political Sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
bsi1952@yandex.ru

Статья поступила 15.05.2020; принята к публикации 15.06.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 15.05.2020; accepted for publication on 15.06.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-80-84
УДК 316.325(045)

Социолингвистический аспект развития современных цифровых технологий. Преимущества и риски

Е.В. Бестаева

Российский университет транспорта, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-2875-2947>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются актуальные социолингвистические характеристики процесса развития цифровых технологий как основы современной науки, всех отраслей промышленности, средств массовой информации и пр. Обозначены преимущества, предоставляемые глобальным процессом унификации современного общества в социолингвистическом контексте. Выделены проблемы, связанные с англоязычной платформой информационных технологий с точки зрения актуального подхода к этноязыковой и национальной идентичности. Английский язык рассматривается как в роли мирового лингва франка, так и в качестве инструмента «мягкой силы» на международной арене, в данном случае – в контексте его использования как основного языка современного «цифрового мира». Ставится вопрос о разумной дифференциации использования английского за рамками сферы цифровых технологий, где он имеет безусловное, единоличное и, на взгляд автора, совершенно естественное лидерство. Поднимается вопрос целесообразности популяризации русского языка как языка высшего образования для иностранных студентов в России. Сделаны выводы об объективной необходимости и вполне органичной возможности использования английского в качестве международного языка общения без потери собственной языковой (как части этнической и гражданской) идентичности этноязыковых групп в условиях глобального мира.

Ключевые слова: языковая унификация; языковая политика; цифровые технологии; информационные технологии; английский язык; лингва франка; этноязыковая идентичность; гражданская идентичность

Для цитирования: Бестаева Е.В. Социолингвистический аспект развития современных цифровых технологий. Преимущества и риски. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(4):80-84. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-80-84

ORIGINAL PAPER

Sociolinguistic Aspect of the Advancements in Modern Digital Technologies. Benefits and Risks

E.V. Bestaeva

Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-2875-2947>

ABSTRACT

The article discusses the current sociolinguistic characteristics of the development of digital technologies as a basis of modern science, all industries, the media, etc. The author outlined the advantages provided by the global process of unification of contemporary society in the sociolinguistic context. Also, the author highlighted the problems associated with the English-language platform of information technology from the current approach to ethnic-language and national identity. English is considered both as the world *lingua franca* and as a tool of “soft power” in the international arena. In the latter case, in the context of its use as the primary language of the modern “digital world”. The question is posed of a reasonable differentiation of the use of English beyond the scope of digital technology, where it has unconditional, sole and, in the opinion of the author, utterly natural leadership. Therefore, the author raised the question of the advisability of popularizing the Russian language as a language of higher education for international students in Russia. The author concluded that there exist the objective necessity and the completely organic possibility of using English as an international language of communication without losing one’s language (as a part of the ethnic and civil) identity of ethnic groups in the global world.

Keywords: language unification; language policy; digital technology; information technology; English; lingua franca; ethnic language identity; civic identity

For citation: Bestaeva E.V. Sociolinguistic aspect of the advancements in modern digital technologies. Benefits and risks. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(4):80-84. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-80-84

Возможность мгновенного доступа к информации и прямого общения практически с любым человеком вне зависимости от его географического положения приводит к значительным изменениям во всех областях жизнедеятельности общества — с большими преимуществами и не меньшими рисками.

Цифровые технологии сегодня определяют повседневность, давая каждому шанс быть вовлеченным в актуальные процессы. При этом использование новых технологий создает массу вопросов, среди которых — защита персональных данных, опасность значительного внешнего влияния [1] и др. Не секрет, что современные технологии воздействуют на взаимосвязь частной жизни и профессиональной деятельности, на появление новых профессий, обуславливают необходимость постоянного повышения квалификации и освоения новых специальностей. Они влияют на отношения в обществе и семье, вопросы воспитания, радикальные перемены в характере и масштабах потребления, взаимодействие с окружающей средой и многое другое, на что так часто указывают социологи, культурологи, педагоги, психологи, медики, экологи, экономисты. Актуальным становится и вопрос влияния технологий на коммуникационные процессы и языки, используемые в современном мире.

Английский язык в контексте обсуждаемой темы логично рассматривать с точки зрения его преподавания, т.е. внедрения тех самых цифровых технологий в новых учебно-методических разработках, способствующих более быстрому и качественному формированию коммуникативной компетенции в профессиональной деятельности, готовности к самостоятельной работе и стремлению к профессиональному росту — важнейшим задачам современного высшего образования [2]. В данной работе английский, однако, рассматривается совершенно с других позиций.

В мировой истории всегда существовали языки, которые облегчали межкультурную и международную коммуникацию — арамейский, греческий, латынь, французский. Но английский впервые в истории стал мировым лингва франка¹ — не общеевропейским, к примеру, и не ближневосточным, а именно мировым [3].

¹ Язык или диалект, систематически используемый для коммуникации между людьми, родными языками которых являются другие языки.

И, похоже, в этой ситуации будет логично вспомнить об извечном споре западников и славянофилов [4–6], в том числе и в его лингвистическом контексте [7]. Очевидно, что никому и в голову не придет сегодня назвать фонтан водометом, театр — позорищем, меню — разблюдашем и т.д. Но почему при этом — мейнстрим (mainstream), но не основное направление; мерчендайзер (merchandiser), но не товаровед; лук (look), но не образ или внешний вид; дедлайн (deadline), но не крайний срок?

Глобальный процесс дигитализации позволяет использовать английский как инструмент «мягкой силы», безотказный и эффективный, ибо дигитализация — данность. Big data², персонализируя потребителя и делая рекламу индивидуально ориентированной, позволяет значительно увеличить объем продаж. Найти информацию, создать и внедрить в производство любой продукт, руководить, осуществить социальный проект, просто оформить и отправить документы, оплатить услугу, купить билет и зарегистрироваться на рейс, — цифровая реальность прочно вошла во все сферы и уровни жизни общества.

Особо следует отметить значительное продвижение английского как языка мирового бизнеса, мировой науки и мировой политики. И в научном, и в политическом дискурсе он сегодня очевидно предпочтителен. Это язык форумов и конференций, научных, бизнес- и политических изданий, официальных речей, переговоров любого уровня.

И речь сегодня идет о том, чтобы и индивидуумы, и институты самого разного уровня и направления деятельности осознанно и ответственно решали, какой язык применим в конкретной сфере или ситуации, умели разделять языки функционально, с уважением относиться к выбору языка. Это приобретает все большее значение, оставаясь задачей довольно сложной, особенно, если речь идет о медиа или о сфере образования [3].

В определенных областях английский вытесняет другие языки — таким образом, положение малых языков становится еще более шатким. Внедрение англицизмов оправдывается, как правило, невозможностью обозначить то или иное понятие автохтонными лексически-

² Big data — большие данные, термин, означающий сбор большого количества персональной информации.

ми ресурсами. Многие ученые считают это объяснение несправедливым, а английский в этом смысле — сильно переоцененным, приносящим роль другим языковым сообществам, приводящим к пиджинизации (упрощению) молодежного языка и пр. Здесь стоит особо отметить два фактора:

- нельзя возложить ответственность за стремительное вымирание языков на «победоносное распространение» английского. Решающую роль в этом играет ассимилирующее влияние языков, доминирующих в конкретных мировых регионах [3];

- речь не идет о значении английского языка в сфере программирования или информационных/компьютерных технологий вообще. Его ведущая роль здесь однозначна и неоспорима.

Так, в Иннополисе — университете, предлагающем «высшее ИТ-образование мирового уровня в России», официальным языком обучения является английский (<https://university.innopolis.ru/education/bachelor>). Все курсы преподаются на нем. Знание русского для обучения и коммуникации необязательно, но его изучение рекомендовано (https://university.innopolis.ru/cooperation/global/academic_exchange/faq).

Университеты Германии не всегда заявляют хорошее знание английского в перечне требований к поступлению на факультеты, связанные с информационными технологиями (ИТ), но с преподаванием на немецком (<https://www.uni-hamburg.de/campuscenter/bewerbung/master/zugangsvoraussetzungen.html>). При этом, похоже, эта компетенция является самой собой разумеющейся, и будущие студенты это отлично понимают. Что касается профессионального образования, то практически на все ИТ-специальности образовательные учреждения Германии требуют хорошего знания математики, немецкого и английского (<https://www.ausbildung.de/unternehmen/finanz-informatik/stellen/duales-studium-wirtschaftsinformatik-systemintegration-m-w-d/a18ad009-78d3-45a1-a656-df13af7a2623>).

И выглядит такое положение вещей совершенно оправданным, ибо современные информационные технологии «говорят», «программируют», «производят» и пр. на английском. И можно сколь угодно долго сокрушаться о том, что самая востребованная (и наиболее успешно монетизируемая) сегодня сфера науки и тех-

ники англоязычна. С этим нужно согласиться и стараться чувствовать себя в этой реальности уверенно и комфортно. Нет смысла искать в русском короткие эквиваленты слов «браузер» или «блокчейн», спорить, почему ошибка в программе — баг, а резервное копирование — бэкап. И Ватсап давно «нашел себя» в русском не как вопрос «в чем дело?», а как мессенджер и стал привычным для нашего слуха.

Речь идет о том, что дигитализация (заметьте, не цифровизация — это слово арабского происхождения уже менее популярно в русском языке) внедряет английский в русской транскрипции в нашу жизнь, вытесняя понятия, еще вчера столь органично существовавшие в речи и с таким трудом сохраняющие свои позиции сегодня: контент (content) — но не содержание; апгрейд (upgrade) — но не обновление или совершенствование; овербукинг (overbooking) — но не избыточное бронирование; нетворкинг (networking) — но не создание профессиональных связей; хаб (hub) — но не транспортный узел.

Англицизмы прочно входят и в грамматические нормы современных языков. И сегодня в Интернете не ищут информацию, а гуглят. Популярный немецкий грамматический справочник дает спряжение googeln в разных временных формах (<http://canoonet.eu/inflection/googeln>).

Примечательно, что эта лексика — не маркер определенной возрастной, социальной, профессиональной группы или просто повседневного общения миллионов людей, а составная часть медиа, в том числе и на государственном уровне. Слоган стенда правительства Москвы в Каннах на Форуме МIPIM 2017 выглядел так: «ТПУ: Новые транспортные хабы как драйверы территориального развития» (<https://events.vedomosti.ru/events/Mipim17>). Есть еще примеры: «РосФарма; драйверы и барьеры на пути к рывку», «Ритейл в России» и т.д.

Сегодня во многих российских вузах можно учиться, не владея даже основами русского языка, — на английском ведутся не только магистерские, но и бакалаврские программы. Безусловно, это делает образование в России более привлекательным для иностранных студентов и приносит определенные дивиденды отечественным вузам. Однако получение высшего образования бесплатно, к примеру, в Германии или Чехии на немецком и чешском — решение другой, наверное, более важной государственной задачи. Речь идет о создании посредством

государственного языка (как инструмента «мягкой силы») привлекательного имиджа страны в международном масштабе, о популяризации собственных ценностей и образа жизни, о налаживании прочных социальных и профессиональных связей в международном сообществе и т.д. Очевидно, что студенческая аудитория — молодая, перспективная, мыслящая — благодатная почва для «вращения» доброжелательного отношения к принимающей стране.

Следует особо отметить, что современные цифровые технологии способствуют сохранению миноритарных языков, к примеру, северофризского или сорбского в Германии, — столь значимых маркеров этнического самосознания малых народов. Документирование, изучение, развитие и распространение таких языков сегодня невозможно без разработок ИТ-индустрии.

Однако, похоже, цифровая реальность в определенной мере вытесняет наши языки, культуры, идентичность. Положительное влияние и риски дигитализации с точки зрения сохранения или потери этноязыкового самосознания — вопрос, волнующий академическое сообщество. К примеру, в рамках форума «Sprachen. Politik. Sprachenpolitik» («Языки. Политика. Языковая политика») в марте 2020 г. во Франкфурте-на-Одере эта тема была предложена к обсуждению в контексте современного высшего образования (<https://www.sz.europa.uni.de/de/aks-2020>). В сентябре 2020 г. Институт германистики Рейнско-Вестфальского технического университета (RWTH) проводит очередной ежегодный съезд Общества речеведения и развития речи (Gesellschaft für Sprechwissenschaft und Sprecherziehung). Тема: «Устная речь 4.0. Говорение в дигитальном мире (Mündlichkeit 4.0. Sprechen in der digitalen Welt)». Что представляет собой речь в цифровом мире, и что отличает ее от речи в мире аналоговом? Как объединить обе эти реальности, тем более что они больше не имеют пространственно-временного контекста? И уже не всегда ясно, с кем именно мы коммуницируем — может быть, с искусственным

интеллектом? Эти и другие вопросы ставят перед собой участники предстоящей конференции с целью выработать оптимальную реакцию на влияние «цифрового вторжения» в профессиональном и приватном контексте в отрасль речеведения и развития речи (<http://www.isk.rwth-aachen.de/DGSS> 2020).

Итак, цифровые технологии — основа современной науки и промышленности, информационной, рекламной, финансовой, образовательной и других отраслей. И функционируют эти технологии почти исключительно в поле английского языка. Их англоязычие (часто в пиджинизированных формах), вращая в сознание персонально каждого (а индивидуальная ориентация — отличительная черта и цель сегодняшних ИТ), — очень жесткий инструмент той самой «мягкой силы» на политической арене.

Очевидно, нет задачи вернуть все вспять (к латыни или французскому), но есть повод задуматься о том, что язык — инструмент коммуникации, а лингва франка — английский — инструмент глобальной коммуникации, но не второй родной. Сохранять свое языковое, этническое и гражданское самосознание в условиях глобализации, будучи при этом весьма сведущим в цифровых технологиях, — норма. Необходимо интегрироваться в мировое сообщество посредством глобального английского, оставаясь при этом носителем французского, китайского, португальского, хинди, русского (в его замечательном многообразии — петербургском, пермском, воронежском, алтайском и т.д.), аварского или кумыкского, саха, каталонского, мандарина, хакка или у, северонемецкого Platt или швейцарского немецкого и тысяч других языков и диалектов. Вероятно, именно это и было целью строительства Вавилонской башни: единство без гомогенности; самобытность, не «утонувшая» в унифицированном глобальном (читай: англоязычном) мире; общество, использующее лингва франка в его прямом назначении — обмене информацией и ее распространении.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ackeren I. v., Bieber G. Editorial zum Schwerpunktthema: Bildung in der digitalen Welt. Editorial DDS — Die Deutsche Schule Zeitschrift für Erziehungswissenschaft, Bildungspolitik und pädagogische Praxis 109. Jahrgang 2017. Heft 2. Waxmann Verlag GmbH; 2017:123–127.
2. Маргарян Т.Д., Калугина Л.В. Создание мультимедийного учебника по английскому языку для студентов технического университета как способ реализации инновационных образовательных технологий в области профессионального образования. *Концепт*. 2019;(4):88–89.

3. Efing C., Hoberg R., Sprachbildung und Sprachbewusstheit als Voraussetzung der Sprachförderung. Förderung der deutschen Sprache weltweit: Vorschläge, Ansätze und Konzepte, hrsg. von U. Ammon, G. Schmidt – Walter de Gruyter GmbH, Berlin; Boston, 2019:71–87.
4. Плеханов Г.В. История русской общественной мысли в XIX веке. Книга первая. Западники и славянофилы. М.: Государственное издательство; 1926.
5. Беленчук Л.Н. Просвещение в России. Взгляд западников и славянофилов. М.: Изд. ПСТГУ; 2014.
6. Сухов А.Д. Столетняя дискуссия: западничество и самобытность в русской философии. М.: Изд. ИФ РАН; 1998.
7. Чапаева Л.Г. Культурно-языковая ситуация в России 1830–1840-х годов в контексте споров славянофилов и западников. Дисс. ... д-ра фил. наук, 10.02.01. М.; 2007.

REFERENCES

1. Ackeren I. v., Bieber G. Editorial zum Schwerpunktthema: Bildung in der digitalen Welt. In: I. v. Ackeren, G. Bieber, eds. Die Deutsche Schule Zeitschrift für Erziehungswissenschaft, Bildungspolitik und pädagogische Praxis 109. Jahrgang 2017. Heft 2. Waxmann Verlag GmbH, 2017:123–127.
2. Margaryan T.D., Kalugina L.V. Creating a multimedia textbook in English for technical university students as a way to implement innovative educational technologies in the field of professional education. *Koncept*. 2019;(4):88–89. (In Russ.).
3. Efing C., Hoberg R., Sprachbildung und Sprachbewusstheit als Voraussetzung der Sprachförderung. In: C. Efing, R. Hoberg, eds. Förderung der deutschen Sprache weltweit: Vorschläge, Ansätze und Konzepte, hrsg. von U. Ammon, G. Schmidt. Walter de Gruyter GmbH. Berlin; Boston; 2019:71–87.
4. Plekhanov G.V. History of Russian social thought in the XIX century. Book one. Westerners and Slavophiles. Moscow: State Publishing House; 1926. (In Russ.).
5. Belenchuk L.N. Education in Russia. View of Westerners and Slavophiles. Moscow: PSTSU Publishing House; 2014. (In Russ.).
6. Sukhov A.D. Centenary discussion: Westernism and identity in Russian philosophy. Moscow: RAS Institute of Philosophy; 1998. (In Russ.).
7. Chapaeva L.G. The cultural and linguistic situation in Russia in the 1830s and 1840s in the context of disputes between Slavophiles and Westerners. Diss. ... doctor of Phil. Sciences, 10.02.01. Moscow; 2007. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Елена Викторовна Бестаева — кандидат политических наук, доцент кафедры «Лингводидактика», Российский университет транспорта, Москва, Россия
Elena.bestaeva.mt@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Bestaeva — Cand. Sci. (Political Sciences), Associate Professor, Department of Linguodidactics, Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia
Elena.bestaeva.mt@gmail.com

Статья поступила 25.04.2020; принята к публикации 15.05.2020.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 25.04.2020; accepted for publication on 15.05.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-85-91
УДК 325.14(045)

Страновые политико-правовые основы регулирования миграционных процессов в условиях кризисного развития мирового сообщества*

М.Л. Галас

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-1523-8287>

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются риски «афтершоков» вторичной посткризисной миграции из стран Европейского союза, переориентации миграционных потоков посткризисной миграции в связи с изменением европейского миграционного законодательства, введением правовых ограничений на предоставление статуса беженца, убежища экстренным переселенцам, а также вследствие истощения экономических, социальных, политических и иных ресурсов для приема миграционных потоков из стран, переживающих вооруженные, гражданские конфликты, кризисные ситуации, экологические и природно-ресурсные катастрофы, претерпевающих иные неблагоприятные условия.

Ключевые слова: посткризисная миграция; глобальность; социальная стабильность; беженство; экстренное переселение; индекс благополучия; доверие к власти; национальные интересы; риск; конфликт; право убежища

Для цитирования: Галас М.Л. Страновые политико-правовые основы регулирования миграционных процессов в условиях кризисного развития мирового сообщества. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(4):85-91. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-85-91

ORIGINAL PAPER

Country's Political and Legal Framework for Regulating Migration Processes in the Context of the Crisis Development of the World Community**

M.L. Galas

Finance University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-1523-8287>

ABSTRACT

The article analyses the risks of “aftershocks” of secondary post-crisis migration from the countries of the European Union, reorientation of migration flows of post-crisis migration due to changes in European migration legislation, the introduction of legal restrictions on granting refugee status, asylum to emergency migrants, as well as due to the exhaustion of economic, social, political and other resources for receiving migration flows from countries experiencing armed, civil conflicts, crisis situations, environmental and natural resource disasters, undergoing other unfavourable conditions.

Keywords: post-crisis migration; globality; social stability; refugee status; emergency relocation; index of society's; the credibility of the authorities; national interests; risk; conflict; right to asylum

For citation: Galas M.L. Country's political and legal framework for regulating migration processes in the context of the crisis development of the world community. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(4):85-91. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-85-91

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

** The article is based on the results of research carried out at the expense of budget funds on the state task of the financial University.

Посткризисная миграция трактуется как процесс перемещения населения из проблемных регионов (миграционных доноров), обусловленный причинением вреда социокультурной, инфраструктурной, религиозно-конфессиональной, финансово-экономической, энергетической, политико-правовой, этносоциальной, экологической и иным благоприятным и традиционным средам жизнедеятельности, вызванный политическими и вооруженными конфликтами, при которых требуется защита прав гражданина и человека, коррелирующаяся с проблемой обеспечения национальной безопасности [1].

Российская Федерация принимает вызовы глобальных миграционных процессов [2]. В декабре 2018 г. был принят Глобальный договор ООН о безопасной, упорядоченной и легальной миграции. Следует признать, что на данный момент по этим документам нет международной консолидированной позиции, но Россия принимает шаги к заключению договора, рассматривая его как вектор законодательного процесса в сфере государственной миграционной политики.

Поток ищущих убежища иностранцев не стабилен, что коррелируется с непостоянством современного миропорядка, разбалансированностью страновых и региональных интересов, недостаточной эффективностью международного права и его институтов, зачастую подменяемых региональным правопорядком. Нестабильность процесса посткризисной миграции осложняет деятельность законодателей и правоприменителей современной Европы как основного реципиента.

Специалисты Агентства ООН по делам беженцев считают, что мировому сообществу следует готовиться к ряду посткризисных волн вынужденной миграции из стран-реципиентов, принявших значительное число сирийских переселенцев: Турции, Ливана, Иордании, Германии, Ирака, Египта (<https://news.un.org/ru/story/2018/06/1333182>).

К началу 2000-х гг. Европейский союз стал выстраивать общеевропейскую систему международной защиты иммигрантов в соответствии с базовой целью — формированием пространства свободы, безопасности и правосудия [3]. Система европейского права (далее — ЕП) развивается на стыке национального и международного права. Нормы ЕП регламентируют

права и обязанности государств, институтов, лиц, состоящих под юрисдикцией ЕС. Одно из базовых направлений современной европейской политики — право свободы, безопасности и правосудия, которое включает широкий спектр вопросов регулирования свободы перемещения лиц, визовой политики, иммиграции, предоставления убежища, пограничного контроля; обеспечения внутригосударственной безопасности; формирования единого судебного пространства. Предоставление убежища, регулирование вопросов миграция в странах ЕС исследователи относят к области юстиции и внутренних дел [4].

Общеввропейская система гуманитарной помощи регионам с высоким уровнем напряженности (нестабильности) не сложилось¹ [5], так как страны ЕС перенесли приоритеты на собственные геополитические интересы, нагнетая в проблемных регионах гражданское противостояние, усиливая социально-экономическую нестабильность. Аналогично проявили себя страны ЕС в гражданско-политическом кризисе на Украине в 2013–2014 гг., в сирийском конфликте. Не реализована Международная программа по переселению, предусматривавшая предоставление лицам, обратившимся за международной защитой, условий для переезда в страну, выразившую готовность принять их и гарантировать безопасность. В эту программу вошли страны, подписавшие Нью-Йоркскую декларацию о беженцах и мигрантах 2016 г. (https://www.iom.int/sites/default/files/our_work/ODG/GCM/NY_Declaration_RUS.pdf).

Спорные вопросы по формированию системы международной защиты посткризисных мигрантов попытались решить в общеевропейских законопроектах 2019 г. — тогда Еврокомиссией на рассмотрение Европарламента и Евросовета был представлен ряд проектов регламентов:

- Дублин IV, содержащий обновленные принципы и механизмы ответственности государства — члена ЕС за предоставление международной защиты посткризисным иммигрантам;
- проект реорганизации Европейского бюро по оказанию поддержки соискателям убежища (EASO) в Агентство по вопросам

¹ Имеются в виду программы «региональной защиты», стартовавшие в 2005 г. на Украине, в Републиках Молдова, Беларусь, Танзания (https://ec.europa.eu/councils/bx20060615/com2005_0494fr01.pdf).

убежища (https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/soteu2018-eu-agency-asylum-regulation-633_en.pdf) в интересах мониторинга международной защиты посткризисных иммигрантов в государствах — членах ЕС и добровольного обмена информацией по миграционным вопросам;

- общеевропейские процессуальные правила предоставления иностранным соискателям международной защиты (https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/what-we-do/policies/european-agenda-migration/proposal-implementation-package/docs/20160713/proposal_for_a_common_procedure_for_international_protection_in_the_union_en.pdf);

- модернизированная система Евродак², созданная на основе Регламента № 603/2013 (<https://ec.europa.eu/transparency/regdoc/rep/1/2016/EN/1-2016-272-EN-F1-1.PDF>);

- стандарт квалификации иностранных бенефициаров международной защиты, а также содержания данной защиты (<https://ec.europa.eu/transparency/regdoc/rep/1/2016/EN/1-2016-272-EN-F1-1.PDF>). Новый стандарт сменил предшествующий, установленный Директивой 2011/95/ЕС (<https://ec.europa.eu/transparency/regdoc/rep/1/2016/EN/1-2016-466-EN-F1-1.PDF>);

- система переселения³ в государства — члены ЕС иностранцев, нуждающихся в международной защите, преобразующая систему 2013 г.

Помимо проектов регламента, был предложен проект Директивы правил приема иностранных соискателей международной защи-

ты, ранее регулируемых Директивой 2013/33/ЕС (<https://ec.europa.eu/transparency/regdoc/rep/1/2016/EN/1-2016-465-EN-F1-1.PDF>).

Рассматривая вышеуказанные проекты в комплексе, можно отметить, что поиск баланса между принципами ответственности и справедливости в решении вопросов посткризисной миграции не завершён. Предложенная система переселения иммигрантов, нуждающихся в международной защите, вызвала дискуссии, не разрешив разногласий между суверенными правами государств — членов ЕС с разным экономическим, финансовым потенциалом, уровнем социально-политической стабильности, задачами национальной безопасности, законными интересами граждан принимающих обществ — с одной стороны и гуманитарными целями миссии Евросовета, Европарламента, Еврокомиссии, других профильных институтов ЕС по управлению посткризисными миграционными процессами — с другой. Европейская система предоставления международной защиты вынужденным переселенцам и беженцам не реагирует достаточно гибко на геополитические вызовы, глобальные и региональные факторы, вызывающее экстренное трансграничное переселение населения, не направлена на развитие национального потенциала стран с высоким уровнем напряженности (нестабильности).

Неслучайно основным посылом Брюссельского саммита ЕС (июнь 2017 г.) стало реформирование европейской системы предоставления международной защиты посредством баланса ответственности и солидарности стран ЕС. Принципы и механизмы предоставления международной защиты посткризисным мигрантам обсуждались министрами внутренних дел и юстиции стран ЕС в январе 2018 г., но к единому пониманию вопроса участники не пришли⁴.

Председательствовавшая тогда в Совете Евросоюза Республика Болгария (январь-июнь 2018 г.) и ее предшественница на этом посту Эстонская Республика (июль-декабрь 2017 г.)

² Существенными изменениями являются: сокращение срока принятия решения по ходатайству о международной защите с 6 до 2 месяцев с правом его обжалования в срок от недели до одного месяца; гарантия предоставления соискателю безвозмездной юридической помощи; формирование в течение пяти лет от даты принятия нового регламента общеевропейского списка безопасных стран ЕС для оказания международной защиты.

³ Согласно новым правилам, с момента обнаружения иностранца за пределами страны ЕС, оказавшей ему международную защиту, заново исчисляется пятилетний срок для предоставления этому лицу статуса долгосрочного резидента. Также бенефициару международной защиты предоставлены права: ходатайства в соответствующие инстанции др. государство — члена ЕС о предоставлении ему право на жительство; свободы передвижения при соблюдении правил Шенгенского соглашения. Принципиально новым в проекте является периодический пересмотр оснований для оказания международной защиты с учетом статуса страны происхождения, деятельности и поведения бенефициара.

⁴ Проект предусмотрел право несовершеннолетнего бенефициара, не имеющего сопровождающего его лица, на попечителя; сокращение срока обеспечения принимающей стороной соискателю реадмиссии к рынку труда с 9 до 6 месяцев с момента направления им заявления о предоставлении международной защиты; ограничение гарантии международной защиты для бенефициара только территорией государства — члена ЕС, ответственного за рассмотрение соответствующего заявления.

реформирование Дублинского регламента видела в отмене принудительной ответственности за прием соискателей убежища и беженцев и в закреплении принципа добровольности принятия странами ЕС решения о размещении иммигрантов на своей территории.

Г. Кикл, министр внутренних дел Австрии (возглавившей Евросовет в июле-декабре 2018 г.), выразил несогласие с обязательностью размещения на территориях стран ЕС соискателей международной защиты. По мнению политика, размещение должно основываться на двустороннем соглашении между странами-членами. С его позицией не согласился министр внутренних дел Словацкой Республики Р. Калиняк, резюмировав опыт австрийско-словацкого соглашения 2015 г., на основании которого Словакия правомочна временно размещать на своей территории соискателей убежища и беженцев, состоящих под ответственностью Австрии.

Накануне саммита Евросоюза, проходившего в июне 2018 г., к политическим руководителям стран ЕС с призывом к ответственности в реформировании Дублинского регламента и достижению консенсуса по миграционному вопросу выступил Д. Аврамопулос [6]. Комментируя итоги саммита, Премьер-министр Республики Италия Д. Конте заявил о согласии 28 стран-участниц с принципом «разделения ответственности» в оказании международной помощи иностранцам, ищущим международной защиты, с правилами спасения мигрантов, терпящих бедствие в Сицилийском проливе (включая невмешательство в действия службы береговой охраны Ливии и доставку спасенных мигрантов в порты стран ЕС). По настоянию Италии итоговой документ саммита содержал обязательство стран-участниц финансировать фонд помощи странам Африки (<https://ria.ru/20180620/1523102647.html>).

В июле 2018 г. 16 стран-участниц согласились с предложением о создании на границе Австрии и ФРГ транзитных центров для ищущих международной защиты иностранцев, прошедших регистрацию в других государствах — членах ЕС. Пройдя фильтрацию в центрах, иммигранты могут возвращаться в страну первичной регистрации. Решения по перемещению ищущих международной защиты иностранцев предлагалось принимать персонафицировано.

Не преодолены разногласия по вопросу квотирования между Европарламентом и Евросоветом. В 2020 г. в Евросовете председательствует ФРГ, предложившая дополнить международную помощь мигрантам услугой по предоставлению гуманитарного убежища.

Европейский разлад относительно правил размещения соискателей международной защиты отразился и в дискуссии о Глобальном договоре о безопасной, упорядоченной и регулярной миграции (далее — ГДМ) (<https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5334300>). Тем не менее в декабре 2019 г. Генеральная ассамблея ООН подавляющим большинством голосов проголосовала за принятие ГДМ, который призван стать международно-правовым инструментом преодоления разногласий в вопросах регулирования посткризисной миграции, в согласовании интересов безопасности принимающих обществ и суверенитета государств-реципиентов — с одной стороны и прав человека и их обеспечения для посткризисных иммигрантов — с другой. Принципиально новым подходом в ГДМ по сравнению с Дублинским регламентом является комплексность миграционной политики (<https://undocs.org/ru/A/CONF.231/3>). На сегодняшний день в принимающих обществах ЕС внимание акцентировано на обеспечении безопасности миграции. Симптоматично, что в июне 2019 г. еврокомиссар инициировал учреждение регионального правоохранительного института (по аналогии с Федеральным бюро расследований США), обеспечивающего безопасность гражданам стран ЕС, в том числе от незаконной миграции.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы.

- В начале 2015 г. ЕС начал испытывать социально-политические проблемы в связи с увеличивающимся потоком посткризисных мигрантов из Северной Африки, Ближнего Востока, Южной Азии, на территории которых разгорелись локальные конфликты разной степени интенсивности. Сложность ситуации заключалась в диспропорции притока иммигрантов: основной миграционный приток вынуждены были принять южные страны ЕС, инфраструктура которых была наименее готова к приему такого количества соискателей международной защиты.

- Учредительные нормативные документы ЕС, устанавливая общие принципы единой европейской границы, не закрепляют опреде-

ленные инструкции и методики по распределению миграционных потоков между государствами — членами ЕС.

- В экономически развитых государствах, где есть возможности для открытия новых рабочих мест, социальная напряженность вследствие различия титульной и миграционной культур заметно ниже. Страны Южной Европы недостаточно индустриализованы.

- Миграционный кризис разделил государства ЕС: экономически развитые страны Центральной и Северной Европы принимают мигрантов, а ориентированные на туристический бизнес страны Юга Европы и экономически нестабильные страны Восточной Европы стремятся оградить свои территории от притока посткризисных мигрантов. Итак, миграционный кризис обострил структурно-экономический дисбаланс внутри ЕС.

- Решения стран ЕС в сфере регулирования миграции можно классифицировать по территориальному принципу, разделив страны ЕС на соответствующие географические направления: северное, центральное, южное, восточное. Стремление стран Восточной Европы к сокращению миграционных потоков обусловлено также недостаточным опытом общеевропейской интеграции и инокультурными иммиграционными потоками: в период пребывания в Варшавском блоке эти страны сохраняли мононациональный менталитет.

- Страны Северной Европы лояльно отнеслись к миграционной модели центрально-европейских стран.

- Южноевропейские государства не разрабатывали законодательной базы по упорядочению и регулированию посткризисной иммиграции. Эти государства испытали давление со стороны стран Центральной Европы и не готовы к самостоятельным политическим решениям. Кроме того, страны Южной Европы рассматриваются посткризисными иммигрантами, ищущими международной защиты, как транзитные. Политическое руководство стран Южной Европы не стремится к адаптации иммигрантов, призывая лидеров ЕС к урегулированию напряженной (нестабильной) ситуации в странах исхода соискателей международной защиты.

- В последние годы в миграционной политике ЕС сформировалась устойчивая тенденция к рамочности законодательства в целях

предотвращения бесконтрольных потоков посткризисной иммиграции из стран с высоким уровнем напряженности (нестабильности), незаконного пребывания таких лиц на территории Европы. В этом контексте приняты нормативные акты по упрощению процедуры депортации, ужесточению контроля внешних европейских границ. Также проводятся информационно-разъяснительные мероприятия в миграционных центрах в целях убеждения соискателей международной защиты в бесперспективности их постоянного проживания в ЕС.

- «Заключения по преодолению миграционного кризиса» (https://riss.ru/wp-content/uploads/2015/12/40802204716_en_635827008000000000.pdf) определили долгосрочные направления европейской миграционной политики: а) ускорение процесса регистрации и обработки данных соискателей международной защиты посредством ограничения бюрократических барьеров для сокращения миграционной нагрузки на транзитные государства Южной Европы; б) создание специальных процессинговых центров в государствах, испытывающих высокое миграционное напряжение, с целью ускорить обработку данных; в) расширение морских операций, обеспечивающих контроль внешних границ ЕС от незаконных и беспорядочных миграционных потоков; г) укрепление системы европейских организаций, ответственных за борьбу с контрабандой.

- Разработанный Европейской Комиссией механизм функционирования Чрезвычайного трастового фонда по стабильности и адресной помощи в связи с проблемами мигрантов и беженцев в странах Африки может быть интересен для российской политики в отношении масштабных притоков посткризисной миграции из стран СНГ и постсоветского пространства, а также предупреждения рисков «автершоков» вторичной миграции из транзитных стран ЕС и переориентации посткризисных потоков миграции из стран с высоким уровнем напряженности (нестабильности). К позитивным сторонам такого трастового механизма можно отнести: а) улучшение качества управления потоками миграции путем содействия экономическому, социальному, культурному развитию в странах формирования нежелательных миграционных потоков

с высоким уровнем напряженности (нестабильности); б) открытие новых рабочих мест в сфере малого бизнеса в государствах Африки для снижения уровня безработицы; в) совершенствование социальной инфраструктуры и эффективности государственного управления в странах Африки; г) повышение уровня безопасности в странах с высоким уровнем напряженности (безопасности).

- Из опыта миграционной политики ЕС для России могут быть полезны следующие управленческие решения: а) при распределении иммигрантов на территории государства-реципиента нужно учитывать их социокультурные и вероисповедальные принципы для снижения уровня религиозной, межэтнической иной напряженности; б) упрощение процедур правовой адаптации для наиболее предпочтительных категорий иммигрантов (такая практика была апробирована в Белгородской области в 2015 г.); в) управление миграционными процессами на территории стран исхода или в регионах посредством принимающих процессинговых миграционных центров или специальных организаций.

- Европейский миграционный кризис 2015 г. непосредственно не коснулся России, но коррелируется с актуальными проблемами регулирования миграционных процессов. Симптоматично, что 3 июня 2015 г. Советом Федерации Федерального Собрания российской Федерации было принято постановление № 211-СФ (<https://base.garant.ru/71064820/>), в котором отмечалось, что международная обстановка становится все более сложной: объективный процесс формирования новой полицентричной модели устройства мира сопровождается ростом нестабильности на глобальном и региональном уровнях. В этом документе был определен курс на обеспечение всесторонней защиты прав, свобод и законных интересов российских граждан за рубежом, способствующий

углублению связей с соотечественниками, расширению российского культурного присутствия в мировом пространстве. Рекомендовалось использовать «мягкую силу» парламентской дипломатии в рамках делегаций Совета Федерации, в том числе, в Парламентской ассамблее Совета Европы, для формирования международного сообщества о российском взгляде на актуальные международные события, для эффективного отражения подходов России в итоговых резолюциях и рекомендациях форумов ЕС.

- Факторы притяжения посткризисных потоков, как в Европу, так и Россию, условно можно разделить на 4 группы. Первая — исторически сложившиеся причины, обусловленные во многом иммиграцией населения бывших колоний во Францию, Великобританию и пр. или в трудоизбыточные регионы (например, в ФРГ), а в России — на постсоветское пространство. Вторая — экономические факторы, включающие выплаты и пособия, которые могут получить иммигранты в странах приема, а также компенсации на иные нужды, обеспечивающие относительно высокий уровень жизни, по сравнению со странами исхода. Третья — социокультурные факторы, включающие воссоединение семей. Четвертая — гуманитарные факторы: политика обеспечения прав человека, социальных гарантий, повышения образовательного и квалификационного уровней, развития личного потенциала; гостеприимство, уровень лояльности титульного населения; стабильность принимающего общества.

- Массовая экстренная миграция в среднесрочном и долгосрочном прогнозах, которая изменит культурную, этническую, половозрастные пропорции принимающих обществ, трансформирует экономику, прежде всего, сферу услуг (этнически ориентированные кафе и рестораны, магазины и рынки, сервисы, кредитные учреждения, пр.).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Галас М. Л. Социально-экономические и политико-правовые аспекты посткризисной миграции. *Вестник Финансового университета*. 2017;(3):216–235.
2. Галас М. Л. Угроза вторичной миграции ближневосточных и африканских беженцев из ЕС в Россию. Миграционные риски для России: прогнозирование национальных угроз. Монография. М.: РУСАЙНС; 2017.
3. Бирюков М. М., Илиев Д. М. Дублинское регулирование: история становления и содержание. *Московский журнал международного права*. 2018;(2):115–125.

4. Войников В.В. Пространство свободы, безопасности и правосудия в системе права ЕС. *Современная Европа*. 2017;4(76):91–97.
5. Mmasooma T. ECRE Working Paper: Refugee-Led Organisations (RLOs) in Europe: Policy Contributions, Opportunities and Challenges. URL: <https://www.ecre.org/ecre-working-paper-refugee-led-organisations-rlos-in-europe-policy-contributions-opportunities-and-challenges>.
6. Потемкина О.Ю. Дублинская реформа и судьба Шенгена — приоритеты председательства Болгарии в Совете. *Европейский Союз: факты и комментарии*. 2018;(91):36–39.

REFERENCES

1. Galas M.L. Socio-economic and political-legal aspects of post-crisis migration. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2017;(3):216–235. (In Russ.).
2. Galas M.L. The threat of secondary migration of Middle Eastern and African refugees from the EU to Russia. In: Migration risks for Russia: forecasting national threats. Monograph. M.L. Galas, ed. Moscow: RUSYNS; 2017. (In Russ.).
3. Biryukov M.M., Aliyev D.M. Dublin regulation: the history of the formation and content. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava*. 2018;(2):115–125. (In Russ.).
4. Voynikov V.V. Space for freedom, security and justice in the EU legal system. *Sovremennaya Evropa*. 2017;4(76):91–97. (In Russ.).
5. Mmasooma T. ECRE Working Paper: Refugee-Led Organisations (RLOs) in Europe: Policy Contributions, Opportunities and Challenges. URL: <https://www.ecre.org/ecre-working-paper-refugee-led-organisations-rlos-in-europe-policy-contributions-opportunities-and-challenges/>.
6. Potemkina O. Yu. The Dublin reform and the fate of Schengen are the priorities of Bulgaria's presidency of the Council. *Evropeiskii Soyuz: fakty i kommentarii*. 2018;(91):36–39. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Марина Леонидовна Галас — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
MLGalas@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Marina L. Galas — D. Sc. (Hist.), Professor, Chief Researcher, Department of Political Sciences, Finance University, Moscow, Russia
MLGalas@fa.ru

Статья поступила 25.02.2020; принята к публикации 15.05.2020.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 25.02.2020; accepted for publication on 15.05.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

Политическая психология фашизма: опыт критического анализа концепции Вильгельма Райха

В.Ш. Сургуладзе

аналитическая группа «С.Т.К.», Москва, Россия

<https://orcid.org/0000-0002-7948-0128>

АННОТАЦИЯ

В условиях глобального обострения информационной борьбы, эскалации напряженности, вызванной различием мировоззренческих и идеологических установок основных геополитических игроков современного мирового порядка, не может не вызвать опасений наблюдаемая в настоящее время тенденция, направленная на переписывание истории Второй мировой войны и переоценку роли в ней отдельных политических режимов и идеологий. В годовщину 75-летия Победы в Великой Отечественной войне особую актуальность обретает выявление идеологических истоков современных концепций политологического осмысления, исторической интерпретации и политики памяти ряда стран коллективного Запада, связанных с попытками пересмотра итогов войны и решений Нюрнбергского трибунала, уравнивания ответственности за ее начало между агрессорами и жертвами агрессии. Автор показывает, что одной из базовых причин, объясняющих подобные явления, кроме диктуемых текущей внешнеполитической конъюнктурой целей нанесения Российской Федерации как правопреемнице СССР репутационного ущерба, является имеющаяся в США традиция расширительной психологической интерпретации феномена фашизма, корни которой уходят в известную работу немецко-американского психолога Вильгельма Райха «Психология масс и фашизм», которая после выхода в свет в 1933 г. стала отправной точкой исследования тоталитаризма XX в. с психологических позиций в западной, прежде всего англосаксонской, литературе.

Ключевые слова: Вильгельм Райх; политическая психология; психология масс и фашизм; идеология; политика памяти; расширительная психологическая интерпретация фашизма

Для цитирования: Сургуладзе В.Ш. Политическая психология фашизма: опыт критического анализа концепции Вильгельма Райха. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(4):92-98. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-92-98

Political Psychology of Fascism: Attempt of Critical Analysis of the Wilhelm Reich's Concept

V.S. Surguladze

"S.T.C." Analytical group, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-7948-0128>

ABSTRACT

In the context of the global aggravation of the information struggle, the escalation of tension caused by the difference in worldview and ideological attitudes of the leading geopolitical players of the current world order, the current trend towards rewriting the history of the Second World War and re-evaluating the role of separate political regimes and ideologies cause concern. In the year of the 75th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War particularly relevant becomes the identification of the ideological origins of modern concepts of political understanding, historical interpretation and memory policy of several countries of the Collective West related to attempts to revise the results of the war and the decisions of the Nuremberg Tribunal, equalize responsibility for its beginning between the aggressors and the victims of aggression. The author shows that one of the underlying reasons for such attempts, in addition to the current foreign policy dictated by expediency purposes of application reputational damage to the Russian Federation as a successor state of the USSR, is in the US tradition of broad psychological interpretation of the phenomenon of fascism rooted in the famous work of German-American psychologist Wilhelm Reich's "Mass Psychology and Fascism" which, after publication in 1933 became the starting point for the study of totalitarianism of the twentieth century from the psychological positions in the Western, first of all, Anglo-Saxon literature.

Keywords: Wilhelm Reich; political psychology; mass psychology and fascism; ideology; politics of memory; broad psychological interpretation of fascism

For citation: Surguladze V.S. Political psychology of fascism: Attempt of critical analysis of Wilhelm Reich's concept. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(4):92-98. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-92-98

КОНЦЕПЦИЯ ПСИХОЛОГИИ ФАШИЗМА ВИЛЬГЕЛЬМА РАЙХА И РАСШИРИТЕЛЬНОЕ ТОЛКОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «ФАШИЗМ»

Психология фашизма достойна внимательного рассмотрения, так как своей пассионарностью, экспансивностью, романтизмом и мессианскими устремлениями помогает понять другие авторитарные идеократические идеологии и особенности коллективной психологии в целом. В то же время важно отметить, что с точки зрения современного уровня развития политической и социальной психологии попытки ряда авторов XX столетия выделить специфически фашистскую коллективную психологию по большому счету не вполне состоятельны, поскольку механизмы психологического воздействия на массы и реакции последних в целом универсальны. Тем не менее авторы, которым пришлось на непосредственном опыте столкнуться с реалиями авторитарных режимов, по-видимому, склонялись к гипертрофированному акцентированию классово-социальной сущности «фашистской психологии», проявляли тенденцию систематизировать анализ воздействия на массовое сознание, дробя его на условные типы, в зависимости от положения, занимаемого в обществе его носителями. В таком подходе есть рациональное зерно, однако, нельзя не заметить и тенденции к идеологизации научных выводов и оценок в зависимости от политических предпочтений конкретного исследователя.

Понятия буржуазной, мелкобуржуазной или пролетарской психологии действительно не были пустым звуком, обладали и продолжают в зависимости от контекста обладать содержанием, однако при активном использовании в политической практике эти понятия часто смещали акцент восприятия и анализа коллективной психики и мотивации, в результате чего недооценивались универсальные механизмы воздействия на массовое сознание. В практической плоскости этот перекося проявлялся в том, что в человеке видели прежде всего «пролетария» или «буржуа», не замечая того, что вне зависимости от социального статуса объект анализа — личность. Сегодня социальная, политическая и поведенческая психология по большому счету фиксирует внимание именно на таких универсальных особенностях психологического воздействия и реакций.

МЕЛКОБУРЖУАЗНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ БАЗА ФАШИЗМА

Психология фашизма закономерно привлекала внимание исследователей. При этом, как правило, специалисты фокусировали внимание на изучении психологических особенностей среднего класса в качестве социальной базы и движущей силы фашизма. Такого подхода придерживались не только многие политические аналитики и современники становления и развития фашистских диктатур, но и психологи, среди которых Эрих Фромм и Вильгельм Райх.

Фашистов поддерживали низы среднего класса, которые не могли найти свое место в новой Германии. Социальная невостребованность, ощущение социальной неполноценности трансформировались и рационализировались в чувство неполноценности общенациональной. В подобных социальных и психологических условиях борьба за собственный успех в обществе соединялась с великодержавной риторикой. Представители низов среднего класса, а также люди, силою обстоятельств выбитые из его рядов, не желали ассоциировать себя с пролетариатом, хотели вернуть былое благополучие, острее переживали происходившие социально-экономические трудности, психологически ориентировались на то, чтобы быть буржуа, солидаризироваться с «верхами», а не «низами», с богатыми и успешными, а не униженными и оскорбленными.

В контексте исследования особенностей психологии фашизма особого внимания заслуживает спорная, идеологизированная, но, несомненно, интересная и, самое главное, отражающая дух идеологических противоречий XX в. работа Вильгельма Райха «Психология масс и фашизм». Книга вышла в свет в 1933 г., а в 1936 г. была запрещена в Германии. Слабой стороной этого исследования было стремление соединить психоанализ Фрейда с экономической теорией Маркса, в результате чего работа оказалась излишне политизированной, тенденциозной и пронизанной авторской концепцией «естественной рабочей демократии». Однако отдельные положения исследования В. Райха заслуживают внимания, так как выявляют психологическую подоплеку тоталитарных идеологий и согласуются с выводами авторов, писавших об иррациональном характере массового сознания и «бегстве человека от свободы», его склонности перекладывать ответственность и принятие решений на других.

ФАШИЗМ КАК УНИВЕРСАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ ПСИХИКИ

В. Райх придерживался широкой трактовки сущности фашизма как явления массовой психологии. Психолог считал, что фашизм присутствует в каждом человеке, свойствен всем: «Фашизм служит организованным политическим выражением характерологической структуры среднего человека, существование которой не ограничивается определенными расами, нациями и партиями, а носит всеобщий и интернациональный характер» [1, с. 12]. Много лет спустя в своих письмах психолог подтвердил неизменность своего взгляда, написав, что фашизм — не партийная принадлежность, а базовая реакция, человек может быть политическим антифашистом с культурой и характером фашиста [2]. Отдельные универсальные аспекты человеческой психики психолог счел уместным обозначить как «фашистские», хотя само использование данного термина навешивает на описываемые им особенности восприятия и переживания политизированный отрицательный оценочный ярлык.

В то же время нельзя не согласиться с замечанием В. Райха о том, что носителями фашистской идеологии, вождями фашизма как правило являлись выходцы из низших и средних классов, что и делало их психологическую структуру понятной массам. С точки зрения индивидуальной психологии, политического языка, Муссолини и Гитлер, конечно же, были ближе представителям нижних ступеней социально-экономической иерархии. Однако представляется важным учитывать и политтехнологический контекст констатируемой В. Райхом общности стиля восприятия и мышления между представителями низов среднего класса и политиками-фашистами. Контекст этот заключается в том, что правые, консервативные, аристократические, традиционно ориентированные олигархические и политические круги охотно использовали, осознанно искали и находили, поддерживали и финансировали, организовывали и создавали, а затем приводили к власти лидеров и партии фашистского типа с целью использования в качестве социального и политического противовеса набиравшему силу в условиях глобального экономического кризиса конца 1920-х — начала 1930-х гг. международному коммунистическому движению, возглавляемому Советским Союзом.

По мнению В. Райха, фашизм являлся эмоциональным проявлением подавленного человека, выразившим себя в мистических иррациональных

движениях, а склонность к диктаторским формам заключалась в самих людях, желавших снять с себя ответственность за собственную жизнь и жизнь общества в целом. Поэтому, по мнению психолога, фашизм нельзя рассматривать исключительно в качестве диктатуры немногочисленной реакционной клики, поскольку, если бы такое понимание фашизма соответствовало действительности, фашистские режимы не получали бы широкой поддержки общества. По-видимому, такая убежденность В. Райха в ограниченных политических возможностях «реакционных клик» основывалась на вере в социально-политические принципы марксистской концепции исторического материализма с его уходящей корнями в позитивизм XIX столетия уверенностью в рациональности и объективности человеческих желаний, стремлений и мотивов.

Обоснованным выглядит стремление В. Райха отделить фашизм от милитаризма, поскольку, по мнению психолога, фашизм шире и иррациональнее милитаризма, обладает всеми особенностями и противоречиями, присущими массовому сознанию, является не чисто реакционным движением, а представляет собой сплав мятежных эмоций и реакционных социальных идей.

Фашизм, по В. Райху, — частное проявление дремлющей в каждом человеке авторитарной личности, склонной к самоутверждению и подчинению, посредством которого она могла бы одновременно и самоутверждаться, и снимать с себя какую-либо ответственность за принятие решений [1, с. 310].

Ключ к успеху тоталитарных идеологий В. Райх видел в распространенной ментальности «маленького человека», поработанного и в то же время протестующего и стремящегося к власти. Эта отрицательная энергия «маленьких людей», их неудовлетворенность и стремление к власти, в свою очередь, используются правящими классами общества в собственных интересах.

Если рассматривать фашизм как своеобразную универсальную модель определенной стилистики мироощущения (а именно к такой тенденции склонялся В. Райх), то для ясного осознания этой предполагаемой универсальности имеет смысл заключить слово «фашизм» в этом значении в кавычки, поскольку в таком расширительном и неоднозначном толковании «фашистские чувства» могут быть у многих, однако у некоторых они действительно *доминируют*, последовательно пестуются и претворяются в жизнь со стоическим, апостольским, подвижническим упорством, фа-

нати́змом убежденности и собственной правоты (яркий пример — Гитлер), у других проходят относительно мягко, не откладывая своего отпечатка на поведение и оценки.

При предложенном В. Райхом расширительном толковании фашизма можно не быть политическим фашистом, не быть антисемитом, милитаристом или расистом, но обладать своеобразным условным *фашистским тоном мироощущения*. Например, быть непримиримым и воинствующим представителем вегетарианства или «зеленого» движения, не признающим прав других борцом за права разнообразных меньшинств.

ИНДУСТРИАЛЬНАЯ ПРИРОДА ФАШИЗМА

Ценным наблюдением В. Райха, хотя и выраженным в неудачной форме расширительного использования понятия «фашизм», является внимание психолога к массовой, индустриальной природе фашистских идеологических и политических течений.

В. Райх считал, что массовость фашизма обеспечивает людям чувство защищенности, собственной значимости и позволяет спрятаться в коллективе и за коллективом от собственной, личной ответственности и принятия самостоятельных решений [1, с. 15].

Учитывая эти подспудные психологические мотивы масс «фашизм — это не дело рук какого-нибудь Гитлера или Муссолини, а выражение иррациональной структуры массового человека» [1, с. 24]. Однако и в данном случае *расширительная трактовка фашизма, даваемая В. Райхом, оказывается тупиковым направлением интерпретации понятия, поскольку делает его синонимичным любому массовому движению, что, разумеется, неверно, поскольку не каждое такое движение отвечало бы другим критериям «фашизма», которые удалось выделить социальным наукам и которые в ряде случаев выделяет и сам психолог, например иррациональность, мистицизм, вождизм и милитаризм (пусть и не в качестве неотъемлемого признака)*.

Исходя из предложенной В. Райхом концепции можно заключить, что везде политические режимы фашистского типа стали выражением страхов, надежд и идеалов средних классов общества. Расовая теория также служила целям удовлетворения желаний власти и самоутверждения масс, и тем успешнее применялась на практике, чем больше содержала в себе иррационального мистицизма с собственным набором представлений о жизни, людях, любви и труде.

ИРРАЦИОНАЛИЗМ, МИСТИЦИЗМ, МИЛИТАРИЗМ

По мнению В. Райха, присущее массовой психологии стремление к ощущению собственной значимости сочетается с ориентацией на подчинение авторитарной власти. Причем, как считал В. Райх, стремление человека к подчинению насчитывается тысячелетиями. Этот аспект явно смущал психолога, а с другой стороны, не может расцениваться объективным политическим аналитиком иначе, чем просто данность социально-экономического и политического развития общества. Сложное общество, консолидированная группа людей, управляемая посредством иерархических структур и механизмов, на определенном этапе исторического развития объективно нуждается в навыках подчинения, организации, ограничения свободы, поскольку умение консолидироваться, объединяться, подчиняться становится залогом эффективного выживания в мире конкуренции между племенами, общинами, государствами.

В. Райх видел залог успеха фашизма именно в том, что он, по мнению психолога, в отличие от марксизма, изначально апеллировал к чувству, а не к разуму. Данная оценка отчасти верна, однако не учитывает других аспектов проблемы завоевания политическим движением массового внимания. Прежде всего, здесь можно указать на тот факт, что идеологическая и информационная борьба всегда имеет дело с конкуренцией символов, образов, ценностей, привычек. Объективным препятствием в информационной борьбе коммунистов с правыми политическими партиями был отказ, а иногда и прямо агрессивное отрицание, от целого ряда традиционных ценностей каждого конкретного общества. Наиболее ярким примером является отношение к религии и церкви. Резкое отрицание традиционных и дорогих людям институтов и ценностей помогало правым течениям консолидировать под своими знаменами людей, которые в противном случае могли примкнуть к коммунистам.

В. Райх считал, что, будучи социологом и экономистом, Маркс не уделил должного внимания «субъективному фактору истории», тому, что в реальной жизни существует раскол между экономикой и идеологией [1, с. 66]. Опора на марксистский рационализм, по мнению психолога, привела к тому, что фашистский мистицизм одержал победу над научной социологией.

Столетиями существовавшие в обществе нормы и ценности, закрепленные в воспитании и тради-

циях, приводят к тому, что сознание часто не соответствует окружающему бытию, психологические структуры отстают от более быстрых изменений общественных условий. В таких обстоятельствах бытие определяет сознание, но сам процесс этого определения идет чрезвычайно медленно, неравномерно и консервативно. Мышление оказывается негибким и отстает от бытия. Только развитие психоанализа положило начало пониманию иррациональности человека, того факта, что люди не властны над своими психологическими особенностями и процессами. При анализе феномена фашизма с таких позиций политические движения фашистского типа закономерно воспринимались социал-демократами и коммунистами в качестве ретроградных, т.е. не соответствовавших своим мировоззрением, ценностными и идеологическими установками уровню развития индустриального общества XX столетия, казавшегося в свое время передовым и единственно возможным путем модернизации социально-экономической, а затем и политической, и социокультурной эволюции. Подобная оценка фашизма была обусловлена спецификой марксистского понимания истории, и ее важно учитывать для того чтобы осознать, как фашизм воспринимался идейными противниками в эпоху его исторического возникновения и расцвета.

АВТОРИТАРНАЯ СЕМЬЯ КАК КОРЕННОЙ ИСТОЧНИК СКЛОННОСТИ ОБЩЕСТВА К ВОЖДИЗМУ

Одним из глубинных психологических корней фашизма В. Райх считал патриархальную авторитарную семью, тысячелетиями узаконившую угнетение своих членов. Таким образом, по мнению психолога, формировалась авторитарная структура личности, ставшая укоренившейся формой человеческого характера, в результате чего в каждой личности можно найти тенденцию испытывать страх перед свободой и желание обрести непрекаемый авторитет, за которым можно слепо следовать и повиноваться.

Развивая положения марксистской социологии об обусловленности семейных отношений формами собственности, В. Райх предположил наличие психологической связи между иерархичностью отношений в крестьянской семье и авторитарными правыми тенденциями в социальной жизни. По мнению психолога, иерархические семейные отношения наблюдались и в буржуазных слоях общества с их идеалами старшинства в семье, чувством долга

и ответственности, сексуальными запретами, представлениями о нравственности, неравенством полов и подчиненным положением женщин [1, с. 121], в то время как пролетариат придерживался более свободной модели внутрисемейных отношений.

В таком концептуальном поле становится понятной и роль, занимаемая лидерами в авторитарном обществе и соответствующих политических движениях. Приоритет общего над частным, по мнению В. Райха, сочетался в фашизме с индивидуалистическим принципом вождизма. Индивидуальная воля вождя и представителей партийной иерархии воплощалась следовавшими за ними и повинующимися массами. В целом в предложенной В. Райхом концепции подобная социальная модель вполне соответствует моделям поведения в авторитарной семье. Массам удобна идентификация с вождем, в которой проявляется индивидуальный нарциссизм — уверенность отдельного человека в себе, питаемая величием нации [1, с. 117, 139].

ДИСГАРМОНИЯ ФАШИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ И ВОПРОС ПРОЯВЛЕНИЯ В НЕЙ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ЧЕРТ ХАРАКТЕРА ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ

Уверенность В. Райха в гармоничности пролетарского сознания, по-видимому, объясняется субъективностью, идеологизированностью оценок психолога, его социалистическими симпатиями и мировоззрением, однако наводит на ряд соображений, связанных с тем, что в фашистских движениях действительно наблюдался некоторый психологический надрыв, очевидная дисгармония и дискомфорт в восприятии окружающей действительности.

Определить причины подобных проявлений — трудная, если вообще посильная задача. Однако ясно, что особенность идеологий в их авторитарном, тотальном прочтении, в том числе и исторического европейского фашизма в тех формах, которые он обрел в первой половине XX столетия, заключается в психологической *надрывности*. Стилистически фашизм существовал не в гармонии с жизнью, а наперекор ей, подчеркивая желание переделать ее под себя и свой порядок. Подобные аспекты фашистской идеологии могут быть объяснены: 1) *кризисной, переломной эпохой возникновения фашизма в период между двумя мировыми войнами, в момент глобального экономического и социально-политического кризиса, вследствие чего при всей своей реакционности и наличии элементов традиционного мировоззрения фашизм был вынужден искать новые,*

более-менее соответствующие времени ответы на актуальные вопросы эпохи; 2) характерологическими особенностями лидеров фашистских движений, которые, судя по ряду сопоставимых признаков, имели ряд сходных черт характера.

Так, например, в биографиях Муссолини и Гитлера в глаза бросается общая для них тенденция к кризисному руководству, нагнетанию атмосферы неприятия, стремление к преодолению либо и вовсе разрушению сложившихся социально-политических форм, намерение держать свои народы в «тонусе», военной готовности, мобилизации, состоянии перманентного психоза. Примечательно, что указанные тенденции лидеров итальянской и германской разновидностей фашизма хорошо задокументированы современниками в виде записей речей, разговоров, воспоминаний и дневников очевидцев. Учитывая пример эволюции испанского фашизма, есть основания считать, что проявления столь высокой степени психологической дисгармонии, неудовлетворенности, нашедшей отражение в идеологии, являлись в значительной степени результатом перенесения в практическую плоскость информационной политики и идеологии личностных черт конкретных политических деятелей, отличавшихся специфическим нервным темпераментом.

Мировоззренческое и этическое содержание фашизма можно передать одной фразой: «мы презираем легкую жизнь». Так эта мысль была выражена в «Доктрине фашизма». В похожей форме ее высказал Муссолини в беседе с Эмилем Людвигом: «суть фашизма одной фразой: «Мы против легкой жизни!»» [3, с. 190]. В стилистическом отношении презрение легкой жизни действительно передает глубинную психологическую суть фашистского мировоззрения. О динамичном, напряженном, интенсивном труде и подвиге труда, жажде деятельности, подчас разрушительной, постоянно говорили идеологи фашизма.

ПРОТИВОЯДИЕ ПРОТИВ ФАШИЗМА

Интересны «рецепты», предложенные В. Райхом против фашизма, которые, по-видимому, универсальны, поскольку должны быть действенными в качестве не только профилактики фашизма, но и любых иных вариантов идеократических политических систем. При этом предлагаемые методы ударят по традиционным ценностям и вообще — по целостному «мировоззренческому» взгляду на мир, в силу чего, как и предельно широкое понимание фашизма, представляются в практическом отно-

шении спорными и в долгосрочной перспективе опасными для гармоничного и устойчивого развития общества.

В. Райх был уверен, что психология людей, увлекающихся футболом и дешевыми мюзиклами, не позволит их закабалить, полагал, что общество потребления сложно превратить в тоталитарное государство. Таким образом, только развитые бытовые потребности человека и его потребительские склонности — противоядие против фашизма в обществе и в душе каждого отдельного человека. Другой, еще более весомой контрмерой против авторитаризма и тоталитаризма психолог считал сексуальную раскрепощенность.

Опыт второй половины XX в. показал, что западная либеральная демократия фактически двинулась по предложенной В. Райхом траектории «антифашистского пути развития», однако такой путь оказался чреват появлением новых проблем и новых направлений уже крайне левого и ультралиберального диктата разнообразных меньшинств, деятельность которых приводит к дезорганизации обществ, утрате видения консолидирующих целей, фрагментации и снижению уровня социальной гармонии и социального капитала.

* * *

После Второй мировой войны в Соединенных Штатах и Западной Европе стал формироваться значительный пласт психологической литературы о фашизме. Авторы этих часто интересных и талантливых работ вдохновлялись собственным опытом и исследованием Вильгельма Райха «Психология масс и фашизм». Эрих Фромм, Ханна Арендт, Карл Поппер, Стэнли Мил-грэм, Виктор Франкл, Теодор Адорно, Герберт Маркузе и многие другие авторы с разных сторон приступили к выявлению психологических закономерностей даже не собственно фашизма и политических режимов фашистского типа, а тоталитарного политического порядка, авторитарных подходов к управлению обществом. Подобные исследования оказались особенно популярными и востребованными на Западе. Эта востребованность основывалась на двух фундаментальных основаниях — либерально-демократическом мировоззрении и идеологии и набравших популярность психологии и психоанализе, которые для многих людей стали заменять религию.

В результате сочетания либеральных и психологических оценок (для которых характерно отношение к социально-политическим процессам с точки зрения интересов отдельной личности, а не

общего блага) стал формироваться подход, который позволил, абстрагируясь от любой конкретно исторической реальности, сравнивать Третий рейх с Советским Союзом. Более того — даже уравнивать и отождествлять фашизм и коммунизм, выдавать предельно антагонистические политические режимы за якобы идентичные друг другу, а также характеризовать в качестве «фашистских» любые явления социально-политической действительности, не соответствующие определенным мировоззренческим стереотипам. К «фашизму» как негативному оценочному ярлыку в политической полемике стали прибегать представители самых разных идеологических направлений современного политического спектра. Так, например, возникло словосочетание «либеральный фашизм». Подобный релятивизм словоупотребления безусловно опасен для адекватного понимания как событий политической истории прошлого, так и для интерпретации текущих и попыток прогнозирования грядущих событий. «Сегодня, — совершенно верно отмечает С. Кара-Мурза, — идеологи неоллиберализма активно деформируют реальный образ фашизма, вычищая из него суть и заостряя внешние черты так, чтобы этот ярлык можно было прилепить к любому обществу, которое не желает раскрыться Западу» [4, с. 9]. В практическом политическом контексте данная тенденция представляет безусловную опасность для стратегической информационной безопасности, ценностного суверенитета Российской Федерации как государства — правопреемника Советского

Союза, внесшего решающий вклад в победу над фашизмом.

Не менее опасно и расширительное толкование феномена фашизма, следствием которого становится его перевод в разряд бытовых понятий, когда любого человека можно назвать фашистом. При таком подходе понятие теряет смысл, утрачивает практическую пользу и содержание, поскольку каждый волен наполнять его собственным смыслом. В англосаксонской публицистике и публичной политике «фашизм» уже давно стал ярлыком для шельмования неугодных политиков и социально-политических движений, равно как и понятия «коммунизм» или «популизм» обросли столь же отрицательным ассоциативным рядом. В то же время, несмотря на то что В. Райх весьма специфически подходил к анализу фашизма, его теории нельзя отказать в том, что она позволяет шире, с разных точек зрения, проанализировать феномен фашизма, понять универсальные закономерности реакций массовой психологии на разнообразные социальные и политические технологии воздействия на сознание людей. Однако определенная теоретическая и познавательная ценность подобного подхода к осмыслению психологии, идеологии и практики фашизма не делает его адекватным и универсально приемлемым для анализа и оценки конкретных исторических событий. В этом и кроется опасность расширительной интерпретации фашизма в качестве оторванной от конкретики абстрактной универсальной концепции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Райх В. Психология масс и фашизм. М.: АСТ; 2004. 539 с.
Raich W. The Mass Psychology and Fascism. Moscow: AST; 2004. (In Russ.).
2. Reich W. American Odyssey: Letters and Journals. New York: Farrar, Straus and Giroux; 1999.
3. Ludwig E. Talks with Mussolini. Boston: Little, Brown and Company; 1933.
4. Кара-Мурза С. и др. Коммунизм и фашизм: Братья или враги? Сборник. М.: Яуза-пресс; 2008. 608 с.
Kara-Murza S. et al. Communism and fascism: Brothers or enemies? Moscow: Yauza-press; 2008. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вахтанг Шотович Сургуладзе — кандидат философских наук, ведущий эксперт аналитической группы «С.Т.К.», Москва, Россия
bafing@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vakhtang S. Surguladze — Cand. Sci. (Philosophy), “S.T.C.” Analytical group, a leading expert, Moscow, Russia
bafing@mail.ru

Статья поступила 07.05.2020; принята к публикации 05.06.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 07.05.2020; accepted for publication on 05.06.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-99-103
УДК 82-1-82.0(045)

Философия человека в поэзии Сеида Имадеддина Насими

Т.М. Махаматов

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-1166-4203>

АННОТАЦИЯ

В статье автор раскрывает актуальность для современности мыслей Насими о единстве Бога, о том, что все люди дети Адама, что каждый должен просвещать свой разум. Строки поэта о невежестве как причине зла и жестокости, потому оно является сущностью шайтана, до сих пор сохраняют свое значение для понимания роли культуры. Философская поэзия Насими, носящая пантеистический, антропоцентрический и гуманистический характер, способствовала объединению азербайджанцев в единый народ, формированию самосознания и национальной идентичности. Красота слога, глубина мыслей, мелодичность строк поэта и философа, притягивая любовь к себе и восхищая таких поэтов и мыслителей родственных тюркских народностей, как Алишер Навои, Лутфи, Бабура, Машраба и др., способствовали осознанию ими родства друг с другом. Мысли Насими, опирающиеся на глубокие прогрессивные гуманистические и демократические положения Корана, опережали его время и не укладывались в социально-политические условия исламского мира тех времен. Потому он писал, что не вмещается в этот мир. Высказывания Насими о человеке как о высшей ценности бытия актуальны и сегодня, ибо раскрывают основание цивилизационного единства человечества.

Ключевые слова: Насими; Навои; Бог един; дети Адама; идентичность; поэзия и философия Насими; азербайджанский народ; современность; глобальная цивилизация

Для цитирования: Махаматов Т.М. Философия человека в поэзии Сеида Имадеддина Насими. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(4):99-103. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-99-103

ORIGINAL PAPER

The Philosophy of Man in the Poetry of Seid Nasimi Imadeddin

T.M. Makhamatov

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-1166-4203>

ABSTRACT

In the article, the author substantiates the position about the relevance of Nasimi's thoughts about the unity of God, that all people are children, that everyone should enlighten his mind. The poet's lines about ignorance as to the cause of evil and cruelty because it is the essence of Shaytan remain relevant. Nasimi's work, which is pantheistic, anthropocentric and humanistic, developing the language of the Azerbaijani people, contributed to the unification of Azerbaijanis into a single people, the formation of self-consciousness and national identity. The beauty of a syllable, depth of thoughts, melodiousness of lines of poetry of the poet and the philosopher, attracting love to itself and admiring such poets and thinkers of related Turkic nationalities as Alisher Navoi, Lutfi, Babur, Mashrab, etc., promoted understanding by them of the relatedness with each other. Nasimi's thoughts, based on the profound progressive humanistic and democratic provisions of the Qur'an, were ahead of his time and did not fit the socio-political conditions of the Islamic world of those times. It is so because he wrote that he does not fit into this world. The author concluded that the provisions of Nasimi about man as the highest value of existence are relevant today. Nasimi revealed the basis of the civilisational unity of humankind, which is also achieved by the legal "frame" of the value of human life, its freedom, and equality.

Keywords: Nasimi; Navoi; God is one; children of Adam; identity; Nasimi's poetry and philosophy; Azerbaijani people; modernity; global civilisation

For citation: Makhamatov T.M. The Philosophy of man in the poetry of Seid Nasimi Imadeddin. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(4):99-103. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-99-103

ВВЕДЕНИЕ

С начала 2000-х гг. человечество вступило в эпоху неоглобализации, проявляющуюся, в частности, в стремлении бывших окраинных регионов и национальных государств к определению своей культурно-цивилизационной идентичности. Такая объективно-историческая тенденция выглядит как основание столкновения цивилизаций, о чем еще в 80-е гг. прошлого века писал С. Хантингтон [1]. Однако формирование поэзии на языке тюрки [начиная с творчества Юнуса Эмре (1240–1321), Лутфи (1366–1465), Насими (1369–1417 гг.) и др.], появление суфизма, становление арабо-мусульманской философии, среди крупнейших представителей которой были выходцы из тюркских народов, свидетельствуют о наличии действенных факторов в духовной культуре, которые способны объединять разные лишь по форме цивилизации. Одним из таких существенных факторов, порождающих «глобальную цивилизацию», является творческое наследие великого поэта-мыслителя Сеида Имадеддина Насими. Во всех цивилизованных странах мира хорошо знают великого и действительно несравненного поэта, философа-гуманиста азербайджанского народа Имадеддина Насими и с большим интересом читают его произведения. Как отмечает немецкий специалист по поэзии Насими, профессор Свободного университета Берлина Михаэль Райнхард Хесс, «размышления Насими становятся актуальнейшими для жителей Запада и Востока, Азии и Европы... В этом — гениальность поэта, проявившаяся в парении его слов над временем и пространством. Слов, потрясающих свежестью, естественностью и духовной силой даже при переводе с языков оригинала на другие языки» [2–5].

Президент Международной Тюркской академии Дархан Кыдыралаи также отмечает, что «Насими внес неоценимый вклад в содержательное обогащение идеями гуманизма средневековой тюркской поэзии. В своих произведениях поэт сделал предметом исследования “совершенного человека” (одно из ключевых понятий в суфийском мистицизме), которого он возвеличивал» [6]. Однако, как верно отмечает Саадат Шихиева, в произведениях Имадеддина Насими имеется еще много до сих пор недостаточно раскрытых мыслей и философских идей [7].

Творческое наследие великого поэта-философа азербайджанского народа следует изучать, с одной стороны, как отмечает И. Р. Мамедзаде, «с исторической реконструкцией контекстов вре-

мени, в котором не мы мыслим, а они мыслили, с анализа господствовавших стилей мышления, “духа эпохи” и т.д.» [8]. С другой стороны, исследование творчества великого поэта азербайджанского народа важно для выявления его мыслей, в которых отражены актуальные и в наше время проблемы справедливости, равенства [9–12], а также объединяющие народы мира факторы человеческой сущности, на чем сегодня должна и может формироваться глобальная цивилизация как высший результат мирного и демократического сотрудничества различных цивилизаций народов мира.

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ НАСИМИ И ЕДИНСТВО ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

Трагическая и в то же время героическая судьба Сеида Имадеддина Насими, его творческое наследие оказали огромное влияние на духовно-интеллектуальный мир и образ жизни народов мусульманского Востока и прежде всего тюркоязычных народов. Влияние его творчества на историю азербайджанского народа проявилось в том, что стихотворный язык поэта как более совершенная форма живого народного языка выступил одним из факторов формирования и развития *национального* самосознания народа, *осознания им своего этнического единства*, *основанием национальной идентичности* в географии родственных тюркоязычных народов. В своих стихах Насими раскрыл мелодичность азербайджанского языка, его грамматические отличия от турецкого, узбекского, туркменского и других тюркских языков. После таких народных поэтов, как Гасаноглы Иззеддин (конец XIII–начало XIV вв.), Кади Бурханеддин Ахмед (1345–1398), которые впервые начали писать стихи на азербайджанском тюрки, Сеид Имадеддин Насими дал мощный толчок совершенствованию живого, в том числе и литературного языка своего народа. Поэтому Насими как Юнус Эмре у турок, Алишер Навои у узбеков, Махтумкули у туркмен занимает особое место в истории становления народного и литературного языка Азербайджана.

Творчество Сейида Имадеддина Насими оказало огромное влияние и на другие тюркоязычные народы. Красота слога и строк, глубина мысли его *тюркоязычной* поэзии очаровывали и как магнит притягивали внимание поэтов и мыслителей *тюркоязычного мира* его времени. Говоря словами Навои, Насими «утвердил великую истину перед достойными людьми тюркского народа, и они,

познав подлинную силу своей речи и ее выражений, прекрасные качества своего языка и его слов, избавились от пренебрежительных нападок на их язык и речь со стороны слагающих стихи по-персидски» [13]. Тем самым его поэзия пробуждала у тюркских народов гордость за *общность языка* с гениальным поэтом, формировала осознание *кровно-этнического и культурно-цивилизационного единства тюркского мира*.

Например, узбеки считали (да и сейчас считают) Сеида Имадеддина Насими своим поэтом. Высокоцитимые Лутфи, Алишер Навои, Боборахим Машраб и другие узбекские поэты с почтением относились к его личности, высоко ценили его произведения, переписывали рукописи Насими¹ и писали мухаммасы² на его стихи. Алишер Навои в своем произведении «Насойим ул-мухаббат» («Ветерки любви»), посвященном жизни и творчеству великих шейхов и суфий мусульманского Востока, о Насими пишет как об одном из великих тюркских мыслителей-мудрецов: «Великий мыслитель и поэт Насими писал стихи одинаково прекрасно как на фарси, так и на тюрки. В его стихах — множество истин и просветительских идей. У поэтов, писавших на этих языках, нет стихотворений, равных стихам Насими» [14] (Прим. — Пер. со староузб. автора).

В другом своем произведении «Холати Пахлавон Мухаммад» Алишер Навои о творчестве Насими пишет следующее: «Только лишь Сеид Насими мог написать такие стихи; очевидно, что среди поэтов никто уже не сможет написать стихов такого уровня, ибо он достиг вершины такого способа раскрытия истины» [14] (Прим. — Пер. со староузб. автора). По словам Алишера Навои, его наставник и учитель, поэт, мастер и борец Пахлавон Мухаммад, говоря ему о единстве и различии творчества Лутфи и его современника Насими, подчеркивал, что Насими более сложный и глубокий поэт, чем Лутфи. По его словам, поэзия Сеида Насими в аспекте ясности и метафоричности и с точки зрения содержательности заключается в себе истинно всеобъемлющий (системный) способ раскрытия Истины. По своей сложности творчество Насими он равнял с творчеством великого таджикского поэта Абдурахмана Джами (1414–1492).

¹ Список рукописи Насими, переписанный в Бухаре в 1877 г. (переписчик Мир Хасибуллах Бухари), хранится в госархиве Узбекистана.

² Строчеческая форма в поэзии Ближнего и Среднего Востока и Средней Азии.

НАСИМИ — О РЕЛИГИОЗНЫХ ОСНОВАНИЯХ ЕДИНСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

В наше время возникает насущная необходимость вновь и вновь очень внимательно обращаться к творческому наследию поэта-философа Сеида Имадеддина Насими, потому что в его стихах много мыслей о духовно-религиозных основаниях единства человечества. А высказывания Насими о равенстве религий и единстве Бога в аспекте столкновения и сближения цивилизаций становятся особенно актуальными. Вот что он пишет:

Вхожу ли я в мечеть, иду ли мимо храма,
Направо я иду, налево или прямо,
Я думаю о том и убеждаюсь в том,
Что бог — любой из нас, из сыновей Адама! [15].

Следовательно, основанием равенства религий является то, что каждый человек есть продолжатель рода Адама, что Бог един, в душе каждого человека есть Бог, и эта мысль есть одна из высших истин:

Раб Истины, как я мечтал принести
Счастливую вам от Аллаха весть.
Миров так много — восемнадцать тысяч,
А Бог един, он повсюду есть [15].

Таким образом, по своей сущности, как вытекает из *пантеистического* учения Насими о Боге, христианское Евангелие и Коран не противоречат друг другу. Действительно, обе священные книги содержат гуманистические и миролюбивые принципы, что может способствовать сотрудничеству цивилизаций. Здесь препятствием служат разные трактовки содержания этих писаний, а также политические цели правителей [7].

ФИЛОСОФИЯ НАСИМИ И ГЛОБАЛЬНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Основанием цивилизации является рассмотрение человека как высшей ценности общества. Нет общества, где не было бы культуры как исторически выработанных и накопленных умений, навыков, способностей и материальных творений. Но есть общества, не имеющие цивилизационных ценностей, ибо *цивилизация прежде всего подразумевает отношение общества к человеку, к его личности как к высшей ценности*. Принятие современными обществами этой ценности является основанием становления глобальной цивилизации. В этом смысле Насими — один из редких и ярких мыслителей

восточного мусульманского Средневековья, воспевавшего эту ценность и поставившего во главе угла своего творчества величие человека:

*Бог — человеческий сын, и человек велик,
Все создал человек и многое постиг.
Все в мире — человек, он — свет и мирозданье...
Чтоб бесполезно не прожить свой век,
Пойми: опора мира — человек [15].*

Насими постоянно повторяет, что ценность человека неразрывно связана с его познанием. «Я истину нашел, я стал подобьем Бога», — пишет поэт-философ. Невежество делает человека жестокосердным и уподобляет с сатаной:

Шайтан был тоже сотворен Аллахом
милосердным,
И так как он был знанья чужд, был лишь во зле
усердным.
Невежду злобного Аллах нарек
жестокосердным [15].

Благодаря своему разуму, человек охватывает и материальный, и духовный мир:

Что, Человек, с тобой на свете б ни случилось.
Все: небо и земля в твой дух и ум вместилось [15].

Человек по своей сущности — божественное существо. Познание истины возвеличивает его и способствует проявлению человеком своей божественной сущности. Человек, согласно поэту-философу, своими мыслями и видением перспектив мира выше, богаче и больше существующего состояния бытия, ибо человек сотворен Богом как творец. Мысли Насими, опирающиеся на глубокие прогрессивные гуманистические и демократические положения Корана, опережали его время и не укладывались в социально-политические условия исламского мира тех времен. Потому он писал:

В меня вместятся оба мира, но в этот мир
я не вмещусь.
Я — суть, я не имею места, и в бытие я не вмещусь.
Все то, что было, есть и будет — все воплощается
во мне.
Не спрашивай. Иди за мною. Я в объясненья
не вмещусь [15].

Эти мысли Сеида Имадеддина Насими, подчеркивающие, что человек — высшая ценность мира и двигатель прогресса, актуальны сегодня как никогда, и они суть центральные принципы именно современной, глобальной, а не отдельно взятой цивилизации. Современность лишь обрамляет эту ценность демократическими правовыми законами, принципами равенства и свободы, и тем самым превращает в фактор современной глобальной цивилизации исторические культурные богатства народов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Человек отличается от животных тем, что он осознает свое прошлое, отталкивается от него, извлекает необходимые уроки. Как пишет И. Р. Мамедзаде, «наш интерес к прошлому прикрывает интерес к настоящему, к современному...» [8]. Внимательно исследуя произведения Насими, мы приходим к выводу, что его наследие не является музейной ценностью, историческим памятником словесности азербайджанского народа, это научно-теоретическое, духовно-нравственное основание решения актуальных задач современности. Действительно, перед современным человечеством стоят те же задачи, о которых писал, за которые боролся и отдал свою жизнь великий поэт и философ Сеид Имадеддин Насими: осознать ценность человеческой жизни, найти основания единства рода человеческого, просвещать свой разум, чтобы не уподобиться шайтану, совершенствовать мир во благо человечества и каждого человека. Следовательно, творческое наследие Насими необходимо вновь и вновь серьезно изучать через призму современных проблем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ; 2003.
2. Атаев Т. Творчество выдающегося Насими в восприятии немецкого профессора. URL: <http://www.islamsng.com/aze/culture/3933>.
3. Heß, Michael Reinhard. (2001) Vorlage: Michael Reinhard Hess. Ausgabe: In: Censorship: a World encyclopedia. Vol. 3, L-R / Ed.: Derek Jones. London [u.a.]. S. 1691–1692 Mehr Infos.
4. Heß, Michael Reinhard (2006): Subversive Eulogies a 'Medhiye' about the Prophet and the Twelve Imams by Imad ed-Din Nesimi.
5. Heß, Michael Reinhard (2003): Zum Stammbaum einiger türkischer Nesimi-Handschriften.

6. Кыдырали Д. К 650-летию поэта: Творчество тюркского мыслителя Имадеддина Насими поражает своей глубиной. URL: <https://liter.kz/culture/art/1522-k-650-letiyu-poeta-tvorchestvo-tyurkskogo-myslitelya-imadeddina-nasimi-poragaet-svoey-glubinoi>.
7. Шихиева С. Насими — поэт, мыслитель, просветитель и мученик. URL: <https://atalar.ru/saadat-shihieva-nasimi-poet-myslitel-prosvetitel-i-muchenik.html>.
8. Мамедзаде И.Р. О философии (Современные подходы, тенденции и перспективы). Баку: Текнур; 2011.
9. Аткинсон Э. Неравенство: как с ним бороться? Пер. с англ. М.: ИД «Дело» РАНХиГС; 2018.
10. Болц Н. Размышление о неравенстве. Анти-Руссо. Пер. с нем. М.: ИД Высшей школы экономики; 2014.
11. Стиглиц Д. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. Пер. с англ. М.: Э; 2017.
12. Сэндел М. Справедливость. Как поступать правильно? Пер. с англ. М.: Манн, Иванов и Фербер; 2013.
13. Каюмов А.П. Алишер Навои. История всемирной литературы. В 9 т. Т. 3. М.: Наука; 1985.
14. Навоий А. Тўла асарлар тўплами. В 10 т. Т. 10. Тошкент: «Гафур Гулом»; 2011. (на узб.).
15. Насими И. Избранная лирика. В 2 т. Т. 1. Баку: Азернашр; 1973.

REFERENCES

1. Huntington Samuel P. The clash of civilisations and the remaking of world order. Transl. from Eng. Moscow: Publishing House ACT; 2003. (In Russ.).
2. Ataev Teymur. The work of the outstanding Nasimi in the perception of the German Professor. Medina al-Islam. URL: <http://www.islamsng.com/aze/culture/3933>. (In Russ.).
3. Hess Michael Reinhard. In: Censorship: A World Encyclopedia. Vol. 3, L-R. Derek Jones, ed. London, UK; 2001.
4. Hess Michael Reinhard. Subversive Eulogies a 'Medhiye' about the Prophet and the Twelve Imams by Imad ed-Din Nesimi; 2006.
5. Hess Michael Reinhard. Zum Stammbaum einiger türkischer Nesimi-Handschriften; 2003.
6. Kudyrali D. On the occasion of the 650th anniversary of the poet: The creativity of the Turkic thinker Imadaddin Nasimi is striking in its depth. URL: <https://liter.kz/culture/art/1522-k-650-letiyu-poeta-tvorchestvo-tyurkskogo-myslitelya-imadeddina-nasimi-poragaet-svoey-glubinoi>. (In Russ.).
7. Shikhieva S. Nasimi is a poet, thinker, educator and Martyr. URL: <https://atalar.ru/saadat-shihieva-nasimi-poet-myslitel-prosvetitel-i-muchenik.html>.
8. Mammadzade I.R. On philosophy (Modern approaches, trends and prospects). Baku: Teknur; 2011. (In Russ.).
9. Atkinson Anthony B. Inequality: how to deal with it? Transl. from Eng. Moscow: Publishing House Delo; 2018. (In Russ.).
10. Boltz N. Thinking about inequality. Anti-Rousseau. Transl. from German. Moscow: Higher School of Economics; 2014. (In Russ.).
11. Stiglitz Joseph. The price of inequality. The stratification of society threatens our future. Transl. from Eng. Moscow: Publishing House "E"; 2017. (In Russ.).
12. Sandel M. Justice. How to do the right thing? Transl. from Eng. Moscow: Mann, Ivanov, and Ferber; 2013. (In Russ.).
13. Kayumov A.P. Alisher Navoi. In: History of world literature. In 9 vol. Vol. 3. Moscow: Nauka; 1985:576–582. (In Russ.).
14. Navoi Alisher. Full collection of works. In 10 vol. Vol. 10. Toshkent: Gafur Gulom; 2011. (In Uzbek).
15. Nasimi I. Selected lyrics. In 2 vol. Vol. 2. Baku: Azernashr; 1973. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Таир Махаматович Махаматов — доктор философских наук, профессор Департамента социологии, истории и философии, Финансовый университет, Москва, Россия
makhamatov.tair@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Tair M. Makhamatov — Doctor of Philosophy, Professor, Department of Sociology, History, and Philosophy, Financial University, Moscow, Russia
makhamatov.tair@mail.ru

Статья поступила 17.11.2019; принята к публикации 15.06.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 17.11.2019; accepted for publication on 15.06.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

Анализ практик оценки эффективности государственных гражданских служащих в Российской Федерации

Д. Ю. Знаменский^а, А. С. Гусаров^б

^{а, б} Государственный университет управления, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-3492-1567>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-8908-1737>

АННОТАЦИЯ

Темой данной статьи является анализ методологии развития оценки эффективности государственной гражданской службы в РФ, включающий в себя ретроспективный анализ развития правовых основ, попытки внедрения пилотных проектов по оценке эффективности и разработки критериев в государственных органах власти РФ, опыт внедрения методов оценки в органах власти субъектов РФ, а также общий итог по реализации методов оценки эффективности. Актуальность статьи заключается в том, что, проанализировав и изучив эволюцию развития методов оценки эффективности государственных гражданских служащих в РФ, можно выделить те основные критерии и методы, которые в дальнейшем помогут заложить основу для разработки новых методов в области оценки эффективности, учитывая современные тенденции и нацеленность на развитие качественных навыков и умений у современных государственных гражданских служащих в РФ.

Ключевые слова: государственное управление; государственная гражданская служба; оценка эффективности; развитие государственной службы; государственные гражданские служащие РФ

Для цитирования: Знаменский Д. Ю., Гусаров А. С. Анализ практик оценки эффективности государственных гражданских служащих в Российской Федерации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(4):104-108. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-104-108

Analysis of Practices for Assessing the Effectiveness of Civil Servants in the Russian Federation

D. Yu. Znamenskiy^а, A. S. Gusarov^б

^{а, б} State University of Management, Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0002-3492-1567>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-8908-1737>

ABSTRACT

In this article, the authors analysed the methodology of improving the evaluation of the effectiveness of the state civil service in the Russian Federation. It includes a retrospective analysis of the development of the legal framework, attempts to introduce pilot projects on the evaluation of effectiveness and development of criteria in the state authorities of the Russian Federation, experience in the implementation of evaluation methods in the authorities of the constituent entities of the Russian Federation, as well as a general outcome on the application of the methods of effectiveness. The relevance of our article consists of analysis and study the evolution of methods of evaluating the effectiveness of state civil servants in the Russian Federation. On this basis, it is possible to highlight those essential criteria and processes which in the future will help to lay the ground for the development of new approaches in the field of evaluation of the effectiveness of state civil servants. The authors took into account modern trends and the focus on the development of quality skills and skills of contemporary state civil servants in the Russian Federation.

Keywords: public administration; public civil service; efficiency assessment; public service development; civil servants of the Russian Federation

For citation: Znamenskiy D. Yu., Gusarov A. S. Analysis of practices for assessing the effectiveness of civil servants in the Russian Federation. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(4):104-108. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-104-108

Сегодня в России количество нормативно-методических документов, касающихся создания системы оценки эффективности, охватывающей все сферы государственного управления, остается ограниченным. Особенно сложно выбрать количественно измеренные показатели эффективности и создать единую систему оценки эффективности на различных уровнях власти — в федеральных органах, федеральных службах и агентствах.

Министерство труда Российской Федерации в 2016 г. модернизировало версию методического инструментария для определения квалификационных требований при замещении должностей на государственной службе, содержащую квалификационные требования, предъявляемые государственным служащим, а также профессиональные требования в зависимости от области и вида профессиональной деятельности государственного органа и соответственно государственных служащих (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601).

В этом методологическом инструментарии содержатся квалификационные требования для четырех категорий государственных служащих (руководитель, советник, специалист, обеспечивающий специалист) и устанавливается требуемый уровень профессионального образования, стажа, знаний и навыков.

Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации установило, что система оценки профессиональной деятельности государственного служащего включает в себя:

- оценку уровня и направления подготовки (специальности) профессионального образования;
- профессиональный опыт работы на государственной службе или профессиональный опыт по специальности (в том числе — сфера деятельности государственного органа);
- профессиональные знания и навыки, предъявляемые к должности государственной службы;
- оценку соответствия деятельности государственного служащего показателям эффективности, включая общественную оценку (http://rk.gov.ru/file/File/Metod_instrumentarii.pdf).

Методология, разработанная Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации для оценки индивидуальной эффек-

тивности государственных служащих, должна повысить объективность оценки, а методология оценки эффективности системы государственной службы отсутствует [1].

В рамках реформы государственной службы в России широко используется система показателей эффективности и профессиональной деятельности государственных служащих.

Во-первых, показатели деятельности государственного служащего должны быть включены в должностной регламент в соответствии со статьей 47 Федерального закона от 27.07.2004 «О государственной гражданской службе» № 79-ФЗ (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601).

Во-вторых, для различных должностей государственной службы может быть установлена специальная процедура выплаты денежного содержания государственным служащим, при которой размер денежного содержания определяется эффективностью и результативностью профессиональной деятельности, определенной в контракте.

Соотнесение квалификационных требований и результатов оценки эффективности государственного гражданского служащего, с учетом его профессиональных и личных качеств является стимулом для дальнейшего служебного продвижения с учетом целей, задач и кадровой политики государственного органа власти.

Отметим, что проект указа Президента Российской Федерации «О Федеральной программе «Развитие государственной службы Российской Федерации» и план мероприятий по развитию государственной службы Российской Федерации» (<https://base.garant.ru/56625788>) предусматривает внедрение комплексной оценки государственных гражданских служащих Российской Федерации [2].

Согласно проекту указа, развитие кадровых технологий на государственной службе включает оценку потенциала кандидатов на должности в органах государственной власти, благодаря которым государственный служащий может планировать карьерный рост и прокладывать путь к своему профессиональному саморазвитию.

Современная структура денежного содержания оказывает негативное влияние на профессиональное развитие государственных гражданских служащих и на показатели их эффективности. Государственные гражданские служащие, не имеющие адекватной финансовой

поддержки, рассматривают государственную службу как способ получения базовых знаний об альтернативных видах деятельности.

Распространенным подходом является использование комплексных показателей эффективности на уровне государственных органов, которые отражают экономические или политические показатели, которые, в свою очередь, делятся на конкретные показатели эффективности [3].

Целесообразно повысить эффективность профессиональной деятельности государственных гражданских служащих путем создания системы показателей эффективности профессиональной деятельности государственных гражданских служащих, нацеленной на фактическое достижение целей и задач, поставленных перед органом государственной власти, в котором государственные гражданские служащие ведут свою профессионально-служебную деятельность.

Оценка деятельности государственных служащих должна проводиться по таким показателям, как:

- объем выполненных работ;
- способность поддерживать высокие показатели в экстремальных условиях;
- дисциплинированность;
- пунктуальность и скорость исполнения инструкций;
- качество выполненных работ и т.д.

Внедрение системы управления эффективностью в Федеральной налоговой службе осуществляется с 2012 г. Используется комплексная оценка деятельности государственных служащих в федеральных территориальных органах власти.

Результаты аттестации и комплексная оценка напрямую не влияют на денежное содержание и оказывают слабое влияние на карьерный рост государственного служащего налоговой инспекции. Оценка результатов деятельности служащего весьма субъективна, так как полностью зависит от мнения оценщиков — руководителей и специалистов.

Разработка нормативных документов с количественно измеренными показателями эффективности как на макроуровне (государственные органы), так и на микроуровне (деятельность государственных гражданских служащих) остается сложной задачей.

С 2011 г. произошел переход к глобальной оценке эффективности, что позволяет учитывать

результаты региональных властей, как с точки зрения достигнутого уровня, так и с точки зрения динамичности.

Оценка эффективности органов власти субъектов Российской Федерации будет представлена с использованием наиболее информативных и, возможно, наиболее перспективных механизмов. Она представляет собой попытку обобщить объективную информацию о работе глав регионов.

Исследование эффективности власти в Тамбовской области, проведенное группой ученых, решило ряд методологических проблем при оценке эффективности работы государственных служащих [4].

Во-первых, понятия эффективности и результативности были разграничены.

Во-вторых, уровни оценки эффективности были определены в процессе построения взаимосвязи.

В-третьих, были определены два методологических подхода для создания перечня показателей для оценки эффективности работы государственных служащих на основе двух типов организации их деятельности: унифицированный — для служащих, выполняющих аналогичные задачи, и дифференцированный для служащих, выполняющих различные задачи.

В-четвертых, предложена классификация показателей эффективности государственных служащих, которая обеспечивает сопоставимость результатов деятельности государственных служащих, выполняющих различные задачи.

Иная модель для оценки эффективности разработана Министерством сельского хозяйства Пермского края [5].

Она нацелена на поиск государственных служащих и их отбор с помощью таких показателей, как:

- наличие лидерских качеств и умение принимать решения;
- умение поддерживать и объединять людей;
- общение с коллегами и самовыражение;
- умение проанализировать и объяснить;
- адаптивность и самоконтроль;
- организованность и исполнительность.

Управление государственной службы Правительства Москвы начало процесс преобразований оценки эффективности государственных служащих города. Основная задача заключается в том, чтобы собрать команду, способную

достичь целей, поставленных мэром Москвы, что должно быть обеспечено путем усиления организации процедур оценки служащих и разработки соответствующей правовой базы.

В соответствии с нормативными документами, регулирующими деятельность государственной гражданской службы, для оценки компетентности государственных гражданских служащих проводятся:

- индивидуальное собеседование;
- анкетирование;
- составление эссе или индивидуальная работа;
- тестирование.

Для подбора государственных гражданских служащих можно использовать:

- обсуждение стандартных ситуаций во время прохождения государственной гражданской службы в ходе групповой дискуссии;
- собеседование с представителем нанимателя;
- индивидуальный подход к кандидату исходя из имеющихся у него знаний и навыков, мотивационной составляющей к выбору прохождения службы в том или ином органе власти, профессионального образования и т.п.

Оценить индивидуальный вклад служащего в деятельность органа власти представляется сложной задачей, так как управленческие решения не всегда отражаются в показателях. И если непосредственный руководитель знает об определенном вкладе служащего, возникает проблема иного характера, а именно — субъективность.

В Федеральный закон от 27.07.2007 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601) было предложено ввести положения, касающиеся внедрения комплексной оценки государственных служащих при проведении аттестации, конкурса на замещение вакантной должности, проверки квалификационного экзамена, а в Указ

Президента Российской Федерации № 110 от 02.02.2005 «О проведении аттестации государственных гражданских служащих Российской Федерации» (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51512) — положения об использовании комплексной оценки при проведении проверки госслужащих.

Никаких изменений или попыток внедрения комплексной оценки профессиональной деятельности государственных гражданских служащих в государственных органах проведено не было.

Задача согласованного распределения комплексных показателей эффективности, характеризующих деятельность органа власти в целом, его структурных подразделений и служащих, недостаточно разработана, так как практическая реализация системы управления эффективностью находится на ранней стадии.

Как показывает практика, в федеральных органах исполнительной власти в основном применяются такие методы оценки как интервьюирование, письменная характеристика от непосредственного руководителя государственного гражданского служащего и тестирование.

Подводя итоги, можно отметить, что оценка эффективности на данном этапе не полностью характеризует каждого служащего и, следовательно, относительно слабо ориентирует его на повышение эффективности деятельности.

Прослеживается необходимость в разграничении методов оценки эффективности: для руководителей органов власти, где может применяться метод оценки «360 градусов» (оценка руководителя, его личной эффективности, управленческих навыков, различных подходов во взаимодействии с подчиненными, коллегами и обществом в целом) [6], а для остальных групп должностей — типовые методические инструментари, издаваемые в виде приказа руководителем данного органа государственной власти.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Борщевский Г. А. Коэффициенты объективной оценки эффективности государственной службы. *Управленческие науки*. 2016;(4):33–43.
2. Баскаева А. В. О совершенствовании оценки профессиональной деятельности государственных гражданских служащих. *Juvenis scientia*. 2017;(9):19–22.
3. Клищ Н. Н. Показатели эффективности и результативности профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих. Модернизация экономики и государство. Е. Г. Ясин, ред. Кн. 1. М.: ИД ВШЭ; 2007.

4. Переверзева А. А., Шуклинова М. В. Организация оценки и диагностики профессионально-личностных качеств государственных гражданских служащих. *Социально-экономические явления и процессы*. 2016;(9):76–81.
5. Турняк К. В., Шакина М. А. Модели профессиональных компетенций работников государственного и муниципального управления в условиях нового государственного менеджмента: отечественный и зарубежный опыт. *ARS ADMINISTRANDI*. 2012;(4):41–55.
6. Чехова О. Оценка руководителей: сфера финансов. *Справочник по управлению персоналом*. 2014;(11):55–60.

REFERENCES

1. Borschevsky G. A. Coefficients of objective assessment of the effectiveness of the state service. *Upravlencheskie nauki*. 2016;(4):33–43. (In Russ.).
2. Baskayeva A. V. On improving the assessment of professional activity of state civil servants. *Juvenis scientia*. 2017;(9):19–22. (In Russ.).
3. Klishch N. N. Indicators of efficiency and effectiveness of professional service activities of state civil servants. In: *Modernisation of the economy and the state*. E. G. Yasin, ed. Book 1. Moscow: HSE; 2007. (In Russ.).
4. Pereverzeva A. A., Shuklinova M. V. Organization of assessment and diagnostics of professional and personal qualities of state civil servants. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy*. 2016;(9):76–81. (In Russ.).
5. Turnyak K. V., Shakina M. A. Models of professional competencies of employees of state and municipal management in the conditions of new state management: domestic and foreign experience. *ARS ADMINISTRANDI*. 2012;(4):41–55. (In Russ.).
6. Chekhova O. Assessment of managers: the sphere of finance. *Spravochnik po upravleniyu personalom*. 2014;(11):55–60. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дмитрий Юрьевич Знаменский — кандидат политических наук, доцент кафедры Государственного управления и политических технологий, Государственный университет управления, Москва, Россия
belyferz@list.ru

Андрей Сергеевич Гусаров — студент 2-го курса магистратуры, Государственный университет управления, Москва, Россия
andreygusarov1@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Dmitry Yu. Znamenskiy — Cand. Sci. (Political Sciences), State University of Management, Moscow, Russia
belyferz@list.ru

Andrey S. Gusarov — Master of Art, State University of Management, Moscow, Russia
andreygusarov1@yandex.ru

Статья поступила 17.02.2020; принята к публикации 15.05.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 17.02.2020; accepted for publication on 15.05.2020.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-109-117

УДК 32(045)

Анализ политического поведения России после отмены договора о РСМД*

Цуй Чжэн^а, Ван Яцзе^б

^{а, б}Ляонинский университет, Китай

АННОТАЦИЯ

«Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности» между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки (далее – Договор о РСМД), заключенный во время холодной войны, более чем через три десятилетия прекратил свое действие. В нынешнем контексте конкуренции между великими державами его отмена влияет не только на военные планы двух стран, но и на реконструкцию региональных и глобальных стратегических планов, а также на будущее глобальной системы вооружений. На фоне значительных изменений в России после заключения Договора о РСМД ее политическое поведение демонстрирует сильную «ориентацию на безопасность»: на военном уровне она обновляет и модернизирует свои ядерные арсеналы и наращивает возможности сдерживания, а на дипломатическом прорвала западную блокаду, расширив партнерский круг. Объясняя причины появления у России ориентации на безопасность, автор статьи утверждает, что в формировании такого поведения играет роль геополитический нарратив. С другой стороны, инерция политического поведения России объясняется с точки зрения ее национальных особенностей. В конце статьи автор дает краткий прогноз поведения России относительно контроля над вооружениями.

Ключевые слова: неядерное сдерживание; Договор о РСМД; «Ориентация на безопасность»; геополитика; национальная идентичность

Для цитирования: Цуй Чжэн, Ван Яцзе. Анализ политического поведения России после отмены договора о РСМД. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(4):109-117. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-109-117

ORIGINAL PAPER

Analysis of Russia's Policy Behaviour after the Abolition of the INF Treaty**

Cui Zheng^а, Wang Yajie^б

^{а, б}Liaoning University, China

ABSTRACT

The “Treaty between the Soviet Union and the United States on the Elimination of Intermediate-Range and Shorter-Range Missiles” (after this referred to as the “Intermediate-Range Nuclear Forces – INF Treaty”), was an arms control treaty. This Treaty was abandoned after being extended for more than three decades. In the current context of competition among great powers, its abolition not only affects the military designs of the two countries but also impacts the reconstruction of regional and global strategic layouts, as well as the future of the global armament system. Against the background of significant changes in Russia's strategic security environment during the post-INF Treaty period, Russia's policy behaviour has exhibited a strong “security orientation”. That is, at the military level, it updates and upgrades its nuclear arsenals and continuously expands its deterrence options; at the diplomatic level, it has broken through the Western blockade by expanding Russia's partner circle. In explanation of the reasons for the emergence of “security-oriented” behaviour characteristics in Russia, this paper argues that geopolitical narration plays a role in shaping Russia's behaviour. On the

* Данная статья представляет собой поэтапный анализ на тему «Исследование основных изменений и последствий внутренней и внешней политики России после возвращения Путина на пост президента» (LNUJD 201702), крупного проекта ключевой исследовательской базы в области гуманитарных и социальных наук Министерства образования в рамках «13-го пятилетнего плана», созданного Ляонинским университетом, и «Исследования роли России в кооперационных отношениях Китая и США в период президентства Трампа» (L17BGJ004), финансируемых в рамках проекта Фонда планирования социальных наук провинции Ляонин в 2017 г.

** This paper is the phased research results of “Study on the Major Changes and Consequences of Russia's Domestic and Foreign Affairs after Putin Resumed as President” (LNUJD 201702), the major project of the key research base of humanities and social sciences of the Ministry of Education for “the 13th Five-year Plan” established by Liaoning University, and “Study on Russia's Role in the cooperation relationship of China and the United States during the period of Trump” (L17BGJ004), the fund project of Social Science Planning of Liaoning Province in 2017.

other hand, the inertia of Russia's policy behaviour is explained from the perspective of Russia's national characteristics, primarily as defined by its national identity. Finally, this paper gives a brief prediction of the future trend of Russia's behaviour and the arms control system in the post-INF Treaty period.

Keywords: non-nuclear deterrence; the INF Treaty; "security orientation"; geopolitics; national identity

For citation: Cui Zheng, Wang Yajie. Analysis of Russia's policy behaviour after the abolition of the INF Treaty. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(4):109-117. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-109-117

The signing of the INF Treaty was the result of the balanced strategic situation between the United States and the Soviet Union. In the mid-1970s, the Soviet Union achieved approximate strategic parity with the United States (<https://www.state.gov/inf>). During the late 1970s, the emergence and deployment of Soviet SS-20 medium-range missiles changed the security posture of the United States and the Soviet Union in Europe. Because the SS-20 missiles were mobile and with high-precision, they were able to be hidden and deployed quickly. They also had a numerical advantage over their SS-4 and SS-5 predecessors, that is, they could carry three independently aimed warheads, these weapons enhanced the deterrence posture of the Soviet Union in the European region and disrupted the strategic stability between the United States and the Soviet Union. Ground-launched ballistic missiles (GLBMs) and ground-launched cruise missiles (GLCMs) were acknowledged to be destabilising to Cold War Europe and Asia. They had the potential to precipitate and/or escalate a nuclear war between the East and West (<https://www.state.gov/inf-treaty-at-a-glanc>). The United States requested negotiations with the Soviet Union and signed another landmark treaty in the field of arms control in 1987 — the Treaty on the Elimination of Intermediate-Range and Shorter-Range Missiles (INF Treaty). In this Treaty the two parties stipulated the destruction of the U.S. and Soviet ground-launched ballistic and cruise missiles with a range capability between 500 and 5,500 kilometres, along with their associated launchers, support structures, and equipment, within three years after the Treaty entered into force in 1988 (<https://www.state.gov/inf-treaty-at-a-glanc>).

IMPLICATIONS OF THE ABOLITION OF THE INF TREATY

As a legacy of the Cold War, following the collapse of the Soviet Union in December 1991, the Contracting States to the INF Treaty legally changed from bilateral treaties between the United States and the Soviet Union to multilateral obligations jointly undertaken

by the United States and six former Soviet Republics (Russia, Belarus, Kazakhstan, Turkmenistan, Ukraine, and Uzbekistan). It would continue indefinitely. However, with the deterioration of US-Russian relations and the reality of the "new Cold War", the political role of the INF Treaty has been loathed by both the U.S. and Russia. Neither Russia nor the United States displayed much political will or persistence in seeking a compromise or taking unilateral steps to rescue the treaty [1].

The abolition of the INF Treaty, an arms control agreement that had been signed by two military powers, goes beyond the military security of the two countries and plays a role in promoting and restructuring the regional security situation and global arms control system.

Accelerate the R&D and deployment of US-Russian medium-range weapons and new weapons

The INF Treaty is not a nuclear arms control treaty in a strict sense. It also restricts cruise missiles with conventional warheads in a defined mileage range. Therefore, the inclination of the United States and Russia to bolster the conventional forces that had been restricted in the Treaty will inevitably become the focus of the national defence. Besides, the United States plans to deploy ground-based missile systems banned by the INF Treaty in Europe. However, "NATO Secretary-General Jens Stoltenberg has ruled out nuclear-armed intermediate-range missiles as a response to Russia's violation of the INF Treaty, but he has carefully left the door open for the deployment of conventionally armed missiles" [2].

The security pattern in Europe presents a balanced defensive posture

After the abolition of the INF Treaty, the United States and Russia can now deploy ground-launched cruise missiles and ballistic missiles within 500 to 5500 kilometres. It implies that Russia's missile range is back within the range of countries in Western Europe, North Africa, and the Middle East that the SS-20 can reach. In contrast, the U.S. and European missile

forces can cover most of mainland Russia. Without the INF Treaty, the potential for a new intermediate-range missile arms race in Europe and beyond becomes increasingly real [3]. As the attitudes of both sides are still under control and mutual deterrence still plays a role, the security pattern in Europe presents both an unstable trend of confrontation and a sufficient defensive posture.

Disintegrate the US-Russian arms control system and influence the reconstruction of the global arms control system

The abolition of the INF Treaty delivers the collective will of the United States and Russia to restrict the nuclear forces of other countries. However, whether these actions will inflict damage on the Strategic Arms Reduction Treaty, the only legally binding restriction on the two largest nuclear arsenals in the world, is related to the existence of the US-Russian arms control mechanism and the reconstruction of the global arms control system. We can see that the long-term stalemate between the United States and Russia over the future of the arms treaty will limit the space where the two sides can reach an agreement. The disappearance of the arms control mechanism between the United States and Russia is bound to reconstruct the global arms control system.

Against the background of intensified competition among major powers, a stalemate in US-Russian relations and the collapse of traditional arms control mechanisms, Russia's policy behaviour and its characteristics play a significant role in guiding the future trend of US-Russian relations and world security.

“SECURITY ORIENTATION” OF RUSSIA'S POLICY BEHAVIOUR

The dispute over the INF Treaty has been deadlocked since the Obama administration declared Russia's violation in 2014. On the other hand, since 2014 the Putin government has put forward a series of strategic ideas, such as the “Military doctrine of the Russian Federation”, “National security strategies of the Russian Federation”, “Foreign policy conception of the Russian Federation 2016”, and “Information Security Theory of Russia”. All those documents offer insights and suggestions about its national security and development, thereby coping with the deteriorating geopolitical environment. In the face of the possible missile deployment and military operations of the United States after the abolition of the INF Treaty, the “security orientation” of Russia's policy behaviour in the post-INF Treaty era has erupted intensively.

In terms of military deterrence, non-nuclear deterrence has turned into a strategic military priority

With the increasingly weak role of nuclear forces in exerting conventional deterrence and curbing conventional conflicts, Russia began to question the potential of nuclear weapons for safeguarding national security and providing “great power” status concerning its national strategic deterrence policy. One former chief of the General Staff even said that Russia's elevated focus on nuclear weapons in the 2000s was an inefficient deterrence strategy [4]. Since the likelihood of a future nuclear war is minimal, and the progress of science and technology has affected the change of the nature of the war, Putin stated that “as high-precision long-range conventional weapons become increasingly common, they will tend to become the means of achieving a decisive victory over an opponent, including in a global conflict” [5]. Since then, research on the deterrence effect of non-nuclear weapons has turned into the focus of Russia's military-strategic research, and the implications of Russia's strategic deterrence is continuously expanding.

In the “Military Doctrine of the Russian Federation” published in 2014, Russia formally introduced the concept of “non-nuclear containment” for the first time. “Nuclear containment” was a change in policy for meeting conventional threats with nuclear weapons, representing the first official declaration that Russia needed more deterrence options. Russian theorists defined the main purpose of non-nuclear deterrent tools to be the deterrence of conventional, small-scale and political threats [4].

After the United States withdrew from the ABM Treaty in 2002, Russia did not sit still in the face of the deployment of the global missile defence system promoted by the United States. In his “State of the Union” address in March 2018, Putin indicated that Russia had been engaged in advanced technologies and weapons' modernisation, after the United States undermined the ABM Treaty. He said that “the potential of Russian armed forces we have shown will sober the minds of any aggressor, and Russia's new strategic weapon system is a response to the withdrawal of the United States from the ABM Treaty” (<http://world.people.com.cn/n1/2018/0301/c418236-29842589.html>).

With NATO's eastward expansion and the implementation of the U.S. construction plan of a global missile defence system, two missile defence regions emerged in Eastern Europe, namely, Romania and Poland. In response, in his “State of the Union” address of March 2018, V. Putin also showed a high-

profile display of two new delivery systems and various high-tech weapons. It includes intercontinental nuclear-powered and nuclear-armed cruise missiles (e.g., “Sarmat”), ultralong-range nuclear-powered and nuclear-armed autonomous underwater vehicles (e.g., “Poseidon”), and hypersonic missiles (e.g., “Avangard” and “Dagger”). Conventional high-precision weapons constitute Russia’s offensive non-nuclear capabilities.

Russia’s limited nuclear deterrence and major non-nuclear deterrence constituted the general content of Russia’s military strategy in the post-INF Treaty period. The country’s attitude has undoubtedly toughened in the face of the military treaty vacuum and the collision of weapons deployments between the United States and Russia after the withdrawal of the arms control treaty. However, whether Russia’s deterrence plays a role is related not only to its military intentions and design but also to the response of the United States. At the very least, the Trump administration argued in its Nuclear Posture Review that a moderate U.S. replenishment of its military forces would enhance the diversity and flexibility of deterrence and undermine any false confidence — assuming that limited nuclear employment could provide a useful advantage over the United States and its allies — of potential enemies (<https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872877/-1/-1/1/EXECUTIVE-SUMMARY.pdf>).

On diplomacy, expanding diplomatic relations to break Western regulations

After the abolition of the INF Treaty, facing the accusations and countermeasures of Western countries headed by the United States, Russia maintained a calm and pragmatic attitude and simultaneously conducted diplomatic activities to breakdown Western barriers and ease Russia’s deteriorating diplomatic situation.

First, Moscow has repeatedly expressed its willingness to dialogue with the West, even though Russia is dissatisfied with the United States’ withdrawal from the INF Treaty. On August 22, 2019, the United Nations Security Council held its 8602nd meeting, the representative of the Russian Federation, Ambassador Polyansky, accused the United States of the negative impact on regional and world security after its withdrawal from the INF Treaty, stating that “For our part, we have always been ready to engage in any serious dialogue aimed at ensuring strategic stability and security” (https://www.un.org/zh/documents/view_doc.asp?symbol=S/PV.8602&Lang=E). Russian Foreign Minister Lavrov also indicated on September 5 that Moscow was willing to resume dialogue with Washing-

ton in a way with which the United States would feel comfortable at the present stage (<http://sputniknews.cn/politics/201909051029482117/>). However, the trend of domestic politics in the United States and the suspicion between the two countries will not be relaxed because one side makes advances, and the restoration of bilateral political relations will be a long and difficult process.

The significance of the Treaty lies not only in the combination of the deterrence scope of the United States and Russia in Europe but also in the fact that the security connotation and pattern constructed by its lasting existence will change significantly with the abolition of the Treaty. Despite Russia’s willingness to communicate, structural contradictions in security require political mutual trust as a prerequisite, and escalating conflicts, in reality, may not wait for the improvement of political relations.

Second, the export of military weapons and technologies has become an essential means for Russia to strengthen military and political ties with other countries and to ease Western diplomatic oppression.

For example, Russia and India have traditional ties of military cooperation as well as mutual support in geopolitical security. Although the United States strongly opposed the S-400 arms purchase agreement reached between Russia and India in 2018 and even persuaded India to abandon the arms purchase agreement by offering the F-35 stealth fighter (<http://military.people.com.cn/n1/2019/0610/c1011-31127511.html>), India still paid Russia in advance to purchase the S-400 air defence missile system in consideration of the stability of Russia-India arms sales cooperation and the integrity of its air defence missile system. Besides, it is worth noting that Serbia, which intends to join the E.U. but has maintained a cooperative attitude with NATO instead of joining, has also shown a certain willingness to cooperate with Russia on the arms purchase plan of the S-400 missile system.

Third, Russia strengthens competition with the West in the Middle East. With the deterioration of its relations with the West, the Middle East in the post-INF Treaty era has become a testing ground for the confrontation between Russia and the West. The crack in US-Turkish relations has become the fulcrum of Russia’s balance with the power of the United States and NATO in the Middle East during the post-INF Treaty period. As a reflection of the deteriorating relations and frequent geopolitical crises between the two countries, Turkey not only strongly opposed the “Jerusalem issue” supported by the United States on the Palestinian-Israeli is-

sue but also publicly denounced the United States for its withdrawal from the Iran Nuclear Agreement. Turkey's harsh geopolitical environment offered an important opportunity for Russia and Turkey to get closer. In the context of the abolition of the INF Treaty, the military ties between Russia and Turkey irked the United States. In July 2019, Turkey officially accepted the Russian S-400 air defence missile system, while the United States suspended the sale of F-35 fighters to Turkey and announced sanctions against that country as part of a strike against Russia-Turkey cooperation. Russian-Turkish arm sales deepened the cracks between the United States and Turkey and increased the variables related to the security situation and geopolitical pattern in the Middle East.

ANALYSIS OF THE CAUSES OF THE CHARACTERISTICS OF "SAFETY ORIENTATION"

There is no doubt that the withdrawal of the United States from the INF Treaty stimulated Russia's behaviour, leading to the intense outbreak of behavioural characteristics. It is worth noting that these behaviours and characteristics of Russia did not come into being after the abolition of the INF Treaty, or even when the United States announced its withdrawal from the Treaty. Therefore, to establish the analytical framework of Russia's behaviour, it is necessary to analyse not only the environment that shapes its behaviour but also the state characteristics that lead to the inertia of state behaviour.

The shaping effect of geopolitical narration on policy behaviour

Russia's geopolitical narrative has continued to play a role in its domestic policy behaviour. The geographical environment since the collapse of the Soviet Union has not only caused Russia's "fear" and "insecurity" but also become a key factor in the development path of Russia and other countries. It can be said that the development of Russia's geopolitical environment has strengthened the security value and force value in Russia's "great power" consciousness.

Geopolitical narratives since the collapse of the Soviet Union, such as the Kosovo War, NATO's eastward expansion, the Russia-Georgia War, and the ongoing Ukrainian crisis, have reinforced the concept of geopolitical confrontation in Russian society [6]. At the same time, the occurrence of these geopolitical events has shaped Russia's foreign behaviour patterns and its security connotation.

In March 1999, the United States and NATO bypassed the United Nations. They launched a 78-day

bombardment against the Federal Republic of Yugoslavia, which was an important step for Western countries headed by the United States to expand their sphere of influence and implement NATO's eastward expansion. For Russia, the outbreak of the Kosovo War showed that the new European security system was not based on the organisation for security and cooperation in Europe overall but only on the European Union and NATO [7]. This basis signified that Russia would not be able to participate in the important affairs of Eastern Europe, and the results of the Kosovo War led to the sharp withdrawal of Russian forces from the Balkans. After that, Russia introduced the National Security Concept of the Russian Federation in 2000, relinquishing the idea that the Russian security threats were mainly internal and that the nature of these threats was nonmilitary. It marked a fundamental change in Russia's judgment on war and peace as well as its concept of national security [8].

The outbreak of the Russia-Georgia conflict on August 8, 2008, led to Russia's first use of forces abroad since independence. For Russian countries, this war complicated relations between Russia and the CIS countries and triggered questions about the future development of the CIS and Russia's leadership [9]. The external environment that Russia faced after the Russo-Georgian War was not very favourable. The CIS suddenly raised its level of vigilance against Russia, the US-Russian relations once again cooled, and the E.U. launched the "Oriental Partnership" program. Subsequently, Russia adjusted its national policies. The "new look" military reform turned into a key measure for Russia to safeguard its national security.

The Ukrainian crisis in 2013 and Russia's resumption of control in Crimea in 2014 became turning points that affected US-Russian relations, which led to the complete cooling of relations between Russia and the West, as well as more severe sanctions against Russia and the constant upgrading of military defence by NATO. Ukraine became the biggest obstacle to Russia's influence in the CIS countries. The harsh geopolitical environment once again affected Russia's national policy. The promulgation of the "National Security Strategy of the Russian Federation" in 2015 reflected the connotation of Russia's geopolitical ideology. It clearly considered the United States and NATO as major threats to Russia's security and still regarded uniting the CIS countries as an important strategic direction for Russia. More importantly, as geopolitical thoughts are potential factors that stimulate nationalism, the Crimea inci-

dent led to the emergence of “post-Crimea consensus” in Russia. Russia’s patriotism and nationalism were continually rising in the face of economic sanctions, military threats and political propaganda of Western countries. They inspired the national will of Russia to support the resumption of its high power status.

In short, the geopolitical narrative of Russia has deepened the “insecurity” that naturally exists in the geopolitical characteristics of Russia. Whether it is the consistent toughness and innovation of the military or the ups and downs in political attitudes, Russia’s state behaviour and its characteristics are always conjoined with the eternal theme of “security”.

National attributes of Russia – Analysis from the Perspective of National Identity

It is necessary to know what kind of country Russia is before we get to know where Russia’s interests lie [10]. Exploring the attributes of Russia regarding such a way of thinking, we can find the specific logic behind Russia’s behaviour.

“National identity” is formed in self-cognition and the definition of the role of “others” or the external world. The understanding of Russian national identity should be realised not only from the perspective of “how Russia views Russia” but also from the standpoint of “how Russia views the external world”.

First, the recognition of Russia’s self-contradiction is the result of the dual effects of history and reality. The Slavs who grew up under the orthodox civilisation were so convinced of the power of tradition that Putin defined Russia as “the largest Orthodox country”. However, the impact of modern civilisation has put Russia on an unfamiliar and awkward path, and democracy has been the direction of national development under Putin. In an interview with NBC in June 2017, Putin stressed that “Russia is developing along the path of democracy” [11]. Faced with the state of the country to be governed, Putin expressed his concern about the current situation of Russia in his article “Russia at the Turn of the Millennium” published in 1999, “Russia is no longer a country that represents the highest level of economic and social development in the contemporary world; Russia is in the most difficult historical period for hundreds of years. It is probably the first time in nearly 200 to 300 years that Russia is actually in danger of turning into a second or third rate country in the world” [10]. His desire for a strong country resonated with the emotions of the Russian people and became an important reason for Putin’s rise to power. Putin’s election in 2000 opened Russia’s road to high

strength, and the “great power strategy” became the core connotation of Putin’s governance of Russia. On February 11, 2019, Surkov, Putin’s prominent think tank, published the article “Putin’s Long-Term Country”, which summarised Putin’s governing ideas and measures as “Putinism”. The article unabashedly explained many core contents of Putinism and pointed out that the essence of “Putinism” was exogenous, military and popular (https://www.guancha.cn/pangdapeng/2019_04_27_499387.shtml). Russia has broken away from the state of disintegration since the collapse of the Soviet Union and becomes a “unique country” with “underlying people”, strong endogeneity and robust external policies.

Second, Russia’s view of the external world is subject to the conundrum of “how Russia fits into the world”, which is essentially a conflict between what the world is and what Russia thinks it should be. After the collapse of the Soviet Union, Russia attained a deeper understanding that “the world is the unipolar hegemony dominated by the United States” and “national sovereignty” was endangered in the failure to pursue an equal partnership. Hard power has turned out to be an important means for Russia to gain respect from the West and defend national sovereignty. According to Bobo Lo, “any discussion on the ‘world in Moscow’s eyes’ will ultimately come down to the status of Russia in the international community at present and in the coming decades” [12]. Russia’s worldview has always been an extension of the core issue of national status. From the beginning of the Russia-Georgia War to the Ukrainian crisis, the interaction between Russia and Western countries not only improved the thinking on national status but also greatly influenced Russia’s external concept. Russia’s latest thought on the external world was summarised in the “Foreign Policy Concept of the Russian Federation 2016” issued by the Russian Ministry of Foreign Affairs in November 2016. Moscow believed that the world system had undergone the following changes and developments. First, the world was undergoing a series of profound changes, the essence of which was to form a multipolar international system, and the architecture of international relations was thus becoming more complex. The shift of leading global forces towards the Asia-Pacific region coincided with the decline of Western countries. Second, the development of diversity in the world had led to the intensification of contradictions, among which the competitive nature among different civilisations and different values was particularly prominent. “Against this background, the attempts to impose their own

values and standards on other countries have led to the rise of xenophobia and the growing impulse and contradictions in international affairs, which will eventually result in chaos and out of control in international relations.” The imposition of views and values by Western countries was a major cause of global and regional instability. Third, “with the increasing instability of the world political and economic system, the role of forces in state relations continues to increase as well” (https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/2542248). The risk of regional conflicts and crisis escalation was also increasing.

Russia’s understanding of its contradictions and negative perception of the external environment have shaped the national identity of Russia to be a “great power”. As the “imperial heritage” after the collapse of the Soviet Union, hard power and security have turned into the national characteristics of Russia.

RUSSIA AND ARMS CONTROL SYSTEM IN THE POST-INF TREATY ERA

Russia’s Judgment on U.S. Strategic Intentions

On the issue of the INF Treaty, Russia has three essential judgments about the United States, which affect Russia’s follow-up behaviours and future situation.

First, although views on the intention of the United States are divided in Russia, containment of China and Russia is the prevailing judgment. On October 20–22, 2019, at the 9th Beijing Xiangshan Forum, Russian Defense Minister Sergei Shoigu mentioned the reasons for the United States withdrawal from the INF Treaty: “we firmly believe that the real reason for Washington’s unilateral withdrawal from the INF Treaty is the containment of the People’s Republic of China and the Russian Federation” (<https://russian.rt.com/world/article/678977-shoigu-ssha-drsmd>). This view represents the prevailing view in Russia.

Second, the withdrawal of the United States from the INF Treaty has set off an arms race among the great powers. Russian President Putin stated on August 5, 2019, saying that the withdrawal of the United States from the INF Treaty meant the restart of an unstoppable arms race (<http://military.cctv.com/2019/08/06/ARTIpSK8IBq2zSP5t2oUrEk190806.shtml>). However, in the minutes released by the Kremlin on August 23, Putin indicated that Russia had never wanted and would not be involved in an expensive arms race that would be destructive to the Russian economy (<https://world.huanqiu.com/article/9CaKrnKmpF>). However, for its safety, Russia will take a “tit for tat” approach to U.S. actions.

Finally, Russia still needs to make efforts to restore trust and strengthen constructive dialogue on equality. At the Security Conference of the Russian Federation on August 23, Putin stated that Russia remained willing to engage in an equal and constructive dialogue with the United States to restore trust and strengthen international security. However, the rigid bilateral relations between Russia and the United States present significant difficulties in making this effort a reality.

Therefore, based on the above Russian judgment and follow-up actions on the INF Treaty, it can be predicted that there are two development trends of the arms control system. First, the old arms control system based on the United States and Russia will disintegrate; second, it is difficult to establish a new system of arms control on a multilateral basis. The security situation is highly uncertain under the influence of two factors, namely, the negotiation of the New Strategic Arms Reduction Treaty, the only bilateral Treaty regulating the world’s two largest nuclear stockpiles, and the new INF Treaty.

Russia’s policy and the prospect of its arms control system

In the context of deteriorating US-Russian relations, the arms control system established by the U.S. and the Soviet Union in the 1970s is also in danger. For nearly three decades after the collapse of the Soviet Union, Moscow and Washington have been struggling to find an alternative core, such as the New Strategic Arms Reduction Treaty [1]. However, the prospect of this old Treaty expiring in 2021 is not clear in the context of the collapse of the INF Treaty. On the Russian side, there is no lack of views that the withdrawal of the United States from the Treaty was intended to gain more initiative in the next negotiation of the New Strategic Arms Reduction Treaty. However, the reality is that the United States has expressed no interest in further negotiations. John Bolton, the former national security adviser to the president of the United States, argued that the extension of Russia’s last agreement on the limitation and reduction of nuclear weapons, the New Strategic Arms Reduction Treaty, to 2026 was not in the interests of the United States and was unlikely to be achieved [13]. Although Russia is adamantly opposed to the United States’ current attitude of not extending the Treaty, the trend of the Treaty is bound to be complicated and changeable in consideration of different positions within the United States on whether to extend the Treaty.

However, the mutual political suspicion between the United States and Russia has led to the collapse of the old system in the field of arms control. Because unrestricted arms control is dangerous to the entire world, the emergence of a new arms control mechanism not only conforms to the interests of all countries in the world but, more importantly, several development trends have proven that the emergence of a new arms control system is possible.

First, multilateral trends in the field of arms control will be considered. On February 5, 2019, Trump indicated in his State of the Union address defending the withdrawal of the United States from the INF Treaty that negotiations on the Treaty should be resumed and China and other countries should be included in the Treaty (<https://www.voachinese.com/a/us-china-russia-inf-20190206/4775601.html>). This trend is based on the proliferation and development of missile technology. Advances in technology have made the content of the Treaty less adaptable. As the basis for developing long-range missiles and launch vehicles, medium-range missile technology has been mastered by China, Pakistan, India, Israel, Iran, and North Korea, in addition to Russia and the United States. Since 2007, Russia has proposed promoting the multilateralisation of the INF Treaty, which has also been recommended by the United States. However, considering national security and political security, the response of other countries to this proposal is lukewarm. With the strengthening of its containment against China and the deepening of its confrontation with Russia, it has become a favourable choice for the United States to withdraw from the INF Treaty to consume Russia's strength and gain the initiative over China through the negotiation of a new INF Treaty.

Second, an arms control mechanism that focuses on quality rather than quantity is possible. This trend is based on the intellectual development of weapon technology. The development of new technologies has led to disputes between the United States and Russia over the types of weapons stipulated in the INF Treaty, such as Russia's objection to the technology of "UAV" used by the United States. This trend, however, complicates the conditions under which arms control can be achieved.

Although the envisioned future of the bilateral-based arms control field remains unclear, it is inevitable that international organisations and systems represented by the United Nations, including international public opinion, still play a role in the reconstruction of the global arms control system. International organisations such as the Conference

on Disarmament, the International Atomic Energy Agency, and the global partnership against the proliferation of weapons and materials of mass destruction have made many efforts in promoting nuclear weapon reduction and arms control. Although the contradictions between non-nuclear states and nuclear-weapon states, as well as among nuclear-weapon states, will continue for a long time, and the future of the global arms control system is still uncertain, disarmament and arms control still occupy essential positions in international affairs. The reconstruction of the arms control system is not only an objective need of the current global situation but also a necessary measure to promote international political stability.

CONCLUSION

International politics is in a period of significant change, development and turbulence, implying that in the short term, the international environment faced by Russia cannot provide a good foundation for its national development. This implication is an important reason for Russia's constant setbacks, but Russia still faces opportunities. The abolition of the INF Treaty has not only upgraded Russia's strategic power but also removed treaty restrictions on intermediate-range missile technology. The modernisation of Russian weapons is also increasing faster, and it also provides Russia with more strategic options. However, in the context of high power competition, the United States is also continually upgrading its strategic power. Although the old arms control system will collapse in the context of strategic imbalances, strengthening strategic stability with mutual fragility is still the theoretical premise for the realisation of arms control mechanisms, which means that to maintain strategic stability, arms control among major powers will still trend toward military power growth and confrontation in the short term. A new arms control mechanism will be a long and challenging task.

In other words, in the short term, the global arms race and the deployment of military operations are on the rise. Russia will not reduce its actions in military deployment and military exercises and will even give its military action more impetus through diplomatic activities. However, Russia is still ready for dialogue with the West. Behind these behaviours are not only Russia's "security" paradigm shaped by national characteristics and the geographical environment but also Russia's objective need to achieve national development and strive for the status of high power. The understanding of Russia can never be separated from the discussion of security.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Kortunov A. U.S. Withdrawal From the INF Treaty and the end of the Bilateral Era. URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/u-s-withdrawal-from-the-inf-treaty-and-the-end-of-the-bilateral-era/>.
2. Pifer S. The Death of the INF Treaty Has Given Birth to New Missile Possibilities. URL: <https://nationalinterest.org/feature/death-inf-treaty-has-given-birth-new-missile-possibilities-81546>.
3. Kimball D.G., Bugos S. The Post-INF Treaty Crisis: Background and Next Steps. URL: <https://www.armscontrol.org/issue-briefs/2019-08/post-inf-treaty-crisis-background-next-steps>.
4. Ven Bruusgaard K. Russian Strategic Deterrence. *Survival*. 2016;58(4):7–26.
5. Путин В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России. URL: <https://rg.ru/2012/02/20/putin-armiya.html>.
Putin V. Be strong: guarantees of national security for Russia. URL: <https://rg.ru/2012/02/20/putin-armiya.html>. (In Russ.).
6. Haoqi Z. Fate and Transcendence: The Significance of Geopolitics in Russian National Identity. *Russian Studies*. 2016;(6):23–59.
7. Guilin L. Russia's Strategic Adjustment after the Kosovo War. *International Data Information*. 1999;(8):15–18.
8. Ruiqin L. Changes and Reflections on Russia's National Security Strategy. *Leading Journal of Ideological & Theoretical Education*. 2017;(2):62–78.
9. Gao H. Anatomy of the Russia-Georgia conflict", *Peace and Development*. 2009;(2):14–19.
10. Dapeng P. An Analysis of 'Putinism'. *Russian, East European & Central Asian Studies*. 2016;(1):17–35.
11. Kong Q. The Formation and Development Trend of Russian National Identity. *Russian, East European & Central Asian Studies*. 2019;(4):76–91.
12. Bobo Lo. Two World Views and the Return of World Disorder: The New Hobbesian Imagination and the Functional Imbalance of Russian Diplomacy". *Russian Studies*. 2016;(2):62–99.
13. Караганов С., Суслов Д. Сдерживание в новую эпоху. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/sderzhivanie-v-novuyu-epokhu/?sphrase_id=31834758.
Karaganov S., Suslov D. Deterrence in a new era. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/sderzhivanie-v-novuyu-epokhu/?sphrase_id=31834758. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Цуй Чжэн — заместитель директора Исследовательского центра экономики и политики стран с переходной экономикой (РСЕРТС); старший преподаватель, Ляонинский университет, провинция Ляонин, Китай 494786744@qq.com

Ван Яцзе — аспирант Школы международных отношений, Ляонинский университет, провинция Ляонин, Китай

ABOUT THE AUTHORS

Cui Zheng — Deputy Director of the Research Center for the Economies and Politics of Transitional Countries (RCEPTC); Master Instructor of Liaoning University, Liaoning province, China 494786744@qq.com

Wang Yajie — Graduate Student in the School of International Relations of Liaoning University, Liaoning province, China

Статья поступила 17.05.2020; принята к публикации 15.06.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 17.05.2020; accepted for publication on 15.06.2020.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-118-124
УДК 323.172(045)

Баскский язык в испанском газетном дискурсе как инструмент поддержания политической идентичности

С.Ю. Дронова

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-7487-5091>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается вопрос использования слов на баскском языке в испаноязычных печатных СМИ. Гипотеза исследования: использование баскского языка в испанском газетном дискурсе имеет политическую подоплеку и напрямую связано с политическим курсом и чаяниями баскских властей. В ходе исследования был использован исторический метод, позволивший рассмотреть значение баскского языка для националистической борьбы региона с конца XIX в.; метод контент-анализа для выявления наиболее часто используемых в испаноязычных газетах баскских слов; метод количественного анализа использования данных слов в каждом из выбранных изданий за все время существования электронного архива; метод сравнительного анализа полученных данных, а также метод опроса посредством анкетирования. В результате исследования было выявлено, что все наиболее часто используемые в испаноязычных газетах баскские слова связаны с темой политики и могут быть переведены на испанский без потери смысла. Согласно данным общественного опроса, баскские слова в испанских газетах создают ощущение уникальности политических явлений, происходящих в Стране Басков, что способствует укреплению образа общности региона. Это служит одной из политических целей руководства Страны Басков – признанию басков нацией наравне с испанской, а также установлению особых партнерских межнациональных отношений между регионом и Испанией. Образ единой уникальной баскской нации может способствовать осуществлению давней мечты баскских националистов – объединению Баскской Земли (Страны Басков, части Наварры и французской Ипarrальдэ) по национальному признаку.

Ключевые слова: Испания; Страна Басков; эускера; национализм; Сабино Арана; газетный дискурс

Для цитирования: Дронова С.Ю. Баскский язык в испанском газетном дискурсе как инструмент поддержания политической идентичности. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(4):118-124. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-118-124

ORIGINAL PAPER

Basque in the Spanish Newspaper Discourse as an Instrument for Maintaining Political Identity

S. Yu. Dronova

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-7487-5091>

ABSTRACT

This article deals with the use of words in the language of Basques in Spanish-language print media. The research hypothesis was as follows: the use of Basque in the Spanish newspaper discourse has a political background and is directly related to the political course and aspirations of the Basque authorities. In the research, the authors used the historical method. It allowed considering the importance of the language of Basques for the nationalist struggle of the region since the end of the 19th century. The method of content analysis allowed identifying Basque words which are most frequently used in Spanish newspapers. It allowed the application of the method of quantitative analysis of the use of these words in selected publications for all the time of existence of the electronic archive. The author found the method of comparative analysis of the data obtained and the method of interrogation through questionnaires. As a result of the research, the author revealed that all the Basque words which are most often used in Spanish newspapers are related to politics and can be translated into Spanish without loss of meaning. According to the public opinion survey, the Basque words in Spanish newspapers create a sense of uniqueness of political phenomena occurring in the Basque

Country, which contributes to strengthening the image of the isolation of the region. It is one of the political goals of the leadership of the Basque Country – the recognition of the Basques as a nation equally with the Spanish nation, as well as the establishment of special partnership and relations between the region and Spain. The image of the unique Basque nation can contribute to the realisation of the old dream of Basque nationalists – the unification of the Basque Land (Basque Country, part of Navarra and French Iparralde) on a national basis.

Keywords: Spain; Basque Country; euskera; nationalism; Sabino Arana; newspaper discourse

For citation: Dronova S. Yu. Basque in the Spanish newspaper discourse as an instrument for maintaining political identity. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University.* 2020;10(4):118-124. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-118-124

Испания — многонациональная страна с единым официальным языком — кастильским, и четырьмя коофициальными языками в соответствующих автономиях [каталанским, баскским (эускера), галисийским и аранским]. Использование коофициальных языков, как правило, ограничено конкретной автономной областью или территорией, однако, очевидно, что единый кастильский язык формировался и развивался вместе со всеми языками и диалектами, существующими на территории Иберийского полуострова, поэтому изобилует заимствованиями. Но следует различать заимствования, ассимилировавшие в языке, и слова на региональных языках, использующиеся в кастильском в той или иной сфере в оригинальной форме.

Чаще всего с данным явлением можно столкнуться в печатных СМИ. По общепринятым законам журналистики и перевода, если у слова на региональном языке есть аналог в общегосударственном, следует использовать общегосударственный язык, если же слово на региональном языке не переводится и обозначает явление, свойственное только данному региону, это слово используется с пояснением. Но то, что мы сейчас наблюдаем в испанских общегосударственных печатных СМИ, — это использование оригинальной лексики на баскском языке, без перевода (хотя он существует), без выделения курсивом и чаще всего без пояснения. Мы считаем, что использование баскского языка в испанском газетном дискурсе имеет политическую подоплеку и напрямую связано с политическим курсом и чаяниями баскских властей.

Использование национальных слов для отражения региональных политических реалий не ново. К примеру, широко распространено использование местных названий для обозначения парламентов разных стран: Дума, Рада,

Бундестаг, польские Сейм и Сенат, израильский Кнессет, хорватский Сабор, сербская Скупщина.

Профессор МГИМО М. В. Ларионова справедливо отмечает, что язык политического дискурса является не просто описательным инструментом, но в большей степени манипулятором, «превращаясь в действенную силу, преобразующую социальное пространство» [1]. Объектом нашего же исследования стало политико-смысловое наполнение баскского языка, используемого в испанском газетном дискурсе.

Особый интерес вызывает использование именно баскской лексики в испаноязычных СМИ по той причине, что, в отличие от остальных коофициальных языков Испании, баскский язык не имеет латинских корней, а значит, слова из этого языка не созвучны испанским, об их значении нельзя догадаться, не владея языком.

Баскский язык, как и все региональные языки, был запрещен во времена Ф. Франко, его использование даже в быту, так же как и празднование национальных торжеств, преследовалось уголовно [2]. За эти десятилетия язык во многом был забыт — в особенности жителями больших баскских городов.

Значительный вклад в воссоздание языка внесло националистическое баскское движение во главе с Сабино Арана (1865–1903), который считается основателем ныне правящей Баскской Националистической Партии (Partido Nacionalista Vasco, PNV). Важным элементом националистического движения он считал язык. На первых этапах разработки своей доктрины он представлял язык как дифференцирующий нацию элемент, делающий ее особой и уникальной. Впоследствии же его взгляды стали более умеренными, и баскский язык остался лишь с функцией отделения басков от испанцев и иных наций. Сабино Арана является едва ли не самой важной фигурой той эпохи, он внес значимый вклад в понимание взаимосвязи

между культурой и политикой, и взял эту взаимосвязь за основу своей доктрины: «после его смерти политика региона неразрывна с языком басков» [3]. В то время баскский язык был в большей степени символом национализма, а не повсеместно распространенным инструментом общения. Все газеты тогда издавались на кастильском, иногда — с редкими колонками на баскском языке: население не владело эускера, а те, кто владел им на разговорном уровне, как правило, были безграмотны [4].

Баскская националистическая террористическая организация ЭТА, развила идею Араны о языке как политическом оружии, выступая против билингвизма и настаивая на «объявлении эускера как единственного официального национального языка на Баскской Земле» после «освобождения баскских территорий от испанцев» [5].

В 60-х гг. XX в. Баскская Земля (современная автономная область Страна Басков, баскофонная часть Наварры и Ипarrальдэ, баскофонная часть Франции) пережила первую волну миграции, которая вкупе с бэби-бумом привела к росту населения более чем в два раза [6]. Миграция способствовала сплочению баскского народа с целью сохранения своей национальной идентичности, к тому же постепенно росло возмущение против диктатуры, которая не только не могла поспособствовать сохранению баскской культуры и языка, но и препятствовала этому, даже несмотря на более лояльную политику в последние годы режима. Открывались первые негосударственные школы, в которых обучение велось на баскском языке, а также вечерние языковые школы, которые в данной политической обстановке служили не только языковыми образовательными центрами, но и местами собраний политической оппозиции. Со смертью Франко и установлением свободы прессы появилось множество газет и изданий, печатавших материалы, связанные с темами национализма и баскской идентичности. Большинство изданий баскской прессы печаталось на кастильском языке, чтобы их материалы смогло понять наибольшее число читателей [7]. Единственная отличительная черта газет в баскских регионах — обилие баскских слов в текстах на испанском языке. Все возможные понятия, которые были на слуху в регионе, писались на баскском языке, несмотря на то что сами материалы были на кастильском. К таким

понятиям можно отнести слова «школа», «правительство», «баскофонный», «язык басков», названия профессий и должностей.

За последние 25 лет количество баскофонных жителей Баскской Земли увеличилось на 223 000 человек, и, по данным за 2016 г., 55,4% молодых людей от 16 до 24 лет говорили на эускера, в возрасте от 25 до 34–39,7%, а среди людей, старше 65–20,4% [8]. Однако есть ряд слов и выражений на баскском языке, которые знают не только жители Страны Басков, баскофонной части Наварры и Ипarrальдэ, но и жители других автономных областей Испании. И речь идет не об устоявшихся заимствованиях, а о неологизмах, пришедших в кастильский сравнительно недавно, не устоявшихся в нем и не используемых в разговорной речи, с одной стороны, из-за сложности произношения и заимствования, а, с другой — из-за существования синонимов в испанском языке.

Для выявления баскских слов, используемых в кастильских печатных изданиях, мы провели контент-анализ 16 испанских газет с ежедневным охватом от 200 тыс. читателей. Из них 6 центральных общеиспанских изданий [El País, El Mundo, La Vanguardia (каталонская газета, имеющая статус национальной), La Razón, 20 Minutos], 10 региональных ежедневных газет (La Nueva España — Астурия, La Voz de Galicia — Галисия, Faro de Vigo — Галисия, Última Hora — Балеарские острова, La Verdad — Мурсия, El Norte de Castilla — Кастилья и Леон, El Día — Тенерифе, Ideal — Андалусия), в том числе две центральные испаноязычные газеты Страны Басков — El Correo и El Diario Vasco. Первичный анализ газет позволил выявить слова на эускера, используемые чаще всего в испаноязычной публицистике. Далее был проведен количественный анализ использования данных слов в каждом издании за все время существования электронного архива.

Самыми часто используемыми словами (по убыванию) стали Euskadi — самоназвание Страны Басков, ikurriña — баскский флаг, ertzaintza — баскская полиция, etarra — принадлежащий к террористической организации ЭТА или тем или иным образом связанный с ней, abertzale — баскские левые националисты, euskera — язык басков, lehendakari — председатель правительства Страны Басков, глава региона. Сравнительно менее популярными, однако, все еще часто используемыми баск-

**Наиболее часто употребляемые слова на баскском языке в испаноязычных газетах, по убыванию /
Most frequently used Basque words in Spanish newspapers, descending**

Центральные газеты			
	Страны Басков	Испании	автономий (кроме Страны Басков и Наварры)
1	Euskadi	Euskadi	Euskadi
2	Euskera	Etarra	Etarra
3	Ertzaintza	Abertzale	Abertzale
4	Lehendakari	Ertzaintza	Lehendakari
5	Abertzale	Lehendakari	Ertzaintza
6	Euskal Herria	Euskera	Euskera

Источник / Source: составлено автором/the author.

скими словами в испанском политическом газетном дискурсе являются Euskal Herria — Баскская Земля, euskaldun — баскофонный, ertzaina — полицейский, osakidetza — государственная медицина Страны Басков, kale borroka — уличные беспорядки.

Как мы видим, большинство этих слов имеют перевод и, несмотря на почти всегда присутствующую приписку «баскский», не являются уникальными терминами, не имеющими аналогов в других языках (в рассматриваемом случае — в испанском).

Конечно же, данные баскские слова не вытеснили их кастильский аналог из испанских газет. Так, слово Euskadi встречается в центральном испанском издании El País 12 616 раз, но его испанский и официально принятый вариант — País Vasco использовался за тот же период времени 61 434 раза.

Если рассмотреть отдельно частоту использования баскских слов в общегосударственных испанских газетах, региональных и испаноязычных баскских центральных газетах, можно

заметить, что наибольшее количество данных слов на газету наблюдается в баскских изданиях (246 255 на газету), далее следуют центральные испанские газеты (56 651) и меньше всего слов на баскском языке в региональных газетах (17 286). При этом издания Страны Басков и Наварры в категории «региональные» не учитывались. Закономерность вполне очевидна: в баскофонных регионах использование слов на региональном, но при этом имеющем статус официального языке даже в испаноязычных СМИ вполне допустимо; центральные периодические издания во многом подвержены влиянию центральных региональных газет, а также пользуются услугами журналистов, проживающих на определенных территориях. А газеты других, не баскофонных регионов, во-первых, уделяют не так много внимания баскским реалиям, а, во-вторых, находятся чуть в стороне от националистической борьбы басков и не столь подвержены баскской пропаганде, являясь лишь периферийным актором в этой борьбе.

При этом частота использования тех или иных слов из данного списка меняется в зависимости от группы (баскские издания, центральные испанские газеты и региональные газеты). В каждой группе мы выделили 6 наиболее часто употребляемых слов (см. *таблицу*).

Если набор слов в рейтинге у центральных испанских и региональных газет совпадает, а меняются лишь места в зависимости от частоты употребления, то в баскских газетах на шестом месте оказалось очень важное для региона понятие — Euskal Herria — Баскская Земля, вытеснившее *etarra* — члена организации ЭТА. Это легко объяснимо стремлением руководства Страны Басков пропагандировать национальную гордость, национальную идентичность, а баски склонны идентифицировать себя не просто со своей автономной областью, но со всей исторической Баскской Землей. При этом темные страницы истории, связанные с деятельностью террористической организации ЭТА, хоть и продолжают волновать испанское общество, но потихоньку (во многом намеренно) покидают страницы баскских газет, являясь очень болезненной темой для жителей региона. Тем же акцентированием внимания на национальной идентичности можно объяснить столь высокое место в рейтинге баскских газет слова *euskera* — язык басков.

Шесть наиболее популярных баскских слов в центральных испанских и региональных газетах одинаковы, что не удивительно, учитывая, что региональные газеты зачастую берут в пример стиль изложения и повестку центральных. Первые два слова в рейтинге — *Euskadi* и *etarra* — ожидаемы и уже достаточно прочно вошли в испанский язык, во многом благодаря легкости произнесения. Но идущие следом *abertzale*, *ertzaintza*, *lehendakari* используются в основном в письменной газетной речи и трудны для произнесения и запоминания для испаноговорящих.

Однако использование слов на региональных языках в целом не типично для испанских СМИ. Хотя наряду с политической лексикой на баскском языке в испанских газетах можно также встретить и ряд слов на каталонском. Несомненно, это обусловлено региональной политической повесткой дня и отражает актуальные политические процессы, происходящие в регионе и затрагивающие интересы государства. Так, в политический газетный

дискурс вернулись в связи с сепаратистским процессом 2017 г. такие каталонские слова, как *procés* (процесс борьбы за независимость), *Govern* (правительство) и *president* (премьер-министр). Однако очень важным различием между использованием данных слов и слов на баскском языке является лингвистическая близость каталонского и испанского. Так, *procés* переводится на испанский как *proceso*, *Govern* как *Gobierno*, а *president* как *president*, поэтому у испаноязычных читателей не составляет труда воспринимать эти слова в испанском тексте, в отличие от баскских слов. К примеру, *ikurriña* переводится на испанский как *bandera* (*vasca*), а *abertzale* как *nacionalistas* (*vascos*) или *izquierda* (*vasca*). Баскские слова не только не однокоренные кастильским, но и представляют проблемы в произнесении для испаноговорящих, имея несвойственную для романских языков фонетическую структуру.

В связи с этим мы провели опрос испанцев, проживающих в различных автономных областях страны (за исключением баскофонных Страны Басков и Наварры), с тем чтобы понять, действительно ли подобные слова на языке басков вызывают трудности в понимании испанского газетного текста у людей, не владеющих баскским. В ходе опроса были анкетированы 134 человека в возрасте от 16 до 66 лет. Большинство (62%) часто сталкиваются с баскскими словами в испаноязычных СМИ, при этом интересна реакция респондентов на это явление. Так, 39,2% из них отмечают, что им приходится задумываться о значении данных слов. Несколько человек добавили также, что их «интересуют иностранные языки», что демонстрирует восприятие баскского как иностранного языка. 38,8% респондентов утверждают, что использование баскских слов нормально и не вызывает у них никаких эмоций. 22% отметили, что это явление мешает им воспринимать информацию и раздражает, из них 5,6% задаются вопросом, почему эти слова не переводятся на кастильский язык в СМИ.

Важно отметить, что значительное количество респондентов (42%) считают, что баскские слова в испанских СМИ обозначают только явления, характерные для баскофонного региона и в связи с этим не имеющие аналога в кастильском языке. Как мы уже отмечали ранее, несмотря на кажущуюся уникальность тех явлений, которые так часто обозначаются

в газетах баскскими словами, все они имеют перевод на испанский язык. Однако мы считаем очень важным показателем мнение этих 42% респондентов, ведь это отчасти подтверждает нашу гипотезу об использовании баскского языка в испаноязычных СМИ в качестве орудия националистической борьбы: первый шаг — показать уникальность баскской нации (а не национальности, как это указано в конституции), убедив население страны в уникальности политических и социальных явлений региона. К этому же можно прибавить мнение еще 22,5% респондентов, отметивших необходимость использования баскских слов для того, чтобы подчеркнуть существующие различия в определенных явлениях политической и социальной жизни Баскской Земли и остальных регионов Испании. Столько же респондентов указали на необходимость перевода любых слов на баскском языке на кастильский, если есть такая возможность. Более того, один респондент указал на то, что слова на языке басков в испаноязычных СМИ — это неуважение к испаноязычным гражданам, составляющим большинство населения страны. Нашлись также и те испанцы (9%), кто считает, что рассматриваемые слова используются в качестве орудия в националистической борьбе басков.

Проявления современного баскского национализма далеки от каталонских митингов и референдумов, сейчас «баскский национализм находится в спячке из-за десятилетий насилия» [9], связанных с деятельностью националистической террористической организации ЭТА. Большинство политических деятелей региона, придерживающихся националистических взглядов, хотя и не отрицают конечной сепаратистской цели, однако сходятся во мнении, что сейчас баскский национализм находится в стадии аккумуляции сил. На данный момент национализм Страны Басков имеет скорее идеологическую направленность на самостоятельность в рамках единого с Испанией государства, чем на этническое-государственное обособление. Регион требует признания басков самостоятельной нацией и для этого старается всячески подчеркнуть свою «особость» и непохожесть на остальные регионы страны. Но, с другой стороны, Страна Басков и так на особом счету у Мадрида и вместе с Наваррой не участвует наравне со всеми в фонде перераспределения бюджетных средств — они нахо-

дятся на особом фискальном режиме, который позволяет им сохранять почти все средства внутри региона, чем недовольны многие автономии Испании. Экономическая выгода таких отношений становится очевидной.

Таким образом, получается, что подчеркивать своего рода обособленность Страны Басков от остальной Испании для рядового испанца выгодно не только самому региону, но и Мадриду: Страна Басков делает еще один шаг к обретению статуса нации (что, однако, невозможно без изменения Конституции), а Мадрид не вступает в полемику об обоснованности фискального режима.

На наш взгляд, использование баскского языка в испаноязычном политическом дискурсе — достаточно эффективное, хотя и долгосрочное, средство в баскской националистической стратегии. Как видно из нашего исследования, испаноязычные граждане страны считают, что слова на баскском используются для обозначения уникальных, свойственных только данному региону явлений, что, как мы выяснили, не совсем так. Надо понимать, что пройдет немало времени, прежде чем эти баскские неологизмы войдут в испанский язык и выйдут за пределы политического газетного дискурса. Конечно, уже сейчас некоторые политологи и журналисты стараются адаптировать сложные для восприятия слова на эускера, добавляя к ним испанские суффиксы и окончания (*ikurriñístico*) или ставя ударения по правилам испанского языка (*euskaldún*) вместо того, чтобы перевести эти слова на испанский. Однако использование лингвистических инструментов в политической борьбе — это крайне долгий процесс.

Сейчас наблюдается планомерное создание образа уникальной баскской идентичности, отличной от остальных национальностей, проживающих на территории Испании, не только своей историей и языком, но и политическим и социальным строем. Всеобщее признание басков особой этнополитической группой — один из шагов к изменению Конституции и формата отношений между Страной Басков и Испанией для последующей реализации масштабного плана баскских националистов по объединению басков Наварры, Франции и Страны Басков и воссозданию исторической Баскской Земли по национальному признаку — в составе Испании или же в качестве самостоятельного государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Ларионова М.В. Язык и политика в коммуникативном пространстве испанского политического дискурса. *Вестник МГИМО*. 2011;2(17):215–220.
Larionova M. V. Language and politics in the communicative space of the Spanish political discourse. *Vestnik MGIMO = Bulletin of the Moscow State Institute of International Relations*. 2011;2(17):215–220. (In Russ.).
2. Montrul Silvina. *El bilinguismo en el mundo hispanohablante*. Wiley-Blackwell; 2013.
3. Hernández Juan Antonio. Un estudio analiza la influencia de Sabino Arana en la lengua y la cultura vascas. URL: https://elpais.com/diario/2004/10/29/paisvasco/1099078809_850215.html.
4. Elkartea Garabide. *Los medios de comunicación. La recuperación de euskera III*. Gipuzkoa: Garabide; 2010. 72 p.
5. De Pablo Santiago. *Lengua e identidad nacional en el País Vasco: Del franquismo a la democracia*. Christian Lagarde (dir.) *El discurso sobre las “lenguas españolas” (1978–2008)*. Presses universitaires de Perpignan; 2009. 286 p.
6. Picavea Salbide Pedro. *La población del País Vasco: pasado, presente y futuro*. URL: <http://www.ingeba.org/lurralde/lurranet/lur16/16picav/16picav.htm>.
7. Mugika Balanzategi Mertxe. *La recuperación del euskera: con esfuerzo, será posible*. URL: <http://www.revistapueblos.org/blog/2016/08/09/la-recuperacion-del-euskera-con-esfuerzo-sera-posible/>.
8. *Uso del euskera tanto o más que del castellano entre la población de la C.A. de Euskadi (>= 16 años) por el ámbito de uso (%)*. URL: http://www.eustat.eus/elementos/ele0009500/Uso_del_euskera_tanto_o_mas_que_del_castellano_entre_la_poblacion_de_la_CA_de_Euskadi__16_anos_por_el_ambito_de_uso_/tbl0009570_c.html.
9. Villameriel Miguel. *El nacionalismo vasco rediseña su estrategia ante la crisis catalana*. URL: <https://www.diariovasco.com/politica/nacionalismo-vasco-redisena-20180401000403-ntvo.html>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Светлана Юрьевна Дронова — старший преподаватель Департамента языковой подготовки, старший преподаватель Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
SYDronova@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Svetlana Yu. Dronova — Senior Lecturer, Department of Language Training, Department of Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia
SYDronova@fa.ru

Статья поступила 10.05.2020; принята к публикации 10.06.2020.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 10.05.2020; accepted for publication on 10.06.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-125-130
УДК 325.1(045)

Трансформация миграционных процессов в субъектах Уральского федерального округа и их влияние на демографическую и этнокультурную безопасность региона*

В.Ю. Леденева

Финансовый университет; Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН;
ФАДН России, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-9478-2917>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается демографическая и этнокультурная безопасность как многоаспектное явление, связанное с существованием различных социокультурных взглядов и мировоззренческих установок народов, исторически совместно проживающих на территории России. В Уральском федеральном округе (УрФО) демографическая ситуация характеризуется такими же тенденциями, что, и в целом по стране, однако главной особенностью региона является приграничный статус трех из шести субъектов УрФО. Автором рассмотрены признаки этнодемографических трансформаций и воздействие миграционных факторов на ситуацию в регионе. На основе статистических данных автор исследует миграционную ситуацию в УрФО, в том числе, с учетом показателей межнациональной напряженности (МН) в различных субъектах УрФО и обосновывает предположение о непосредственном влиянии на межэтническую напряженность миграционных процессов.

Ключевые слова: демографическая и этнокультурная безопасность; миграция; межэтнические конфликты; миграционная политика; региональные органы власти

Для цитирования: Леденева В.Ю. Трансформация миграционных процессов в субъектах Уральского федерального округа и их влияние на демографическую и этнокультурную безопасность региона. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(4):125-130. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-125-130

ORIGINAL PAPER

The Transformation of Migration Processes in the Regions of the Ural Federal District and their Influence on Demographic and Ethnocultural Security of the Region**

V. Yu. Ledeneva

Financial University; Institute of Demographic Studies FNECS RAS;
Federal Agency for the Affairs of Nationalities, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-9478-2917>

ABSTRACT

In this article, the author considers demographic and ethnocultural security as a multidimensional phenomenon associated with the coexistence of various sociocultural views and outlooks of peoples historically living together in Russia. In the Urals Federal District, the demographic situation is characterized by the same trends as in the country as a whole. However, the main feature of the region is the cross-border status of three of the six constituent

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

** The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budget funds under the state task of the financial University.

entities of the Urals Federal District. Based on statistical data, the author explores the migration situation in the Ural Federal District, problems and trends in the development of interethnic relations at the regional level. The author substantiates the assumption about the direct impact of migration processes on the demographic and ethnocultural security of the region.

Keywords: demographic and ethnocultural security; migration; interethnic conflicts; migration policy; regional authorities

For citation: Ledeneva V. Yu. The transformation of migration processes in the regions of the Ural Federal district and their influence on demographic and ethnocultural security of the region. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(4):125-130. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-125-130

АКТУАЛЬНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ

Межэтнические отношения в полиэтнических системах, какими является большинство регионов Российской Федерации, заслуживают особого внимания и изучения. На демографическую и этнокультурную безопасность региона наибольшее влияние оказывают изменение демографического баланса региона и трансформация миграционных процессов.

Демографическая ситуация в обществе не просто отражает происходящие социально-экономические процессы и изменения в социальной системе общества, но и оказывает на них определенное воздействие, поскольку создает условия для серьезного воздействия на развитие конфликтогенных процессов, в первую очередь связанных с межэтническими конфликтами. Неблагополучная демографическая ситуация становится угрозой для развития региона — снижается рождаемость, увеличиваются показатели смертности, как результат, возникает дефицит трудовых ресурсов.

В России демографическая угроза выражена в постепенном сокращении населения. По данным Росстата, в 2019 г. естественная убыль населения составила 99 712 чел. (<https://showdata.gks.ru/report/278928>). Население России постепенно сокращается не только из-за низкой рождаемости, но и по причине массового выезда российских граждан за рубеж. По мнению профессора О. Д. Воробьевой, «По официальной статистике, эмигрируют в среднем 50 тыс. человек в год. Но эту цифру можно смело умножить на 4, и получится более реальная — 200 тыс. эмигрантов в год» [1]. Эту ситуацию можно охарактеризовать не просто как демографическую угрозу, а как катастрофу, которая при определенных условиях может привести к кардинальному изменению демографического и национального состава определенных регионов России.

НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМАМ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В XXI в. демографическая безопасность рассматривается многими странами как многоаспектное явление, которое чаще всего негативно влияет на социальное и экономическое развитие страны. В научном дискурсе сложилось несколько определений демографической безопасности, которые трактуются неоднозначно. В числе угроз демографической безопасности — непропорциональное соотношение между рождаемостью в этнических группах и численностью этих групп.

Одно из первых определений понятия «демографическая безопасность» принадлежит ученому — основателю миграциологии Л. Л. Рыбаковскому. Еще в 2001 г. он писал, что демографическая безопасность «такое состояние демографических процессов, которое достаточно для воспроизводства населения без существенного воздействия внешнего фактора и обеспечения людскими ресурсами геополитических интересов государства для реализации его геополитических интересов» [2].

А. И. Кузьмин считает, что демографическая безопасность — это «прежде всего совокупность процессов естественного и механического (миграция) движения населения. Массовые миграционные передвижения могут являться причиной межкультурных противоречий» [3].

Для А. И. Гурова демографическая безопасность — это «потенциальная способность общества сохранять свой национальный генофонд и наращивать его в соответствии с теми нормами, которые характеризуют средний мировой уровень» [4]. Автор выделял несколько видов национальной безопасности, каждая из которых имеет свои специфические грани и свой предмет изучения: военная, экономическая, социальная и др.

В коллективном фундаментальном труде «Миграция и безопасность» отечественные исследователи С. Панарин и Г. Витковская рассматривают этническую миграцию как «совокупность миграционных потоков, в каждом из которых численно преобладают люди с общей (или близкой) этнической самоидентификацией, перемещающиеся из одного этнокультурного ареала в другой, самоотчуждающиеся от отпускающего либо принимающего общества и/или отчуждаемые одним из них, а то и обоими вместе» [5].

Краткий обзор научных положений о сущности демографической и этнокультурной безопасности показал единство авторов во мнении о том, что развитие и жизнеспособность любого государства связана с демографическими и миграционными факторами: численностью населения, возрастно-половой и семейной структурой, качеством здоровья и продолжительностью жизни, показателями смертности и трансформацией миграционных процессов.

РОЛЬ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ИЗМЕНЕНИИ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОГО БАЛАНСА РЕГИОНА

Отсутствие контроля за миграционными процессами в регионе или стране может явиться причиной нарастания конфликтного потенциала в сфере межэтнических отношений, а стихийно формируемые миграционные потоки — привести к открытому межэтническому противостоянию.

Анализ миграционной ситуации в последние несколько лет показывает постепенное увеличение количества прибывающих в Россию мигрантов. Миграционная политика, направленная больше на социально-экономические задачи, упускает решение вопросов национальной безопасности.

Нельзя не согласиться с В.И. Пантиним, утверждающим, что «такая политика приведет к тому, что к 2025 г. в России около трети населения будут составлять инокультурные мигранты, что чревато ростом конфликтов на межнациональной и межконфессиональной почве. Иммигранты и их потомки сохраняют многие из особенностей семейного и демографического поведения, ценностных ориентаций. Этнический состав современной России в результате миграционных инокультурных потоков значительно изменился за последние десятилетия» [7].

В то же время необходимо понимать, что не каждое этнодемографическое воздействие способно спровоцировать конфликтную ситуацию. Это возможно только при ярко выраженном воздействии, существенно влияющем на состояние демографического баланса в регионе. Межэтнические конфликты сами по себе не возникают, и изменение численности населения также не является конфликтогенным фактором, но если на изменение численности накладывается ситуация экономического кризиса, социальной напряженности в регионе, отсутствие адекватной проводимой региональными властями политики, все это в совокупности может привести к резкому возрастанию конфликтных ситуаций.

Признаками демографических и этнокультурных изменений могут являться: концентрация на территории этносов с иной культурой, ценностями и традициями в результате массовых миграционных перемещений; конкуренция различных этнических групп на рынке труда, за рабочие места; социально-экономическое неравенство христианского и мусульманского населения.

На фоне количественного роста мигрантов происходят качественные изменения в их поведении. В первую очередь это возрастание социальной агрессии, проявления пренебрежительного отношения к России и ее коренным жителям, рост преступности в среде мигрантов, их слабая социокультурная адаптация, проблема изучения мигрантами русского языка. Все это порождает рост негативного отношения к мигрантам со стороны коренного населения, что подтверждается многочисленными обращениями российских граждан в государственные органы разного уровня власти.

ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В УРАЛЬСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА МИГРАЦИОННЫЕ И МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Уральский федеральный округ (УрФО) является одним из территориальных объединений Российской Федерации, и демографическая ситуация в нем характеризуется такими же тенденциями, что и в целом по стране. В 2018 г. продолжался отток населения из субъектов УрФО. По данным Росстата, на 1 января 2019 г. в регионе проживали 12 350 122 чел., общий прирост населения составил 6107 чел., в том числе естественный прирост —

110 чел., миграционный прирост — 6217 чел. (<https://www.gks.ru/folder/210/document/12994>).

Из шести субъектов УрФО половина имеет прирост населения. Это Тюменская область с общим приростом населения 19916 чел., Ханты-Мансийский автономный округ (прирост 8721 чел.) и Ямало-Ненецкий автономный округ (прирост 2932 чел.). Остальные субъекты: Курганская, Свердловская и Челябинская области имели отрицательный прирост населения. Отрицательный прирост населения и в Свердловской области — одном из крупнейших субъектов УрФО по численности населения и масштабу индустриальной экономики со столицей г. Екатеринбург: в 2018 г. 9557 чел.

По данным ГУВМ МВД России, в 2019 г. в УрФО поставлены на миграционный учет 1 142 255 чел. (что на 20 005 чел. меньше, чем в 2018 г.), из них с целью работы 352 504 чел., что немного меньше, чем в 2018 г. (<https://xn -- b1aew.xn -- p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya>).

Наиболее привлекательные регионы для трудовых мигрантов: Свердловская, Тюменская и Челябинская области, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО.

Свердловская область — первая по количеству поставленных на учет мигрантов среди регионов УрФО в 2019 г. Всего прибыли 381 501 тыс. иностранцев, из них с целью работы — 126 845 чел. Подавляющая часть мигрантов — жители стран СНГ.

Больше всего миграционный прирост дают граждане Таджикистана и Казахстана, и это не удивительно, так как 3 субъекта округа: Курганская, Тюменская и Челябинская области являются приграничными с Казахстаном регионами; далее следуют граждане Узбекистана и Азербайджана.

На территории Челябинской области зафиксировано около 10 муниципальных образований, в которых сформировались места компактного проживания иностранных граждан и лиц без гражданства. В местах компактного проживания селятся преимущественно граждане Таджикистана, Азербайджана, Узбекистана, Кыргызстана и Китая, в меньшей степени — граждане Казахстана, Армении, Молдовы, Украины и Вьетнама. С учетом приграничного статуса Челябинской области, большой проблемой региона являются неконтролируемые потоки нелегальной миграции, которые оказывают существенное влияние на межнациональную ситуацию в регионе, несмо-

тря на то что официальные данные достаточно умеренные.

В целом на территории округа не наблюдается межнациональных проблем, и мигранты успешно адаптируются к новым условиям пребывания, тем не менее, можно отметить наличие ряда разнонаправленных тенденций и сложных ситуаций.

Продолжает расти количество мигрантов из стран СНГ. В 2019 г. прибыло в 2 раза больше жителей СНГ, чем год назад. При этом 72% остаются, остальные уезжают домой (<http://fadn.gov.ru>).

В то же время следует отметить, что в составе УрФО находятся два субъекта, имеющие показатели межнациональной напряженности (МН) значительно ниже общероссийского значения, которое в 2018 г. составляло 79,1%, при этом критический порог оценивается в 70% в Свердловской области и Ханты-Мансийском автономном округе (ХМАО) — Югре. В течение 2019 г. показатели МН в обоих регионах снизились по сравнению с 2018 г.: в Свердловской области с 74,8 до 71,0; в ХМАО — с 68,8 до 64,8. Данная тенденция представляется тревожной, так как отражает отношение местного населения к прибывающим в регион мигрантам. Особенно это касается ХМАО — Югры — региона, который занимает второе место с конца в общероссийском рейтинге как по показателю МН, так и по показателю МК (межнациональные конфликты) (<http://fadn.gov.ru>).

В Ямало-Ненецком АО и Челябинской области в последнее время также обострился вопрос об усилении конфликтогенного фона в сфере межэтнических отношений. Среди факторов, вызывающих межэтническую напряженность, фактор «значительное увеличение доли мигрантов» к 2019 г. перешел по своей значимости со второго места на первое. При опросах респондентами отмечено увеличение мест компактного проживания граждан Таджикистана, Азербайджана, Узбекистана, Кыргызстана и Китая.

Проблема нарушения национального баланса в УрФО с каждым годом становится более заметной. Русское и славянское население сокращается, местные жители выезжают в Центральные регионы России, а округ быстро заполняется мигрантами из Средней Азии и стран Закавказья: это азербайджанцы, армяне, киргизы, таджики, узбеки. С увеличением потока мигрантов традиционно христианские культурные отношения трансформируются в мусульманские, так как основная масса прибывающих мигрантов исповедуют ислам.

РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

В условиях изменения этнической среды особую значимость приобретает инициативная роль органов власти субъектов УрФО.

В Ямало-Ненецком АО и Челябинской области на заседаниях консультативных и совещательных органов с привлечением представителей национальных общественных объединений, в том числе сообществ мигрантов, рассматриваются вопросы социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов.

В муниципальных образованиях Ямало-Ненецкого АО разработаны планы дополнительных мер по организации адресной профилактической работы в образовательной сфере, молодежной среде и среди иностранцев, находящихся на территории муниципальных образований в автономном округе, в том числе трудовых мигрантов.

Власти Ямала выделили Ямальскому району субсидии для помощи коренным жителям — 27,5 млн руб. Об этом говорится в постановлении правительства Ямала от 15 апреля 2019 г., опубликованном на официальном сайте администрации округа. В документе конкретные мероприятия, на которые можно потратить деньги, не описаны, но отмечено, что они должны пойти на «меры по укреплению межнационального и межконфессионального согласия, поддержку и развитие языков и культуры народов России, проживающих на территории района, реализацию прав коренных малочисленных народов и др. национальных меньшинств, обеспечение социальной и культурной адаптации мигрантов, профилактику межнациональных конфликтов».

Учитывая, что большое количество мигрантов прибывают в ЯНАО из стран, исторически и традиционно исповедующих ислам, профилактическая работа в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства осуществляется во взаимодействии с Региональным духовным управлением мусульман автономного округа — центром объединения местных мусульманских организаций, действующих на территории автономного округа.

В целях урегулирования правового положения лиц, не имеющих действительных документов, удостоверяющих личность, а также принятия действенных мер по легализации трудовых мигрантов при Управлении по вопросам миграции ГУ МВД России по Челябинской области дейст-

вует рабочая группа по содействию интеграции иностранных мигрантов в российское общество.

На базе Центра народного единства на территории Челябинской области реализуется программа социокультурной адаптации и интеграции мигрантов, которая предусматривает организацию клубов изучения родного языка.

Миграционный поток прибывших иностранцев в Югру за 2019 г. сократился почти на 10%. Всего миграционная служба ХМАО зафиксировала оказание 197 тыс. услуг по постановке на миграционный учет. При этом более чем на 10% снизилось количество тех, кто прибыл в Югру впервые. Продливших срок пребывания в ХМАО и зарегистрированных как временно проживающие также стало меньше. Основной целью въезда для 70% иностранных граждан по-прежнему является осуществление трудовой деятельности (<https://ugra.mk.ru/economics/2019/04/23/v-khantymansiyskiy-avtonomnyy-okrug-stalopriezzhat-menshe-migrantov.html>).

Содействие некоммерческим организациям, участвующим в реализации социально значимых мероприятий, направленных в том числе на противодействие социальной исключительности мигрантов, пространственной сегрегации и формированию этнических анклавов, в ХМАО оказывается в рамках государственной программы «О государственной политике в сфере обеспечения межнационального согласия, гражданского единства, отдельных прав и законных интересов граждан, а также в вопросах обеспечения общественного порядка и профилактики экстремизма, незаконного оборота и потребления наркотических средств и психотропных веществ в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре в 2018–2025 годах и на период до 2030 года» посредством предоставления грантовой поддержки и премии губернатора ХМАО «За вклад в развитие межэтнических отношений».

Разработанная в ХМАО государственная программа Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Социальное и демографическое развитие», утвержденная постановлением Правительства ХМАО — Югры от 05.10.2018 № 339-п, предполагает, что важным критерием стабильности и неконфликтности межэтнических отношений в автономном округе является естественный прирост населения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблематичность обеспечения демографической и этнокультурной безопасности многонациональ-

ной России заключается в том, что увеличение числа мигрантов с иной культурой делает все более значимыми проблемы их социокультурной адаптации и интеграции. В этих условиях государственная миграционная политика должна ориентироваться на привлечение лояльных к стране и к региону мигрантов. Особый приоритет должен отдаваться соотечественникам и иностранным студентам, готовым интегрироваться в российское общество. Мигранты, проживая на территории

тех или иных районов, должны учитывать особенности региона, соблюдать традиции и нормы поведения, принятые в обществе. Необходимо усилить контроль за въездом мигрантов, внести изменения в законодательство в части миграционных режимов и более эффективного контроля за прибывающими иностранцами. Важной составляющей должна стать их социокультурная адаптация, формирование у них ментальности, максимально приближенной к гражданам России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Богданова Т. Профессор кафедры демографии МГУ: из России эмигрируют самые сливки. Аргументы и факты. 25.02.2020.
2. Рыбаковский Л. Л. Демографическая безопасность: геополитические аспекты. *Народонаселение*. 2004;(1):22–34.
3. Кузьмин А. И. Социально-демографическая дифференциация потребителей информационной культуры. Publishing House «Economic Education» Moscow 2015. М.; 2015.
4. Гуров А. И. Национальная безопасность и права человека. URL: <http://www.duma.gov.ru/search/kmpage/80200016/arc3/public/21.html>.
5. Пантин В. И. Социально-демографические и цивилизационные сдвиги в современном мире: причины и следствия. *История и современность*. 2014;1(19):34–45.

REFERENCES

1. Bogdanova T. Professor of Department of Demography from Lomonosov Moscow State University: The toffs are emigrating from Russia. Argumenty i fakty. 25.02.2020. URL: https://aif.ru/society/people/professor_olga_vorobyova_uezzhayut_molodye_obrazovannye_nebednye. (In Russ.).
2. Rybakovsky L. L. Demographic security: geopolitical aspects. *Narodonaselenie*. 2004;(1):22–34. URL: <http://rybakovsky.ru/stati1a8.html>.
3. Kuzmin A. I. Socio-demographic differentiation of consumers of information culture. Moscow: Economic Education; 2015.
4. Gurov A. I. National Security and Human Rights. URL: <http://www.duma.gov.ru/search/kmpage/80200016/arc3/public/21.html>.
5. Pantin V. I. Socio-demographic and civilizational shifts in the modern world: causes and effects. *Istoriya i sovremennost'*. 2014;1(19):34–45.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Виктория Юрьевна Леденева — доктор социологических наук, доцент, профессор Департамента социологии, истории и философии, Финансовый университет; главный научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН; советник ФАДН России, Москва, Россия
vy.ledeneva@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Viktoriya Yu. Ledeneva — D. Sc. (Sociology), Associate Professor, Department of Sociology, History, and Philosophy, Financial University; Chief Researcher, Institute of Demographic Research, Russian Academy of Sciences; adviser at Federal Agency for the Affairs of Nationalities of Russia, Moscow, Russia
vy.ledeneva@yandex.ru

Статья поступила 20.04.2020; принята к публикации 10.05.2020.

Автор прочтала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 20.04.2020; accepted for publication on 10.05.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-131-136
УДК 659(045)

Исследование специфики профессиональной деятельности в сфере В2В-коммуникаций

К.М. Алексеева

Финансовый университет, Москва, Россия;
Коммуникационное агентство Fresh Russian Communications, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-7913-9843>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию специфических особенностей профессиональной деятельности в сфере В2В-коммуникаций. В ней проводится обзорный анализ исследования российского рынка В2В-коммуникаций как одной из самых перспективных сфер деятельности для выпускников гуманитарных специальностей российских учебных заведений. Анализ исследования В2В Communication Vector 2020, проведенного Российским коммуникационным агентством в 2019 г., позволил выявить специфику деятельности специалистов по связям с общественностью и маркетинговым коммуникациям в сегментах В2В различных коммерческих организаций. В статье приводятся основные результаты исследования, которые сравниваются с результатами исследований, проведенных на западных рынках, рассматриваются различные точки зрения российских специалистов, практикующих связи с общественностью в бизнесе.

Ключевые слова: PR; связи с общественностью; маркетинговые коммуникации; В2В; исследование

Для цитирования: Алексеева К.М. Исследование специфики профессиональной деятельности в сфере В2В-коммуникаций. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(4):131-136. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-131-136

ORIGINAL PAPER

The Research of Professional Activity Specificity in B2B-Communication

K.M. Alekseeva

Financial University;
Communications Agency "Fresh Russian Communications", Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-7913-9843>

ABSTRACT

The article presents the results of the study of professional activity specificity in B2B-communication. To achieve these purposes, the author presents a review analysis of Russian market of B2B-communications as one of the most perspective fields for graduates of humanitarian specialities of Russian institutions. The research called "B2B Communication Vector 2020" conducted by Russian communication agency in 2019 gives an explanation of the specificity of activities of B2B-communication managers in a range of commerce companies. This article consists of the overall results of the study. Some of the results the author compared with the results of the conducted researches on foreign markets. The article presents different points of view of Russian specialists, practising PR in business.

Keywords: PR; public relations; marketing communications; research; B2B

For citation: Alekseeva K.M. The research of professional activity specificity in B2B-Communication. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(4):131-136. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-131-136

ВВЕДЕНИЕ

Анализ B2B-коммуникаций как сферы приложения сил огромного количества специалистов в области связей с общественностью (PR) и маркетинговых коммуникаций — тема для российского рынка новая и довольно острая. Хотя B2B-сектор занимает значительную часть экономики России и именно B2B-направления приносят большую часть прибыли многопрофильным коммерческим холдингам, специфика B2B-коммуникаций как самостоятельного направления коммуникационной деятельности как в России, так и в мире изучается слабо.

В российских и мировых исследованиях рынка маркетинговых и PR-услуг преимущественно используются обобщенные выводы, не учитывающие специфику B2B-рынков с их особенными группами общественности, отличающимися значительно большей рациональностью в поведении и принятии решений, чем клиенты на потребительских рынках. На международных и российских практических конференциях и форумах по коммуникациям все чаще звучат оды диджитализации, роботизации сферы PR и маркетинговых коммуникаций, использованию технологий искусственного интеллекта, нейромаркетинга и др. Однако почти нет подтвержденных данных об использовании специалистами в области коммуникаций B2B-компаний и B2B-брендов подобных инструментов. Поэтому остается открытым вопрос, подходят ли новые инструменты для продвижения специфического корпоративного бизнеса.

В 2019 г. коммуникационное агентство Fresh Russian Communications с нашим непосредственным участием провело первое на российском рынке исследование направления B2B бизнеса (<https://frc-pr.ru/info/news/issledovanie-b2b-communication-vector-2020-rasskazalo-ob-osobennostyakh-napravleniya-b2b-kommunikats>), погрузившись в трудовые будни специалистов, отвечающих за B2B-коммуникации. Исследование позволило сделать первый шаг к выявлению реальных потребностей, проблем и задач специалистов по связям с общественностью и маркетинговым коммуникациям, работающим в B2B-сегментах различных видов бизнеса. Целью исследования была попытка определить возможные направления развития PR и маркетинговых коммуникаций на B2B-рынках и показать специалистам в области B2B-коммуникаций пути, которыми идут их коллеги, вдохновить на свежие идеи и продолжить диалог о будущем коммуникаций в B2B-секторе.

ОБ ИССЛЕДОВАНИИ

Исследование проводилось в формате опроса 156 специалистов, в той или иной мере вовлеченных в процесс коммуникаций на различных B2B-рынках. В нем приняли участие представители компаний, работающих в ведущих секторах экономики, отличающихся при этом друг от друга и уровнем внедрения технологий, и традиционными для себя корпоративными культурами, и долей в ВВП страны. Данное исследование позволяет увидеть основные тренды, которым следует нынешнее поколение практикующих специалистов в области PR и маркетинговых коммуникаций. Большинство участников исследования занимают руководящие должности. При этом 57% из них и 54% менеджеров/специалистов на не руководящих должностях специализируются на построении коммуникаций и связей с общественностью. Специалистов, отвечающих в компании за маркетинг в целом, приняло участие в исследовании чуть меньше — около 45% (рис. 1).

ПРОФИЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ — ЖЕЛАТЕЛЬНЫЙ, НО НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ АТРИБУТ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ B2B-КОММУНИКАЦИЙ

По данным телефонного опроса 1600 человек старше 18 лет, проведенного в апреле 2019 г. Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), только 51% россиян работают по специальности (<https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9655>). Среди людей с высшим образованием этот показатель чуть больше — он достигает 58%.

Исследование B2B Communication Vector 2020 показывает, что B2B-коммуникаторы, которые имеют как минимум одно высшее образование (а около 10% из них — два или три), незначительно выбиваются из общего тренда, как бы демонстрируя, что профильное образование — не более чем хорошее подспорье для начала карьеры в отрасли. Только 53% участников исследования получили диплом в области маркетинга, PR или рекламы.

Остальные 47% респондентов либо получили образование в смежных областях (таких как журналистика или социология), либо обладают навыками, ценящимися при работе на промышленных рынках (техническое образование). Как оказалось, в сфере B2B-коммуникаций работают и дипломированные экономисты, финансисты, инженеры, управленцы, биологи, психологи, политологи, юристы и даже медицинские работники. По мнению самих участников опроса, образование — это лишь начало пути специалиста по коммуникациям.

Рис. 1 / Fig. 1. Позиция респондентов в компании / Respondents' position in the company

Источник / Source: составлено автором / the author.

ОТ PR К МАРКЕТИНГОВЫМ КОММУНИКАЦИЯМ

То, что Филипп Котлер в своих работах называл «потребительским маркетингом» [1] и «маркетингом предприятий», мы сегодня называем B2C- и B2B-маркетингом. В сегментах корпоративного бизнеса (B2B) сегодня наблюдается смешение функций специалистов по связям с общественностью и специалистов по маркетингу, в результате чего преобладающую роль начинает играть направление маркетинговых коммуникаций.

На рынках B2C сегодня в тренде так называемый «маркетинг 3.0», ориентированный уже не на собственные потребности покупателей, а на их ценности и потребности более высокого порядка, связанные с защитой окружающей среды и заботой о благосостоянии общества, обращаясь уже не просто к эмоциям, а к сердцам и душам людей. Важную роль при этом в системе маркетинговых коммуникаций занимает PR. B2B-компании и бренды также стараются включаться в современные тренды, такие как приверженность идеям устойчивого развития и внесение своего вклада в «общее дело» мирового масштаба. 81% специалистов в области B2B-коммуникаций работают в отделах, подчиняющихся напрямую генеральному директору или его заместителю (<https://frc-pr.ru/info/news/issledovanie-b2b-communication-vector-2020-rasskazalo-ob-osobennostyakh-napravleniya-b2b-kommunikats>). Сегодня, когда на российском рынке оранжевых организаций¹ все еще значительно больше, чем бирюзовых (изумрудных)² [2], «близость» к руково-

дителю — признак значимости структуры и веса ее консолидированного мнения в процессе принятия тактических и стратегических решений.

В то время как почти в половине B2B-компаний (49%) PR-коммуникации находятся в ведении департамента/отдела маркетинга, в 38% случаев предприятия создают под эти задачи самостоятельный департамент/отдел по связям с общественностью (PR), коммуникациям или пресс-службу. Нужно отметить, что это достаточно высокий процент (рис. 2).

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЗАДАЧ: НЕ ВСЕ ОТДАЮТ НА АУТСОРСИНГ

В компетенцию и круг должностных обязанностей специалистов в области B2B-коммуникаций входит множество задач — от работы со СМИ и различными контрагентами вне организации до построения системы внутренних коммуникаций.

Более 70% респондентов, как маркетологов, так и PR-специалистов, самостоятельно (порой совместными усилиями) ведут и наполняют корпоративный сайт, работают со СМИ (в направлении Media Relations), занимаются PR-поддержкой маркетинговой деятельности компании, выстраивают внутренние коммуникации и организуют участие компании в выставках (рис. 3).

При этом многие респонденты отметили, что ряд из этих задач в их компании выполняются совместными усилиями штатных специалистов и привлеченных коммуникационных, маркетинговых и digital-агентств. Поэтому полученные данные скорее свидетельствуют о том, в какие направления больше всего включены B2B-коммуникаторы, нежели о том, что вся эта работа выполняется исключительно собственными силами.

Несмотря на то что ТОП-5 данных задач выполняется всеми B2B-коммуникаторами, специали-

¹ Организации, главная цель которых победить в конкурентной борьбе, получить прирост и прибыль, а пути достижения этой цели жестко контролируются.

² Организации, где важную роль в достижении бизнес-задач играет принцип самоуправления.

Рис. 2 / Fig. 2. Структурные подразделения организаций, ответственные за коммуникации / Structural divisions of organizations responsible for communications

Источник / Source: составлено автором / the author.

зация отделов все же сохраняется, поэтому нельзя не отметить, что Media Relations — прерогатива именно PR-специалистов (только 4% из них совсем не используют данный инструмент в своей работе, среди специалистов по маркетинговым коммуникациям таких 14%).

Наоборот, e-mail-рассылками и проведением мероприятий для клиентов и партнеров чаще занимаются специалисты по маркетинговым коммуникациям, чем по связям с общественностью (77 против 56% и 74 против 55% соответственно).

Согласно данным Sagefrog Marketing Group (https://cdn2.hubspot.net/hubfs/455263/marketing-mix-2019/Marketing_Mix_2019_Report%20Final.pdf), 63% американских B2B-компаний (в основном малый и средний бизнес) на постоянной основе пользуются услугами маркетинговых и коммуникационных агентств, объясняя это так: содержать полноценный отдел маркетинга дорого, а нанять «специалиста широкого профиля» не всегда эффективно — он не сможет одинаково хорошо справляться со всеми задачами.

КОММУНИКАЦИИ — В ПРИОРИТЕТЕ

Классическая теория маркетинга (возможно, несколько устаревшая в свете ускорения темпов рыночных изменений последних десятилетий, но все еще актуальная для описания ключевых процессов в данной области) подразумевает наличие четырех основных функций маркетинга [3]: аналитической, продуктивно-производственной, сбытовой, функция управления, коммуникаций и контроля.

Согласно исследованию B2B Communication Vector 2020, большинство (68%) B2B-коммуникаторов российских и зарубежных компаний отдадут

приоритет именно коммуникативной составляющей маркетинга. На втором и третьем местах по популярности — поддержка продаж (25%) и работа с продуктом (7%). Аналитическая же функция маркетинга не входит в ТОП-3 актуальных задач.

Среди ключевых задач специалистов лидируют внешние коммуникации — в 62% случаев среди ответов на вопрос «три приоритетные на ближайший год задачи для вашего отдела» были названы проекты, целью которых является построение определенных (желаемых) отношений организации с ключевыми группами общественности. Внутренние коммуникации при этом заботят лишь 12% респондентов.

Чаще всего (в 36% случаев) перед специалистами по B2B-коммуникациям стоит задача по повышению узнаваемости бренда, фиксации в памяти потребителей информации о бренде: его существовании, свойствах, характеристиках и атрибутах (рис. 4).

27% B2B-коммуникаторов на 2020 г. ставят перед собой цель усилить развитие digital-направления. Учитывая, что большинство (60%) отделов сегодня самостоятельно решают данную задачу, но при этом хотят усилить это направление, стоит предположить, что спрос на специалистов по digital-коммуникациям будет расти либо часть компаний передаст подобные проекты на аутсорсинг.

Продолжает играть значительную роль в жизни B2B-компаний и медиасреда. 18% респондентов назвали задачу расширения присутствия бренда, компании или руководителя в медиа одной из наиболее важных. А это значит, что борьба за внимание СМИ всевозможных форматов только усилится — специалистам придется оттачивать навыки привлечения внимания журналистов, партнеров и общественности к сложным B2B-темам.

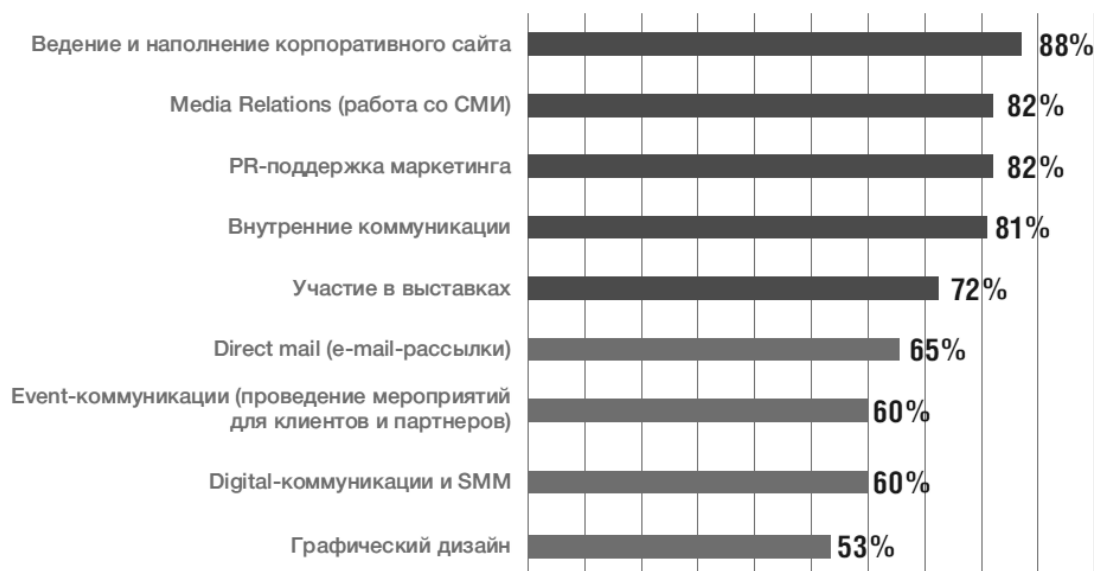

Рис. 3 / Fig. 3. Направления работы, которые штатные B2B-коммуникаторы компаний чаще всего выполняют самостоятельно / Areas of work that full-time B2B communicators of companies most often perform independently

Источник / Source: составлено автором / the author.

Рис. 4 / Fig. 4. Приоритетные направления деятельности специалистов в области B2B-коммуникаций (процент ответов, в которых данные задачи заняли одно из трех мест) / Priority areas for specialists in the field of B2B communications (percentage of responses in which these tasks took one of the three places)

Источник / Source: составлено автором / the author.

Также специалисты по B2B-коммуникациям планируют сделать акцент на PR-поддержке крупных проектов, формировании и развитии бренда работодателя и личного бренда руководителя, укреплении отношений со стейкхолдерами, заботе о репутации компании.

Интересно, что согласно данным исследования Digital Marketing Plan Survey (<https://komarketing.com/industry-news/survey-digital-marketing-budgets-increase-significantly-2018>), еще в 2017 г. большинство американских B2B-маркетологов признавались, что руководство требует от них генерировать больше лидов (только 41% специалистов не получали подобных распоряжений). В России же в 2019 г. лидо-

генерация хотя и важная, но все-таки не основная задача для большинства маркетологов (77%) и PR-специалистов (90%).

ВЫВОДЫ

В результате анализа данных, полученных в ходе исследования, можно сделать следующие выводы о специфике маркетинговых и PR-коммуникаций на рынках B2B.

Прежде всего сегодня за взаимодействие B2B-компаний с внешней средой отвечают высокообразованные и квалифицированные специалисты. Половина из них имеет профильное образование, остальные используют навыки, полученные в про-

цессе получения образования в смежных с маркетингом и PR технических или гуманитарных направлениях. Как и в большинстве других отраслей, компетенции B2B-коммуникаторов произрастают из приобретенных (не только во время учебы в вузе) знаний, умений, навыков, опыта и постоянного самообразования. Коммуникации остаются либо под контролем отделов/департаментов маркетинга (в 50% случаев), либо создается самостоятельная структурная единица — PR-отдел или департамент коммуникаций (в 38% случаев). Ответственные за коммуникации с целевой аудиторией отделы чаще всего подчиняются напрямую генеральному директору или его заместителям. Именно поэтому многие подрядчики подолгу ждут согласования их предложений с руководителем, на которого ссылается маркетолог или PR-специалист компании-клиента.

Принимаясь за работу в B2B-компании практически любой отрасли специалист по коммуникациям должен быть готов к тому, что значительную часть его рабочего времени будут занимать: работа с корпоративным сайтом, организация взаимодействия со СМИ и другими целевыми группами общественности, управление внутренними коммуникациями и организация участия компании в выставках.

Именно на выполнение этих задач B2B-компании реже всего привлекают сторонних подрядчиков, либо активно участвуют в выполнении этих задач совместно с коммуникационными и маркетинговыми агентствами.

Среди задач, которым B2B-коммуникаторы присвоили на ближайший год приоритетное значение, лидирует группа внешних коммуникаций — 62% специалистов сообщили, что проекты данного рода входят в ТОП 3 важнейших направлений их деятельности. Компании будут стремиться:

- повышать узнаваемость бренда;
- развивать digital-коммуникации;
- расширять зону присутствия бренда в медиа.

Помимо внешних коммуникаций, маркетологи и PR-специалисты должны стремиться поддерживать продажи компании. Хотя задача по генерации лидов стоит лишь перед 18% специалистов в области B2B-коммуникаций, с целью стимулирования сбыта многие компании планируют усиливать event-активность, повышать лояльность клиентов (часто ведущую к повторным покупкам), развивать клиентские сервисы и порталы. И лишь 13% специалистов готовятся к выводу на рынок новых продуктов или выходу на новые рынки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Котлер Ф., Келлер К.Л. Маркетинг. Менеджмент. 15-е изд. СПб.: Питер; 2020. 848 с.
2. Чан Ким В., Моборн Р. Стратегия голубого океана. Как создать свободную нишу и перестать бояться конкурентов. М.: Hippo; 2005. 272 с.
3. McCarthy E.J. Basic Marketing: A Managerial Approach. Ill., Homewood, 1981. 752 p.

REFERENCES

1. Kotler Philip, Keller Kevin Lane. Marketing management. 15th edition. Tuck School of Business, Dartmouth College. Saint Petersburg: Piter; 2020. (In Russ.).
2. Chan Kim W., Mauborgne Renee. How to Create Uncontested Market Space and Make the Competition Irrelevant. Moscow: Hippo; 2005. (In Russ.).
3. McCarthy Edmund Jerome. Basic Marketing: A Managerial Approach; Ill.: Homewood; 1981.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ксения Михайловна Алексеева — доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет; управляющий партнер коммуникационного агентства Fresh Russian Communications, Москва, Россия
KMAlekseeva@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Ksenia M. Alekseeva — Associate Professor, Department of Political Sciences and Mass Medias, Finance University; Head of Communications Agency “Fresh Russian Communications”, Moscow, Russia
KMAlekseeva@fa.ru

Статья поступила 25.04.2020; принята к публикации 15.05.2020.

Автор прочтала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 25.04.2020; accepted for publication on 15.05.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-137-139

УДК 336.1(045)

Развитие финансового механизма оказания государственных услуг

В.В. Реброва

Финансовый университет, Москва, Россия

<https://orcid.org/0000-0002-6114-6666>

АННОТАЦИЯ

Важнейший показатель уровня социально-экономического развития государства – качество предоставления государственных услуг. Однако оно не всегда соответствует требованиям сегодняшнего дня, поэтому одним из системных звеньев, нуждающихся в теоретическом обобщении и упорядочении, является финансовый механизм оказания государственных услуг. Следовательно, вопросы совершенствования финансового механизма остаются актуальными. Цель исследования заключается в анализе финансового механизма оказания государственных услуг. В соответствии с целью поставлены следующие задачи исследования: изучить состояние финансового механизма оказания государственных услуг; проанализировать формы, методы, инструменты финансирования государственных услуг; исследовать процесс планирования финансирования государственных услуг. Практическая значимость работы заключается в том, что материалы статьи могут быть использованы органами государственной власти для повышения эффективности расходования бюджетных средств. К тому же они могут быть применены при преподавании дисциплин экономического профиля.

Ключевые слова: финансовый механизм; государственные услуги; бюджетное финансирование; государственное задание

Для цитирования: Реброва В.В. Развитие финансового механизма оказания государственных услуг. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(4):137-139. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-137-139

ORIGINAL PAPER

Development of the Financial Mechanism for the Provision of Public Services

V.V. Rebrova

Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-6114-6666>

ABSTRACT

The most important indicator of the level of socio-economic development of the state is the quality of the provision of public services. However, their quality does not always correspond to the requirements of today. Therefore, one of the system links that need theoretical generalization and streamlining is the financial mechanism for the provision of public services. Thus, the issues of improving the financial mechanism are relevant. The purpose of the study is to analyze the financial mechanism for providing public services. Following the goal, the following research tasks are set: to study the state of the financial mechanism for delivering public services; to analyze the forms, methods, and tools for financing public services; to study the process of planning the financing of public services. The practical significance of the work lies in the fact that the materials of the article can be used by public authorities to increase the efficiency of spending budget funds. Besides, they can be applied in the teaching of economic disciplines.

Keywords: financial mechanism; public services; budget financing; state assignment

For citation: Rebrova V.V. Development of the financial mechanism for the provision of public services. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(4):137-139. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-137-139

Органы государственной власти и местного самоуправления оказывают государственные услуги в соответствии с законодательством Российской Федерации. Единого подхода к понятию «государственная услуга» на сегодняшний момент не существует. Так, в Бюджетном кодексе РФ¹ дано следующее определение: «Это услуги, оказываемые физическим и юридическим лицам в соответствии с государственным заданием органами государственной власти, бюджетными учреждениями, иными юридическими лицами безвозмездно или по ценам, устанавливаемым в порядке, определенном органами государственного самоуправления».

Соответственно государственная услуга — это деятельность органов власти, реализуемая по запросу граждан и организаций в пределах нормативов, определенных законодательством Российской Федерации.

Совокупность трех сегментов условно образует сферу государственных услуг: производство государственных услуг, их обращение и инфраструктурное обеспечение деятельности. Специфика формирования финансового механизма в сфере государственных услуг определяется перечисленными особенностями [1].

Под финансовым механизмом следует понимать систему разнообразных форм и методов построения финансовых отношений в сфере государственных услуг на различных уровнях, действующую с целью влияния финансовых инструментов на социальноэкономические процессы при определенных параметрах институциональной среды.

Целью формирования финансового механизма оказания государственных услуг является обеспечение результативного производства и предоставления государственных услуг.

Достижению указанной цели способствует соблюдение в процессе формирования финансового механизма следующих требований, предъявляемых к нему. Необходимо:

- способствовать развитию сферы оказания государственных услуг;
- отражать соотношение между объемом бюджетного финансирования и качеством предоставленных государственных услуг;
- стимулировать конкуренцию в сфере государственных услуг;

- обеспечивать зависимость производителя от потребителя государственных услуг;
- усиливать ответственность за эффективное использование бюджетных средств.

Сфере государственных услуг присущ директивный тип финансового механизма: установленные формы и методы действий для участников финансовых отношений.

Источниками финансирования государственных услуг являются: государственный бюджет РФ; бюджеты субъектов РФ; внебюджетные фонды; смешанные источники финансирования; средства граждан и юридических лиц.

Так, в соответствии с положениями федерального законодательства, можно выделить две категории государственных услуг²:

- услуги, предоставляемые учреждениями в соответствии с государственным заданием;
- услуги, оказываемые исполнительными органами государственной власти, а также внебюджетными фондами и организациями, участвующими в оказании услуг по запросу.

Финансовое обеспечение государственных услуг осуществляется путем выделения денежных средств распорядителем бюджетных средств получателю по статьям текущих и капитальных затрат.

К текущим расходам относятся затраты на оплату труда, услуг связи, транспортных услуг, арендную плату за пользование имуществом, командировочные расходы и пр.

К капитальным расходам относятся оплата ремонтных работ, закупка материальных и нематериальных внеоборотных активов и пр. [2].

Кроме того, актуальным направлением роста эффективности бюджетного финансирования становится финансирование посредством государственных заказов, государственных программ, фондов, грантов и контрактов, которые размещаются между государственными некоммерческими и негосударственными некоммерческими организациями на конкурсной основе.

Глава 10 Бюджетного кодекса РФ определяет порядок финансового обеспечения оказания государственных услуг государственными и муниципальными организациями. На финансирование каждой расходной части финансово-хозяйственного плана организации выделяется целевая субсидия. Следовательно, формирование финан-

¹ Бюджетный кодекс РФ (по состоянию на 16.05.2011). М.: Омега-Л; 2011. 220 с.

² Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 28.07.2012) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг».

сово-хозяйственного плана средств выполняется по нормативам финансирования и другим показателям на основании государственного задания. Согласно статье 6 Бюджетного кодекса Российской Федерации, государственное задание — это документ, устанавливающий требования к составу, качеству и (или) объему (содержанию), условиям, порядку и результатам оказания государственных услуг (выполнения работ)³.

Поскольку размер субсидии связан с объемом услуг, бюджетное и автономное учреждение заинтересовано в его увеличении, а также — в увеличении спроса на услуги путем повышения их качества.

Выявлением потребностей населения в какой-либо услуге занимается Правительство РФ, которое создает реестр услуг.

Перед доведением задания необходимо проинформировать предварительный расчет объема финан-

сирования на его реализацию. Расчеты должны быть сопоставлены с планируемыми объемами финансирования деятельности учреждения по смете расходов в текущем (прошедшем) финансовом году.

Оценка эффективности бюджетного финансового обеспечения оказания государственных услуг — важный инструмент управления механизмом финансирования, направленный на доступность и качество услуг. Их результативность определяется соотношением результата, полученного в ходе осуществления бюджетных затрат, с целями развития сферы [3].

В этой связи финансовый механизм оказания государственных услуг нуждается в совершенствовании системы мониторинга осуществления государственных заданий по оказанию государственных услуг для установления взаимосвязи между использованными бюджетными средствами и полученными результатами и усиления ответственности государственных учреждений за качество предоставленных государственных услуг.

³ Бюджетный кодекс РФ (по состоянию на 16.05.2011). М.: Омега-Л; 2011. 220 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Барулин С.В. Финансы. Учебник. М.: КНОРУС; 2010. 640 с.
2. Несутулов А.С. Особенности финансового механизма предоставления государственных услуг, ориентированного на повышение их качества. *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2016;(2):107–113.
3. Слепова В.А. Финансы. М.: Магистр; ИНФРА-М; 2015. 336 с.

REFERENCES

1. Barulin S.V. Finance: Textbook. Moscow: KNORUS; 2010. (In Russ.).
2. Nesutulov A.S. Features of the financial mechanism for providing public services aimed at improving their quality. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 2016;(2):107–113. (In Russ.).
3. Slepova V.A. Finance. Moscow: INFRA-M; 2015. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Виктория Владимировна Реброва — студентка 1-го курса аспирантуры Департамента общественных финансов, Финансовый университет, Москва, Россия
vika.rebrova@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Victoria V. Rebrova — 1st-year post-graduate student, Department of Public Finance, Financial University, Moscow, Russia
vika.rebrova@mail.ru

*Статья поступила 15.02.2020; принята к публикации 15.05.2020.
Автор прочтала и одобрила окончательный вариант рукописи.
The article received on 15.02.2020; accepted for publication on 15.05.2020.
The author read and approved the final version of the manuscript.*

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-140-146
УДК 930(045)

Эволюция московской банковской системы на рубеже XIX – начала XX века

Е.В. Лаптева

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-6501-2788>

АННОТАЦИЯ

В статье на примере Москвы рассматриваются основные причины, параметры и история возникновения региональных российских банков. В качестве одного из основных используется сравнительно-исторический метод, автор также применяет элементы биографического анализа. В поле исследования попадает ряд московских банков, в основном связанных с торговлей. В работе называются имена известных московских предпринимателей, стоявших у истоков банковского дела в старой столице, многие из которых были старообрядцами. Данная статья может являться основанием для открытой дискуссии об исторической преемственности, анализа деятельности современных московских банков и связи их с аналогами XIX – начала XX в.

Ключевые слова: банк; централизация; финансы; руководство; учредитель; акция; орган; ревизия; договор; империализм

Для цитирования: Лаптева Е.В. Эволюция московской банковской системы на рубеже XIX – начала XX века. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(4):140-146. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-140-146

ORIGINAL PAPER

Evolution of the Moscow banking system at the turn of the XIX – early XX centurie

E.V. Lapteva

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-6501-2788>

ABSTRACT

The article considers the main reasons, parameters, and history of regional Russian banks based on the example of Moscow. One of the main methods used is the comparative-historical method, which applies to various sections of the article. The author uses elements of biographical analysis. The field of research includes several Moscow banks, mainly related to trade. The study names famous Moscow entrepreneurs who were at the origins of banking in the old capital, and draws attention to the fact that many of them were old believers. This article can be the basis for an open discussion about the historical continuity, analysis of the activities of modern Moscow banks and their connection with analogues at the turn of the XIX – early XX centuries.

Keywords: bank; centralization; finance; management; founder; action; body; audit; contract; imperialism

For citation: Lapteva E.V. Evolution of the Moscow banking system at the turn of the XIX – early XX centurie. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(4):140-146. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-140-146

«**В**еликие реформы» Александра II положили начало бурному экономическому развитию России. С 1854 г. (проект реформ А. И. Кошелева) предпринимались попытки улучшить оборот государственных финансов и работу органов, а в 1862–1878 гг. Министерство финансов под руководством М. Х. Рейтерна сделало попытку далее развить финансовую систему России. Министры финансов Н. Х. Бунге (1881–1887) и И. А. Вышнеградский (1887–1892) продолжали решать эту задачу.

Формирующаяся банковская система России имела свои особенности. Она не являлась естественной, самоуправляющейся, ее структура формировалась правительством, устанавливались рамки, в которых развивались финансовые институты [1].

Главной целью этих реформ была централизация финансового дела. В 1860 г. был учрежден Государственный банк, который заменил ряд финансовых организаций, в 1862 г. — упорядочен госбюджет, проведены другие важные финансовые изменения. На протяжении 1860-х гг. шли изменения в финансовой области: были учреждены контрольные палаты, введена система акцизных сборов, стали публиковаться отчеты Государственного контроля, развивался частный кредит. И хотя налоги и сборы продолжали носить сословный характер, финансовая система России стала более эффективной. Печальным фактом стало то, что государство было вынуждено тратить большие средства на искусственное поддержание вексельного курса за границей.

Все вышеуказанные меры подстегнули развитие экономики, следствием чего стало образование акционерных коммерческих банков по всей стране. Петербург постепенно стал терять приоритет в концентрации банковского капитала — провинциальная Россия взяла ориентацию на Москву, поддерживающую местную торговлю, промышленность, предпринимательство в целом.

В 1866 г. был образован, как акционерный, коммерческий *Московский купеческий банк*. Его учредила группа торговцев и промышленников во главе с В. А. Кокоревым. Основным капитал банка составлял 1,24 млн руб. (1866), который затем вырос до 27 млн руб. (1917). Банк имел филиалы в крупных торговых точках: Петербурге, Киеве, Коканде, Ростове-на-Дону

и Харькове. Как крупнейший в Москве в то время, он придерживался политики кредитования торгово-промышленного оборота, сторонясь рискованных финансовых операций, а также развивал выдачу ссуд и пользовался репутацией банка деловой элиты. Как указывает специалист по банковской истории Ю. А. Петров, акции (паи) высокого номинала (5 и 10 тыс. руб.) были распределены сре-

На протяжении 1860-х гг. шли изменения в финансовой области: были учреждены контрольные палаты, введена система акцизных сборов, стали публиковаться отчеты Государственного контроля, развивался частный кредит.

ди узкого круга пайщиков, представлявших 200–250 семейств купеческой Москвы [2]. Но потребности растущей экономики и быстро поднимающаяся промышленность заставили руководство банка пересмотреть свои позиции и расширить бизнес. Успешное развитие банка продолжалось и в начале XX в. В 1915 г. Московский купеческий банк учредил собственную дочернюю компанию — Московское купеческое товарищество с капиталом 3 млн руб. Декретом СНК РСФСР в декабре 1917 г. банк был национализирован. Но в 1920-х гг. группой эмигрировавших из России пайщиков его деятельность была возобновлена в Лондоне на основе активов, оставшихся на счетах иностранных корреспондентов. Финансовые операции банка проводились до начала 1930-х гг., когда экономический кризис, наконец, поставил точку на его существовании.

С 1870 г. в Москве стали активно образовываться новые коммерческие банки. Тогда по инициативе московского городского головы Д. Д. Шумахера был учрежден *Московский коммерческий ссудный банк*. Основным капитал этого банка составлял 3 млн руб. Среди учредителей были владельцы крупных московских торгово-промышленных фирм (сахарозаводчики Борисовские, текстильные фабриканты Т. С. Морозов, А. К. Крестовников, И. Я. Лямин,

владелец табачной фабрики В. М. Бостанджогло и др.). Банк активно поддерживал контакты с европейскими банками и кредитовался у них, но увяз в финансовых махинациях, связанных с выпуском акций под строящиеся железные дороги, и в 1875 г. он обанкротился. Это был первый банковский крах в России, и банкротство Московского коммерческого ссудного банка вызвало огромный отток вкладов из российских банков, что, в свою очередь, привело к последующим банкротствам. Опыт Московского коммерческого ссудного банка оказался полезным: в 1884 г. был принят закон «О ликвидации частных кредитных установлений», который вводил практику ревизий акционерных коммерческих банков и т. д.

Незадолго до начала Первой мировой войны, в 1912 г., возник Московский коммерческий акционерный банк. Он был учрежден на базе основанного в 1902 г. банкирского дома братьев Рябушинских. Образованию банка предшествовала торговая деятельность, в ходе которой возникла идея привлечь капиталы купцов-староверов, которые составляли значительную часть финансов, вращающихся в Московском регионе.

В 1870 г. появился *Московский учетный банк*. Его учредителями стала группа московских предпринимателей немецкого происхождения (К. Герике, А. Ценкер, а также Л. Кноп и др.) Это были выходцы из Германии, сделавшие состояние в России на внешнеторговых и финансовых операциях. Им помогали русские предприниматели: Боткины, Щукины, Абрикосовы и др. Основной капитал банка составлял 2 млн руб. Банк также имел крупные торговые филиалы в Туле, Андижане, Бухаре, Коканде, Намангане и Самарканде. Он кредитовал крупных промышленников, а также занимался внешнеторговыми операциями. В годы Первой

мировой войны немецкие основатели были оттеснены русскими партнерами. В декабре 1917 г. он был национализирован и продолжил работу за границей на основе заграничных активов (Франко-русское общество ссуд и авансов в Париже), но также просуществовал недолго.

В 1871 г. был образован *Московский торговый банк*. Он возник по инициативе Н. А. Найдёнова и других представителей промышленно-торгового капитала. Основной капитал составлял 2 млн руб. В 1873–1877 гг. банк входил в синдикат по финансированию петербургского заводчика Н. И. Путилова, основателя Общества Путиловских заводов. Но Путилов остался должен банку около 300 тыс. руб. и отказался погасить долг. Только содействие Государственного банка, взявшего на себя претензию синдиката к Путилову, выровняло баланс банка. С этого момента Найдёнов ориентировал банк на обслуживание предприятий крупных московских заводчиков. Банк был также национализирован в 1917 г.

В 1872 г. возникает *Московский земельный банк*. Его основной капитал на момент образования составлял 1 млн руб. (1872). Банк выпускал акции номинальной стоимостью 250 руб. и закладные листы на общую сумму 169,6 млн руб. (к январю 1914 г.), ориентировался на большинство губерний Центральной, Северо-Западной и Западной России, выдавал ссуды под залог земель и городского недвижимого имущества, а также краткосрочные ссуды (от 6 месяцев до 3 лет). Банк был призван обеспечить интересы разоряющегося дворянства, но чтил и свои интересы: ссуды под залог выдавались на сумму не более 60% от реальной стоимости заложенного имущества. Деятельность банка была успешной, его дивиденд в 1912 г. составил 18%. Этот факт заставил обратить на него внимание одного из «китов» российского банковского капитала — *Азовско-Донской банк*. В 1910–1913 гг. *Московский земельный банк* был втянут в орбиту его деятельности. В 1919–1920-х гг. банк был упразднен.

В том же 1872 г. появляется *Московский международный торговый банк* (первоначально — Рязанский торговый банк). В 1885 г., после перевода правления банка в Москву, банк стал называться Московско-Рязанским, а с 1892 г. — Московским международным торговым банком. Подробнее об истории этого банка можно узнать из работ И. Ф. Гиндина «Московские банки

в период империализма» [3] и «Банки и промышленность в России. К вопросу о финансовом капитале в России» [4]. Основным капиталом Московского международного торгового банка на момент образования в 1872 г. составлял 600 тыс. руб., но быстро рос. Характерно, что банк являлся опорой финансово-промышленной группы Полякова, включавшей 4 коммерческих банка, 2 земельных банка, страховое общество, 5 транспортных и 6 торгово-промышленных компаний. В конце 1890-х гг. по объему операций данный банк вышел на второе место в Москве после Московского купеческого банка и открыл разветвленную сеть отделений (29 филиалов, из них 7 — за границей). Банк финансировал экспорт хлеба и хлопка за границу. К сожалению, экономический кризис начала XX в. пошатнул репутацию банка, и Государственный банк был вынужден взять его под свой контроль. В 1909 г. Министерство финансов приняло решение о слиянии нескольких банков, принадлежащих Полякову, в Соединенный банк. Убытки были списаны из общего капитала, а акции нового банка обменивались на старые из расчета 1:4.

В 1880-е гг. в российскую финансовую жизнь стали активно проникать иностранные капиталы, в первую очередь французский. Они ориентировались на промышленность. В.И. Бovyкин в своем исследовании «Французские банки в России» указывает, что одной из причин интереса французских финансистов была поддержка французских предпринимателей, и первоначально банки ориентировались на Петербург, но затем в сферу их интересов попала и промышленно-торговая Москва [5].

Следующий этап образования банков в старой русской столице начался уже после окончания экономического кризиса начала XX в. В 1908 г. образовался *Московский народный банк*. Он возник как кооперативный, игравший роль общегосударственного, финансового и торгового центра кооперации и кооперативного кредита и быстро стал популярен [6]. Подробно история банка исследована в диссертации Н. Н. Чеховской «МНБ и его роль в развитии кооперации в России» [7]. Банк был создан после постановления первого Всероссийского кооперативного съезда (1908). Но процесс образования затянулся, устав и первый выпуск акций появились лишь в 1911 г. Основным капиталом банка составлял 1 млн руб. Были

выпущены 4 тыс. именных акций по 250 руб., продававшихся правлением банка, в основном кооперативам и союзам. Частникам в 1912 г. принадлежало менее 16% акций банка, и их число сокращалось. А с 1916 г. было запрещено продавать им акции. В 1917 г. банк перешел к долгосрочным ссудам, кредитуя в основном союзы, — из 103 млн руб. новых кредитов, открытых в 1917 г., 95 млн было выдано союзам. Московский народный банк открыл 12 новых отделений в России и 2 за границей (на основе Лондонского и Нью-Йоркского агентств). В конце 1917 г. число акционеров Московского народного банка составляло около 5 тыс. кооперативных организаций, в том числе 342 союза, объединявших 20 тыс. кооперативов. В отличие от многих других банков, Московский народный банк не был закрыт сразу. В ноябре 1917 г. в этот банк был назначен комиссар от Наркомфина, затем в 1918 г. из товарного отдела Московского народного банка выделены отраслевые кооперативные центры по переработке и сбыту сельскохозяйственной продукции. К июлю 1918 г. около 64% ссуд банка было адресовано потребсоюзам и обществам: 17,7% — кредитным, 11,4% — сельскохозяйственным и кустарным союзам и товариществам, 5,1% — общественным учреждениям, 1,3% — земским кассам мелкого кредита. К ноябрю 1918 г. баланс Московского народного банка возрос до 1,3 млрд руб., вклады — до 606 млн руб. Но после неудачных переговоров правления банка с Лениным (банк хотел сохранить свою самостоятельность) Московский народный банк был национализирован декретом СНК РСФСР и в декабре 1918 г. слит с Народным банком РСФСР, которому передали активы и пассивы банка.

Незадолго до начала Первой мировой войны, в 1912 г., возник *Московский коммерческий акционерный банк*. Он был учрежден на базе основанного в 1902 г. банкирского дома братьев Рябушинских. Образованию банка предшествовала торговая деятельность, в ходе которой возникла идея привлечь капиталы купцов-староверов, которые составляли значительную часть финансов, вращающихся в Московском регионе. Как указывает И. И. Левин, важным событием в развитии дела Рябушинских стало поглощение ими Харьковского земельного банка [8], что открывало возможности бизнеса на юге. В 1917–1918 гг. были образованы «дочки»

основного банка Рябушинских на юге: Юго-Центральный, Черноморский и Таврический банки. Но они просуществовали недолго, а их главный основатель эмигрировал.

Современники активного роста банковского бизнеса в последней трети XIX в. не раз апеллировали к государству с требованием изменить банковскую политику, повлиять на нее, подозревая московские банки в нечистой игре.

30 мая 1902 г. был подписан договор об образовании Банкирского дома. Основной капитал составил 1 млн 50 тыс. руб., позднее он увеличился до 7 млн. Банк братьев Рябушинских рассматривался как торговый дом, занимающийся банковскими операциями: покупка и продажа дивидендных бумаг, страхование выигрышных билетов, операции с векселями, кредит и т. д. Б. И. Ананьич указывает, что за 10 лет существования Банкирского дома братья постоянно увеличивали его капитал. Война обогатила Рябушинских. Они разработали проект слияния Московского банка с Русским торгово-промышленным и Волжско-Камским [9].

Семеро братьев Рябушинских продолжали дело отца, П. М. Рябушинского (1820–1899). Их задачей было противостоять проникновению капиталов петербургских финансистов в традиционно «московские» отрасли промышленности (в основном — текстильную). Банк имел 16 отделений, которые располагались в крупных экономических центрах, прежде всего связанных с текстильной промышленностью (Иваново-Вознесенске, Пскове, Смоленске, а также Петербурге и др.). В сфере интересов банка были и новые отрасли промышленности и предпринимательства, способные принести быструю прибыль: автомобилестроительная (АМО), а также ипотечного кредита (Харьковский земельный банк), страхового дела (Российский взаимный страховой союз). Эта тактика позволила быстро увеличить пассивы банка. Банк занял 11-е место в списке ведущих акционерных коммерческих банков России.

Успешную деятельность банка прервала революция, он был национализирован декретом СНК РСФСР в декабре 1917 г.

Кроме указанных банков, в Москве проводил финансовые операции банк-посредник «И. В. Юнкер и К». Он был основан в начале XIX в., но основная его деятельность активизировалась с 1889 г.

Московские банки, развернувшие свою работу в основном с последней трети XIX в., имели традиционно промышленную ориентацию (Москва была центром внутреннего рынка). Такие банки создавались представителями крупного промышленного и торгового капитала, которые часто не разделяли торговые и финансовые дела. Государство не раз пыталось поставить все банки под плотный государственный контроль, но эти попытки нельзя назвать успешными. Как указывают в своем исследовании В. А. Динес и В. И. Ткачев, история частного банкирского бизнеса представляет собой длительный и неразрешенный конфликт между государственными и частными спекулятивными интересами банковского капитала [10].

Современники активного роста банковского бизнеса в последней трети XIX в. не раз апеллировали к государству с требованием изменить банковскую политику, повлиять на нее, подозревая московские банки в нечистой игре. П. Черкасов в труде «Городские общественные банки», вышедшем в 1882 г. пишет, что «по размеру% по вкладам параграф 32 Положения 1862 г. дал такой простор действиям городских банков, что нужно удивляться, почему правительство до сего времени не положило предела% по вкладам (они доведены до 7 и даже до 8,5 годовых на 100, в некоторых городах еще выше)» [11]. Это было мнение стороннего наблюдателя, не участвовавшего ни в активной торговле, ни в промышленности или финансовом бизнесе. Банковский, финансовый бизнес в России еще только начинал развиваться и не был понятен большинству населения.

Рассматривая основные факты, касающиеся процесса возникновения и развития московских банков со второй половины XIX в. до 1917 г., можно выделить некоторые закономерные тенденции:

1. Возникновение крупных московских банков второй половины XIX в. подчинялось

общим процессам экономического подъема, характерным для «пореформенного» состояния России.

2. В процессе своего зарождения московские банки опирались на национальный капитал, имевший достаточно узкую специализацию. Это отразилось на их деятельности, и лишь впоследствии, на рубеже веков, они сформировали филиалы и агентства за рубежом.

3. Несмотря на основную направленность на местные интересы, московские банки эволюционировали и открывали многочисленные филиалы в крупных городах — экономических центрах России.

4. Ряд московских банков через филиалы в Средней Азии и Персии контролировал торговлю хлопком и льном. Москва оставалась верна старым образцам промышленного опыта и ориентировалась, прежде всего, на ткацкую, текстильную промышленность. В этом политика московских банков отчасти напоминала действия Лондонского банка, который охотно выдавал кредиты предпринимателям, занимающимся традиционной суконной промышленностью.

5. Большинство московских банков в конце XIX — начале XX в. имело свои представительства за рубежом, что говорит о стремлении

России интегрироваться в мировую финансовую и торговую систему.

6. Государство внимательно следило за судьбой крупных провинциальных, в частности, московских банков и при необходимости оказывало им помощь.

7. Прекращение работы московских акционерных коммерческих банков было связано, в первую очередь, с революционными событиями 1917 г. и политикой национализации, проводимой большевикам. Но, тем не менее, специфика деятельности некоторых московских банков и состав их правления позволил им продержаться на плаву несколько дольше рубежа декабря 1917 г.

8. Попытка московских банков продолжить финансовые операции за границей после октября 1917 г. в основном провалилась. В скором времени заграничные филиалы, агентства и представительства прекратили работу. Это говорит о том, что московские банки, как и остальные акционерные коммерческие банки России в этот период, не были интегрированы в мировую финансовую систему, не имели прочного опыта выживания в условиях мирового финансового кризиса и без опоры на отечественный бизнес просто не могли существовать.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пашенцев Д. А. Правовое регулирование финансовой деятельности в Российской империи. М.: Пашенцев Д. А.; 2004. 260 с.
2. Российская банковская энциклопедия. М.: ЭТА; 1995.
3. Гиндин И. Ф. Московские банки в период империализма. Исторические записки. Т. 58. М.; 1956.
4. Гиндин И. Ф. Банки и промышленность в России. К вопросу о финансовом капитале в России. М.-Л.: Промиздат; 1927.
5. Бовыкин В. И. Французские банки в России. Конец XIX — нач. XX вв. М.: РОССПЭН; 1999.
6. Анцыферов А. Н. Московский народный банк. Москва: Совет Всерос. кооп. съездов. 2-е изд. М.: тип. «Рус. т-ва изд. дела»; 1917. 31 с.
7. Чеховская Н. Н. МНБ и его роль в развитии кооперации в России. Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. М.; 1988.
8. Левин И. И. Акционерные коммерческие банки в России. Т. 1. Петроград: тип. Т-ва Птгр. печ. пр-ва И. Р. Белопольского и К^о; 1917. 25 с.
9. Ананьич Б. В. Банкирские дома в России 1860–1914. Очерки истории частного предпринимательства. М.: РОССПЭН; 2006.
10. Динес В. А., Ткачев В. И. История предпринимательства в России IX — начало XX вв. Саратов: Саратовский гос. социально-экономический ун-т; 2011.
11. Черкасов П. Городские общественные банки. М.: Унив. тип. (М. Катков), ценз; 1882. 28 с.

REFERENCES

1. Pashencev D. A. Legal regulation of financial activities in the Russian Empire. Moscow; 2004. (In Russ.).
2. The Russian banking encyclopedia. Moscow: ETA; 1995. (In Russ.).

3. Gindin I. F. Moscow banks in the period of imperialism. Historical notes. Vol 58. Moscow; 1956:38–106. (In Russ.).
4. Gindin I. F. Banks and industry in Russia. On the issue of financial capital in Russia. Moscow: Leningrad: PROMIZDAT; 1927. (In Russ.).
5. Bovykin V. I. French banks in Russia. End of XIX — beginning of XX century. Moscow: ROSSPEN; 1999. (In Russ.).
6. Ancyferov A. N. Moscow Narodny Bank. Moskva: Sovet Vseros. koop. s»ezdov. 2nd ed. Moscow; 1917. (In Russ.).
7. Chekhovskaya N. N. MNB and its role in the development of cooperatives in Russia. Avtoreferat dis. ... kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.02. Moscow; 1988. (In Russ.).
8. Levin I. I. Joint-stock commercial banks in Russia. Vol. 1. Petrograd: I. R. Belopol'skogo i K°; 1917. (In Russ.).
9. Anan'ich B. V. Bankers' houses in Russia, 1860–1914. Essays on the history of private entrepreneurship. Moscow: ROSSPEN; 2006. (In Russ.).
10. Dines V. A., Tkachev V. I. History of entrepreneurship in Russia IX — early XX centuries. Saratov: Saratovskij gos. social'no-ekonomicheskij un-t; 2011. (In Russ.).
11. Cherkasov P. City public banks. Moscow: M.: Katkov; 1882. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Елена Васильевна Лаптева — доктор исторических наук, доцент, профессор Департамента социологии, истории и философии, Финансовый университет, Москва, Россия
elapteva@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Lapteva — D. Sc. (History), Associate Professor, Department of Sociology, History, and Philosophy, Financial University, Moscow, Russia
elapteva@fa.ru

Статья поступила 10.03.2020; принята к публикации 10.05.2020.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 10.03.2020; accepted for publication on 10.05.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.